

**Министерство образования и науки Украины
Мариупольский государственный университет
Кафедра русской филологии и перевода**

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ

ПО ВВЕДЕНИЮ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

**для студентов 1 курса специальности
«Перевод (украинский, русский, польский)»**

Мариуполь – 2014

УДК (811.161.2+811.161.1)'373

ББК 32.973.26-018.2

Методические рекомендации по учебной дисциплине «Введение в переводоведение» для студентов 1 курса специальности «Перевод (украинский, русский, польский)» / Сост.: старший преподаватель кафедры русской филологии и перевода, Н. А. Гайдук. – Мариуполь: МГУ, 2014. – 172 с.

Данный курс является одним из основных в процессе подготовки высококвалифицированных филологов-переводчиков. Он знакомит студентов с основными понятиями и теориями, которые существуют в современном переводоведении, рассматривая основные переводческие проблемы и способы их решения.

В разделах, распределенных по базовым темам, представлены основные понятия для изучения, а также упражнения для закрепления материала во время практических занятий. В начале разделов даны вопросы, на которые студенты должны обратить особое внимание, а также вопросы для самопроверки в конце.

С помощью данных методических рекомендаций можно организовать как работу студента на практическом занятии, так и самостоятельную работу с последующим контролем преподавателя.

Рецензенты:

Гусева Е. И., доцент кафедры русской филологии и перевода МГУ,

Грачева Т. Н., доцент кафедры украинской филологии МГУ.

Утверждено

научно-методическим советом

Мариупольского государственного университета

Протокол № _____ от « _____ » _____ 2014 г.

ВВЕДЕНИЕ

Данные методические рекомендации по введению в переводоведение предназначены для студентов 1 курса специальности «Перевод (украинский, русский, польский)» и призваны познакомить студентов с теоретическими основами переводоведения как науки.

Курс «Введение в переводоведение» предусматривает три формы работы студентов в процессе обучения: лекционный курс, практические занятия и самостоятельную работу студентов.

С помощью данных методических рекомендаций можно организовать как работу студента на практическом занятии, так и самостоятельную работу с последующим контролем преподавателя.

Цель курса: ознакомление студентов с основными понятиями и теориями, которые существуют в современном переводоведении; рассмотрение основных переводческих проблем и способов их решения.

Задачи курса:

- изучение основных понятий дисциплины «Введение в переводоведение»;
- ознакомление с основными проблемами современного переводоведения и практики перевода;
- формирование навыков переводческого анализа единиц языка оригинала, и языка перевода;
- обучение студентов выполнению разных видов перевода;
- рассмотрение основных особенностей деятельности переводчика в мирное время и во время военных действий;
- привитие культуры и этики поведения переводчика;
- развитие лингвистического кругозора.

В результате изучения учебной дисциплины студент должен **знать:**

- базовые понятия изучаемой учебной дисциплины;
- основные типы переводных текстов и их отличия с точки зрения переводческой эквивалентности;
- принципы переводческой этики, основные особенности деятельности переводчика.

Студент должен **уметь:**

- оперировать основными понятиями изучаемой дисциплины;
- воспринимать предназначенный для перевода текст и впоследствии его воссоздавать;
- выполнять переводы различных видов текстов;
- выполнять упражнения по мнемотехнике;
- самостоятельно составлять упражнения, предлагать их для выполнения своим сокурсникам.

Следует отметить, что данный курс рассматривает лишь некоторые вопросы переводоведения – научной дисциплины, в которой много нерешенных проблем, спорных

суждений, субъективных оценок, недоговоренностей и противоречий. Следует признать, что в переводоведении еще не выработано строгой и убедительной теоретической концепции процесса перевода, и это не случайно, так как этот процесс – в высшей степени сложный аспект человеческой деятельности, требующий комплексного и междисциплинарного подхода к его изучению. Переводоведение находится сейчас на стадии накопления новых идей углубления и расширения специализаций. Некоторые исследователи даже утверждают, что в ближайшем будущем функциональный подход к анализу проблем перевода может дать толчок не только для развития самого переводоведения, но и вообще стать основой многих филологических исследований.

Поскольку данная программа ориентирована на студента-первокурсника, начинающего переводчика, следует подчеркнуть, что в высшем учебном заведении основным видом подготовки студента является самостоятельная работа. На лекции преподаватель направляет его работу, ориентирует по определенному вопросу, способствует формированию правильной научной позиции; на семинарских занятиях выясняются ключевые вопросы из определенной темы, закрепляется теоретический материал; остальная работа – остается для самостоятельной работы студентов.

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1	
Понятие и трактовка термина «перевод». Появление переводоведения, переводоведение как наука, задачи переводоведения.....	6
Тема 2	
Общий обзор основных переводческих проблем.....	17
Тема 3	
Виды информации, и ее значение для перевода.....	32
Тема 4	
Основные особенности устного последовательного перевода. Освоение устных текстовых жанров.....	52
Тема 5	
Отличительные черты письменного перевода. Особенности текстовых жанров в письменном переводе – общие замечания.....	61
Тема 6	
Лексико-грамматические трансформации как средство разрешения переводческих противоречий.....	92
Тема 7	
Мнемотехника. Упражнения по мнемотехнике, направленные на развитие оперативной памяти.....	141
Тема 8	
Мнемообразы. Запоминание с опорой на мнемообраз сочетания цифровой и вербальной информации.....	156
Тема 9	
Мнемостихи. Повторение упражнений на безассоциативное запоминание.....	160
Тема 10	
Смешанный тренинг по мнемотехнике.....	167

ТЕМА 1

ПОНЯТИЕ И ТРАКТОВКА ТЕРМИНА «ПЕРЕВОД». ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ КАК НАУКА, ЗАДАЧИ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

ПЛАН

1. Понятие и трактовка термина «перевод».
2. Истоки определения термина «перевод».
3. Перевод во времена Античности и Средневековья.
4. Развитие отечественного переводоведения.
5. Основные разделы переводоведения.
6. Предмет и задачи курса.
7. Модели процесса перевода.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ознакомьтесь с материалами лекции, ответьте на вопросы для самопроверки, данные в конце темы.

Перевод – одно из древнейших занятий человека. Различие языков побудило людей к этому нелегкому, но столь необходимому труду, который служил и служит целям общения и обмена духовными ценностями между народами. Слово «перевод» многозначно, и у него есть два терминологических значения, которые нас интересуют.

Первое из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка. *Второе* называет результат этого процесса – текст, устный или письменный. Хотя эти понятия разные, но они представляют собой диалектическое единство, одно не мыслится без другого. Уместно также заметить, что в языкознании существует более широкое, чем перевод, понятие двуязычной коммуникации. Главное место в ней занимает языковое посредничество, к которому относятся и перевод, и реферирование, и пересказ, и другие адаптированные переложения.

Нынешние наименования перевода, например, в романских языках, *traduction* (*фр.*), *traduccion* (*исп.*), *traducao* (*порт.*), *traduzione* (*ит.*), значения понятий «переводить» (*traduire*, *traducir*, *traduzir*, *tradurre*) и «переводчик» (*traducteur*, *traductor*, *tradutor*, *traduttore*), появились лишь в XVI веке. До этого эти значения передавались другими словами.

Цицерон, переводивший труды Платона и Демосфена, Гораций в трактате «Наука поэзии» использовали слово *interpres* в значении «переводчик», «толкователь». То же наименование употребляет переводчик Библии Святой Иероним (IV в. н. э.). И в Средние века монахи-переводчики пользовались именами *interpres* и *hermeneuma*. Однако уже в конце той эпохи эта

терминология становится малоупотребительной. Нетрудно проследить в данном слове современнее «интерпретация».

В формирующихся романских языках понятие «писать на народном языке», т. е. на народной латыни, передавалось теми же глаголами, что и понятие «переводить с латинского на народный язык»: *enromancier (фр.)*, *romansar (исп.)*, *romanzare* и *vulgarizzare (ит.)*.

После XII в., во Франции переводчика называли *droguement (drugement)* и *trucheman (truchement)*», а в Италии – *drogomanno* (и *trucimanno*), заимствованные из сирийского *targmana* и византийского *dragoumanos* (сравните в русском «толмач» из тюркских источников).

В тот же период во французском языке от латинских *translatio* (перенесение значения, метафора) и *translator* (передающий что-либо кому-либо) образуются слова *translation* и *translateur* в значении «перевод» и «переводчик», которые были освоены и другими европейскими языками.

Возникновение книгопечатания стимулировало переводческую деятельность. Именно тогда и появились современные термины. К 1539 году относят появление глагола *traduire*, а в 1540 французский гуманист и переводчик Э. Доле включает в один из своих трактатов *traduction* и *traducteur*. В Испании возникают неологизмы *traducir* и *traduccion*, а в Италии – *tradurre* и *traduzione*. В школьной практике продолжает употребляться термин *version (англ., франц., итал.)*, *version (исп.)*, обозначающий перевод на родной язык с греческого и латинского.

В свое время СССР, затем Россия занимали одно из первых мест в мире по числу и тиражности ежегодно выпускаемых переводов прежде всего художественной литературы. Многие переводчики достигли в своих работах высот литературного мастерства. Впечатляющие достижения переводческой практики не могли не привести к развитию теории перевода. У ее истоков стоит А. М. Горький. Великий писатель глубоко и верно понимал взаимоотношения практики и теории перевода в литературном процессе.

В 1918 г. им основано издательство «Всемирная литература». Объединив известных ученых, писателей и переводчиков, он поставил перед ними одновременно практические и теоретические задачи. Необходимо было отобрать лучшие творения мировой литературы, выполнить их переводы и научно осмыслить достижения и просчеты переводческой практики прошлого. Для приобщения новых читателей к бесценному литературному наследию всех времен и народов «...нужна была теория художественного перевода, вооружающая переводчика и ясными принципами, дабы каждый – даже рядовой – переводчик мог усовершенствовать свое мастерство». Первый шаг к созданию теории перевода сделал сам Горький, который подготовил предисловие к «Каталогу издательства «Всемирная литература» при Наркомпросе» (1919) и написал несколько небольших заметок о художественном переводе. Заметки эти он передал К. И. Чуковскому и поручил ему составить первое в отечественной филологии описание принципов художественного перевода. Таким образом, у отечественной переводческой школы истоки теории и практики

оказались общими.

Для последующих лет вновь были характерны «малые исследовательские жанры». Статьи, заметки, рецензии, посвященные самым разнообразным видам переводческой деятельности (в том числе, машинному переводу), часто публиковались в выпусках: «Мастерство перевода», «Тетради переводчика», тематических сборниках различных издательств, а также в журналах, газетах и вузовских ученых записках. По вопросам теории перевода защищались кандидатские и докторские диссертации. Переводческая проблематика становилась все более многообразной. Было ясно, что в переводоведении наступает новый этап и следует ожидать появления работ, обобщающих накопленный теоретический и практический опыт. Так оно и случилось. Только за три года (1971-1974) вышло из печати столько монографических исследований по теории перевода, сколько их не выходило за всю историю отечественного переводоведения.

Лингвисты сосредоточили свои усилия на изучении процесса перевода, построении его гипотетических моделей, сопоставлении текстов оригинала и перевода с целью установления лексических, грамматических, и текстовых соответствий и на определении переводоведческих закономерностей, описании переводческих приемов при передаче содержания оригинала, а также на поисках критериев эквивалентности (адекватности) перевода и эффективных методов обучения переводу.

Литературоведы основное внимание уделяли аксеологическим аспектам перевода. Обычно они изучали художественные тексты, стремясь оценить перевод с точки зрения его эстетической эквивалентности оригиналу, роли языка перевода в развитии духовной культуры, его соответствия нравственным потребностям эпохи. Многие работы литературоведов и переводчиков художественной литературы посвящены чисто профессиональной стороне переводческого ремесла, обмену опытом переводческой деятельности и оценке достоинств и недостатков конкретных переводов.

Что касается машинного направления, то оно возникло в период увлечения идеей создания автоматического перевода и имеет прикладное значение. Оно разрабатывает проблемы моделирования машинного перевода, «прямого» через язык-посредник, или трехэтапного (анализ – преобразование – синтез), пытается формализовать переводческую деятельность человека, найти методы эффективной обработки лингвистической информации, выявления синтаксических структур языка, описания смысла лексических единиц, составления алгоритмов и программ перевода с одного языка на другой для конкретной электронной аппаратуры.

Следует заметить, что практика свидетельствует о близости лингвистического и литературоведческого направлений. По крайней мере, при анализе переводоведческих проблем, например, на материале художественного перевода лингвисту не обойтись без эстетических оценок и литературоведческих подходов, а литературоведу, размышляющему о переводе,

постоянно приходится обращаться к лингвистическим понятиям. Поэтому не лучше ли будет рассматривать эти две исследовательские ветви в рамках одного направления – филологического?

Как часто случается в филологии, дефиниции термина «перевод» зависят от исследовательских целей и взглядов ученого и его принадлежности к той или иной научной школе.

Теория перевода или переводоведение обычно определяется как научная дисциплина, в задачу которой входит:

- изучение процесса перевода и его закономерностей;
- раскрытие сущности, характера и регулярности межъязыковых переводческих соответствий различного уровня путем обобщения и систематизации наблюдений над конкретными текстами оригинала и перевода;
- описание приемов и способов перевода, рассмотрение истории переводческой практики и теории, определение роли переводов в развитии отечественной культуры.

Объектом изучения является сам процесс перевода во всех многообразных проявлениях и различные переводные тексты и их оригиналы, сравнение которых предоставляет исследователям объективные данные для развития теории перевода.

Принято считать, что у переводоведения есть несколько основных разделов:

Общая теория перевода изучает универсальные закономерности процесса перевода вообще и в зависимости от жанра переводимых текстов, определяет теоретические основы межъязыковых, стилистических, функциональных и т. п. соответствий, специфику устного и письменного перевода и т. п.

А. В. Федоров определял общую теорию перевода как «систему обобщения, применимых к переводу разных видов материала с разных языков на разные языки».

Частные теории перевода выявляют особенности перевода с одного конкретного языка на другой, типы соответствий между конкретными языковыми единицами и явлениями, виды окказиональных речевых соответствий, индивидуальных стилистических приемов переводчиков и т.п. Иными словами, это «итоги работы по исследованию перевода сводного конкретного языка на другой и перевода конкретных видов материала». Конечно, общее и частное всегда взаимосвязано. Частные теории перевода, опираются на широкий эмпирический материал, обогащают общую теорию, делая ее более достоверной и доказательной.

Специальные теории перевода исследуют специфику различных видов переводческой деятельности (перевод устный, письменный, синхронный, последовательный, абзацно-фразовый и т. д.) и особенности, своеобразие и закономерности, обусловленные жанром переводимого произведения (перевод художественной, научной, технической, публицистической и т. д. литературы).

История практики и теории перевода, в основном, связана с исследованием исторических этапов и основных направлений переводческой деятельности, периодизацией переводов, варьированием представлений сущности перевода, роли переводной литературы в национальных литературах и т. п.

Критика перевода дает оценку адекватности переводов оригиналу, определяющая значение переводов для культуры принимающего языка. Это направление обычно связано с переводами художественной литературы и только начинает оформляться в самостоятельный научно-обоснованный раздел переводоведения.

Особое место занимает теория машинного перевода, на основе которой делаются попытки смоделировать процесс естественного перевода и создать переводящие машины, а также инженерные установки, содержащие сведения о лексико-грамматических и семантических соответствиях различных языков. Теоретики машинного перевода опираются на данные таких наук, как информатика, кибернетика, математика, семиотика и др.

С переводоведением тесно связана методика преподавания перевода. Она разрабатывает наиболее оптимальные методы обучения различным видам и типам устного и письменного перевода с одного языка на другой.

Некоторые исследователи считают, что в современном переводоведении существуют еще два раздела: практикология перевода, включающая в себя социологию перевода, редакционную работу над переводом, методологию критики перевода, и дидактика перевода, изучающая вопросы обучения переводчиков и составления пособий.

Уже говорилось, что в переводоведении изучается как *процесс* перевода, происходящий в сознании человека, так и результаты этого процесса, речевые произведения, *тексты*. Именно эти последние являются единственным материализованным свидетельством осуществленного процесса перевода и конкретным материалом для сопоставительного научного анализа, позволяющим установить коммуникативные и переводоведческие закономерности, способы и приемы эквивалентной передачи разнообразной и многоплановой информации оригинала в переводе. Из сказанного следует, что переводоведение обречено на междисциплинарный подход к разработке определенных тем и анализу определенного материала.

В переводоведении используются данные таких наук, как лингвистика, литературоведение, история, социология, психология, этнография, семиотика, информатика и др. Однако главное заключается в том, что переводоведение имеет дело с изучением процессов передачи произведений духовной культуры одной языковой общности к другой, со сравнительным анализом по различным параметрам письменных и устных текстов оригинала и перевода.

Это со всей очевидностью еще раз свидетельствует о том, что переводоведение является филологической дисциплиной, входящей в содружество гуманитарных дисциплин, объектом

которых является язык и текст как выразители духовной культуры человека в обществе.

Модели процесса перевода

В последние годы появилось немало описаний перевода как процесса. Все они гипотетического, предположительного характера, потому что постичь то, что происходит в сознании человека в момент преобразования содержания, выраженного в одной языковой форме, в то же содержание, материализованное в другой языковой форме, не представляется возможным на современном этапе развития наук. Деятельность головного мозга, продуктом которой является перевод, возможно когда-нибудь будет разгадана усилиями специалистов различных научных дисциплин. Раскрыть эту тайну пытаются специалисты в области физиологии высшей нервной деятельности, биохимии, психофизиологии, физики и других наук.

Модели процесса перевода, предлагаемые лингвистами, строятся на основе умозрительных посылок и заключений, самонаблюдений переводчиков и т.п. Когда появляется возможность проверить эти теоретические постулаты жесткой логикой фактов, то некоторые из гипотетических построений оказываются ложными или даже спекулятивными. Все сказанное вовсе не является призывом к отказу от попыток моделирования процесса перевода, а лишь свидетельствует о необходимости еще более строгого ответственного и доказательного подхода к созданию подобных схем и описаний.

Наиболее распространенными в настоящее время гипотетическими моделями процесса перевода являются: ситуативная, семантическая, трансформационная, семантико-семиотическая, закономерных соответствий, коммуникативно-функциональная, информативная, теория уровней эквивалентности и др. Рассмотрим наиболее распространенные из них.

1. Ситуативная (денотативная) модель, которая строится на признании того факта, что неизменной (инвариантной) основой языковых единиц оригинала и перевода является соотнесенность этих единиц с предметами, явлениями и данностями самой действительности, с тем, что в лингвистике называют денотатами или референтами. В массе своей денотаты едины для всего человечества. Любой текст, отражающий определенную предметную ситуацию, суждения и в конечном счете реальную действительность, формируется путем соотнесенности с самыми разнообразными денотатами. Исходя из этого, перевод понимается как процесс замены материальных знаков денотатов, то есть слов, одного языка знаками другого языка, соотносимыми с теми же денотатами. Иначе говоря, переводчик воспринимает ситуации и суждения в одной материальной форме и воспроизводит их в другой, а денотаты остаются неизменными. Но может случиться так, что какого-либо денотата вообще нет в обществе, которое обслуживает язык перевода. Тогда переводчик прибегает к различным компенсаторным переводческим приемам, чтобы сохранить смысл переводимого текста и правильно описать воспроизводимую ситуацию. Денотативная интерпретация процесса перевода весьма распространена, хотя у нее есть немало

противников, и ее объяснительные возможности ограничены.

2. **Семантическая модель** процесса перевода строится с учетом компонентного анализа содержательных единиц языка и наличия регулярных межъязыковых соответствий. Предполагается, что в процессе перевода в оригинальном тексте вычленяются все элементарные содержательные единицы и их компоненты и им подбираются в языке перевода равнозначные или сходные по содержанию единицы. Таким образом перевод сводится к анализу содержательных компонентов исходного текста, и синтезу смысла в материале языка перевода. Обычное содержание любой речевой единицы рассматривается как единство, состоящее из набора элементарных смысловых, стилистических, стилевых и т. п. характеристик, которому подбирается соответствия в языке перевода. При такой трактовке процесс перевода осуществляется не столько на уровне слов и предложений, сколько на уровне элементарных содержательных компонентов. Чем выше степень совпадения таких элементарных смыслов в языке оригинала и перевода, тем адекватнее перевод. Семантическая модель связана с постулатом о наличии в языках глубинных содержательных категорий и структур, общих для всех языков. Процесс перевода и начинается с сопоставления этих глубинных смыслов. Конечно, и у этой модели есть немало критиков.

3. **Трансформационная модель** возникла под воздействием идей трансформативной грамматики, мода на которую, похоже, уже прошла. При построении этой модели перевод трактуется как преобразование текста исходного языка в текст на языке перевода. Переводчик воспринимает оригинал, производит в сознании ряд межъязыковых трансформаций и «выдает» готовый перевод. Главными оказываются операции по преобразованию так называемых «ядерных синтаксических структур», которые, согласно сторонникам этой модели, совпадают в различных языках и характеризуются общностью логико-синтаксических связей и лексического состава. Иными словами, текст оригинала понимается как совокупность исходных структур, которым должны быть соответствия в языке перевода или эти соответствия должны «выводиться» согласно правилам трансформации. В сознании переводчика оригинальный текст на фазе анализа минимизируется в набор ядерных структур, затем на следующей фазе набор этот замещается эквивалентными структурами языка перевода, которые потом преобразуются в реальный текст перевода, соответствующий оригиналу. Трансформационная модель процесса перевода также подвергалась критике.

4. В **коммуникативной модели**, имеющей некоторые разновидности, процесс перевода рассматривается как акт двуязычной коммуникации. В нем есть сообщение, его отправитель и получатель, код (язык) и канал связи (письменная или устная речь с учетом жанра этой речи). В упрощенном виде схема следующая: отправитель кодирует сообщение и передает его по соответствующему каналу, получатель декодирует его (т.е. осмысляет) и затем перекодирует воспринятую информацию с помощью нового кода и передает ее для получателя по тому же или

другому каналу с сохранением жанровых особенностей исходного сообщения. Схема эта основывается на положениях теории связи, а язык человека рассматривается как своеобразный код. Усложняет схему то обстоятельство, что получатель-переводчик должен выбирать оптимальный вариант из возможных вариантов передачи исходной информации. Важно и то, что переводчик считается участником процесса коммуникации, выполняющим двойную функцию, получателя и отправителя информации. В коммуникативной модели учитываются отношения, которые в семиотике определяются как синтаксические, семантические и прагматические. Иными словами, отношения между знаками, между знаком и денотатом, между знаками и коммуникантами. Семантика, ситуация и функция составляют инвариантную основу высказывания на языках оригинала и перевода.

5. **Информативная модель** основана на постулате, утверждающем, что любой устный или письменный текст и его основная единица – слово являются носителями самой разнообразной информации, которая в сознании рецептора (переводчика) должна быть воспринята и понята, осмыслена в идеале во всем объеме, со всеми ее смысловыми, стилистическими, стилевыми, функциональными, ситуативными, эстетическими и т. п. особенностями. Это процесс восприятия, понимания текста, происходящий одновременно с процессом воссоздания, перевода текста на основе имеющихся информационных эквивалентов в языке перевода. Чем выше уровень подготовленности переводчика, тем быстрее и успешнее осуществляется этот единый процесс переводческой деятельности. Информативная модель учитывает интеллектуальные характеристики отправителя (автора) и получателя (переводчика) текста, своеобразие культур и видения мира, свойственные сопоставляемым языковым общностям, а так же ситуативные и коммуникативные условия порождения исходного текста. В отличие от сходной семантической модели информационная модель не использует тезис о наличии в языках глубинных содержательных компонентов и структур и отрицает положение о том, что процесс перевода осуществляется на уровне элементарных содержательных компонентов. Сторонники информативной модели исходят из того, что в сознании рецептора происходит одновременно анализ и синтез содержательных компонентов, следствием чего является понимание и восприятие целостных объемов информации, при перекодировании которой передается содержание не отдельных семантических компонентов или слов, а мысли, передается информация,; содержащаяся в структуре предложения.

6. Следует также упомянуть о так называемой **теории языковых соответствий**, которая не претендует на моделирование процесса перевода. В ее задачу входит установление закономерных соответствий между единицами оригинала и перевода на уровне языка и речи. Языковые соответствия могут определяться как известные данности и, например, на словном уровне фиксироваться в двуязычных словарях. Речевые соответствия устанавливаются при сравнении

конкретных текстов (см. подробнее ниже). Впервые идею закономерных соответствий выдвинул Я. И. Рецкер, определивший на основе сопоставления ТО и ТП различные типы соответствий (эквивалентные, варианты, контекстуальные) и виды переводческих трансформаций.

Вопросы до самопроверки

1. Дайте два определения термину «перевод».
2. В каком веке появились значения понятий «переводить» и «переводчик»?
3. Что стимулировало переводческую деятельность?
4. Каким образом возникновение издательства «Всемирная литература» в 1918 году повлияло на развитие отечественного переводоведения?
5. Расскажите о машинном направлении в переводоведении.
6. Определите цели и задачи переводоведения.
7. Расскажите, что Вы знаете о критике перевода, чем она занимается?
8. Опишите основные модели процесса перевода.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. **Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.
4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.

11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: .Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.
23. **Чужакин А. П.** Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.
24. **Швейцер А. Д.** Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.
25. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. **Владимирова В. Г.** К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>
2. **Компаниченко В. В.** Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Миголатьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Миголатьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozentel/index.html>

ТЕМА 2

ОБЩИЙ ОБЗОР ОСНОВНЫХ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

ПЛАН

1. Типы текстов для перевода и их классификация.
2. Проблема эквивалентности и тип переводимого текста.
3. Восприятие и воссоздание текста как этапы переводческой деятельности.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ознакомьтесь с материалами лекции, ответьте на вопросы для самопроверки, данные в конце темы.

Типы текстов для перевода и их классификация

В переводоведении существует два взаимосвязанных уровня исследований: процессуальный и текстовый. Процессуальный опирается главным образом на дедуктивные методы, так как процесс перевода не дан нам в непосредственное наблюдение. Он происходит в святой святых человека, в его сознании. Материальным объектом, доступным для конкретного переводоведческого анализа, являются тексты оригинала и перевода, письменные или звучащие. Функциональная, содержательная и эмоциональная специфика этих текстов в значительной степени влияют на методологию и методику исследования. Поэтому классификация текстов (в самом общем плане), которые в существующей практике могут подлежать переводу, необходима.

Тексты для переводов чрезвычайно разнообразны по жанрам, стилям и функциям. Поэтому переводчику важно знать, какой вид текста ему надлежит переводить. Типы текстов определяют подход и требования к переводу, влияют на выбор приемов перевода и определение степени эквивалентности перевода оригиналу. Цели и задачи переводчика оказываются различными в зависимости от того, что он переводит, поэму или роман, научную статью или газетную информацию, документ или техническую инструкцию. И закономерности перевода каждого из жанров имеют свои отличия.

Филологи давно пытаются произвести классификацию текстов. Однако сделать это нелегко: слишком велико их многообразие и слишком заметно взаимопроникновение языковых средств и разновидностей речи в некоторых типах текстов. Наиболее убедительными представляются классификации, в основу которых положены функциональные признаки. В свое время академик В. В. Виноградов предложил подразделять стили языка и речи, исходя из трех основных функций языка: общения, сообщения и воздействия (предупредим, что у языка выделяются и другие функции). Эта идея используется и для классификации текстов, так как они относятся к какому-либо стилю речи, а этот последний является системной реализацией функционально-

обусловленных языковых средств, т. е. стилей языка.

Функция общения основная в сфере повседневного общения людей. Текстам, информирующим о чем-либо носителей языка, свойственна преимущественно функция сообщения. Функция воздействия чрезвычайно важна для художественных и публицистических текстов, которые не только обращены к разуму, но и к чувствам человека. Они рассчитаны на то, чтобы определенным образом воздействовать на реципиента, на того, кто их воспринимает.

Хотя стиль материально воплощается в тексте, но отождествлять эти два понятия нельзя. Стиль – это лексико-грамматическое единство в многообразии текстов, которое оказывается характерным для определенной категории текстов. А раз это так, то при классификации текстов должна учитываться их принадлежность к тому или иному функциональному стилю. Конечно, жесткая текстовая классификация вряд ли возможна. Речетворчество многослойно. Речевые стили взаимовлияют друг на друга и взаимопроникают. Есть переходные и периферийные стилевые реализации. Однако в каждом тексте есть нечто определяющее, составляющее его специфику. Это и позволяет подразделять тексты на классы. В детальной классификации неизбежно появятся подклассы, виды, подвиды и т. д.

Итак, принимая во внимание функции языка и стили языка и речи, целесообразно выделить пять (некоторые исследователи выделяют шесть, определяя тексты на религиозную тематику в отдельный класс) основных функционально-стилевых типов текстов:

1. *Разговорные тексты.* Они могут подразделяться на разговорно-бытовые, разговорно-деловые и др. Разговорные тексты выполняют, функцию общения, реализуются в устной диалогической форме и ориентируются на взаимную коммуникацию ради каких-нибудь целей.

2. *Официально-деловые тексты,* к которым относятся великое множество государственных, политических, дипломатических, коммерческих, юридических и тому подобных документов. У них основная функция сообщения. Как правило, они существуют в письменной форме, которая в некоторых видах документов бывает сравнительно жестко регламентированной.

3. *Общественно-информативные тексты.* Они содержат самую различную информацию, проходящую по каналам массовой коммуникации, газетам, журналам, радио и телевидению. Их главная функция – сообщение. Эти тексты могут быть тенденциозными и рассчитанными на определенное воздействие, на обработку общественного мнения. Однако функция сообщения остается у них основной, формирующей типологию текста. Форма этих текстов чаще всего письменная. На радио и телевидении письменные тексты ретранслируются в устной форме. Нечто подобное происходит и с ораторской речью, когда она воспроизводит письменный оригинал.

4. *Научные тексты,* имеющие много подтипов, видов и подвидов, в зависимости от областей знаний и назначения. Среди них выделяются, прежде всего, тексты специальные, рассчитанные на профессионалов, и научно-популярные, предназначенные для массового читателя. Всем им

присуща функция сообщения и ориентация на логически последовательное, объективное и доказательное изложение содержания. Научные тексты реализуются главным образом в письменной форме. На конференциях, съездах, симпозиумах и т. п. их форма может быть устной.

5. *Художественные тексты*, охватывающие все жанровое разнообразие художественной литературы, литературной критики и публицистики. У них две основные взаимосвязанные текстообразующие функции: воздействия и эстетическая. В таких текстах особое значение приобретает форма изложения. В литературе воплощается не только и не столько рациональное, сколько художественное и эстетическое познание действительности. От того, как и в какой форме материализуется содержание, зависит эстетическая ценность произведения и уровень эмоционально-экспрессивного воздействия на читателя. В художественных текстах используются единицы и средства всех стилей, но все эти стилевые элементы включаются в особую литературную систему и приобретают новую, эстетическую функцию. Конечно, художественные тексты следует подразделить на виды, например, соответствующие литературным жанрам. У каждого из видов окажется своя художественная, языковая и функциональная специфика.

6. *Религиозные сочинения*. Их содержание, характеристики отличаются особым своеобразием. Основное место среди них занимают канонические книги Священного писания, апокрифы. Жития святых, проповеди, теологические сочинения. Переводы библейских книг имеют многовековую историю. Библейские переводы связаны с экзегетикой – разделом богословия, трактующем многозначность некоторых текстов Библии и библейской лексики, уточнением текстов.

Проблема эквивалентности и тип переводимого текста

С эквивалентностью перевода оригиналу происходит нечто подобное заключению врачей в справках общего характера. Врачи пишут: «Практически здоров», т. е. пациент может работать, хотя теоретически у него Бог знает какие хвори. Так и с переводческой эквивалентностью. Переводчик-профессионал всегда добьется практической информационной эквивалентности перевода подлиннику, но в теоретическом плане она, эта эквивалентность, весьма различна. Можно заранее утверждать, что любой перевод никогда не будет абсолютно идентичен каноническому тексту оригинала. Эквивалентность перевода подлиннику всегда понятие относительное. И уровень относительности может быть весьма различным. Степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов: от мастерства переводчика, от особенностей сопоставляемых языков и культур, эпохи создания оригинала и перевода, способа перевода, характера переводимых текстов и т. п. Нас будет интересовать последний из названных факторов. Но прежде разберемся в терминах. В теории и практике перевода оперируют такими сходными понятиями, как эквивалентность, адекватность и тождественность. В широком плане эквивалентность понимается как нечто равноценное, равнозначное чему-либо, адекватность – как

нечто вполне равное, а тождество – как нечто обладающее полным совпадением, сходством с чем-либо. Видимо, эта меньшая семантическая категоричность слова «эквивалентность» и сделало его предпочтительным в современном переводоведении. Хотя, конечно, понятия адекватности, тождественности, полноценности и даже аналогичности остаются в том же семантическом поле, что и термин «эквивалентность» и иногда дублируют друг друга.

На наш взгляд, под эквивалентностью, в теории перевода следует понимать сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально - коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе. Следует особо подчеркнуть, что эквивалентность оригинала и перевода – это, прежде всего, общность понимания содержащейся в тексте информации, включая и ту, которая воздействует не только на разум, но и на чувства реципиента и которая не только эксплицитно выражена в тексте, но и имплицитно отнесена к подтексту. Эквивалентность перевода зависит также от ситуации порождения текста оригинала и его воспроизведения в языке перевода. Такая трактовка эквивалентности отражает полноту и, многоуровневость этого понятия, связанного с семантическими, структурными, функциональными, коммуникативными, прагматическими, жанровыми и т. п. характеристиками. Причем все указанные в дефиниции параметры должны сохраняться в переводе, но степень их реализации будет различной в зависимости от текста, условий и способа перевода.

В переводоведении нередко встречается тезис о том, что главным определяющим принципом эквивалентности текста является коммуникативно-функциональный признак, который складывается из равенства коммуникативного эффекта, производимого на реципиентов оригинального и переводного текстов. С этим постулатом можно было бы согласиться с некоторыми оговорками и пожеланиями. Однако при трактовке коммуникативно-функциональной эквивалентности утверждается, что, создавая текст на языке Б, переводчик, строит его таким образом, чтобы получатель на языке Б воспринял его так же, как и получатель на языке А. Иными словами, в идеале сам переводчик не должен привносить в текст сообщения элемент своего собственного восприятия, отличного от восприятия этого сообщения тем получателем, которому оно было адресовано. На самом деле восприятие переводчика и любого из получателей речи не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных, культурных и социальных причин. Переводчик, например, художественной литературы, воспринимает текст не как некий неизвестный среднеарифметический носитель языка, а как данный рецептор, как конкретный служитель «высокого искусства» перевода. И, конечно же, он не подгоняет свой перевод под восприятие двух абстрактных существ: заграничного читателя икса и отечественного книголюбителя игрека. Потому что у этих иксов и игреков восприятие не может быть клонированным. Оно обязательно в чем-то различно. И к тому же подлинный смысл, например, художественного

произведения никогда не исчерпывается полностью и что приближение к нему бесконечный процесс.

Цель перевода состоит не в подгонке текста под чье-то восприятие, а в сохранении содержания, функции, стиливых, стилистических, коммуникативных и художественных ценностей оригинала. И если эта цель будет достигнута, то и восприятие перевода в языковой среде перевода будет относительно равным восприятию оригинала в языковой среде оригинала. Преувеличение роли коммуникативно-функционального фактора в переводе приводит к размыванию внутреннего содержания, информативной сути самого текста оригинала и перевода, к замещению сущности объекта реакцией на него со стороны воспринимающего субъекта. Определяющим становится не сам текст, а его коммуникативная функция и условия реализации.

Коммуникативно-функциональная эквивалентность является понятием относительным, одним из важных, но не основных компонентов понятия переводческой эквивалентности.

Следует решительно подчеркнуть, что главное в любом переводе – это передача смысловой информации текста. Все остальные ее виды и характеристики, функциональные, стилистические (эмоциональные), стилевые, социолокальные и т. п. не могут быть переданы без воспроизведения смысловой информации, так как все остальное содержание компонентов сообщения наслаивается на смысловую информацию, извлекается из нее, подсказывается ею, трансформируется в образные ассоциации и т. п.

Известно, что перевод материализуется в двух формах, устной и письменной. Уровень эквивалентности устных и письменных переводных текстов весьма различен.

Вначале рассмотрим сферу **устного перевода**, который обычно, подразделяется на последовательный (включая абзацно-фразовый) и синхронный.

Наиболее сложным для достижения эквивалентности является синхронный перевод. Сама сущность этого вида перевода не позволяет добиться высокой степени эквивалентности. Ведь при синхронном переводе устная переводная речь порождается почти одновременно с восприятием устного сообщения на языке оригинала. Именно темпоральный (временной) фактор влияет, прежде всего, на снижение уровня эквивалентности. Синхронист запаздывает в передаче смысла по сравнению, с речью оригинала, возникает так называемая «синфазность», фазовый сдвиг. С другой стороны, переводчик обязан закончить перевод в тот же временной отрезок, что и оратор. Неизбежность фазового сдвига и темпорального (временного) ограничителя обязывает переводчика изыскивать возможность для линейных (горизонтальных) синтаксических трансформаций, для словесного уплотнения (спрессовывания, свертывания) передаваемой информации и сокращения семантической избыточности, если она есть в сообщении оратора.

Под линейными синтаксическими трансформациями понимается, например, употребление слова вместо фразеологизма, или вместо глагольного оборота, или превращение

сложноподчиненного предложения в сложносочиненное или в самостоятельное предложение, или снятие местоименных повторов и т. п. Все это позволяет получить необходимый резерв времени для синхронного перевода. Для этих же целей используют приемы уплотнения информации, т. е. передачи ее меньшим объемом лексических единиц, и сокращения семантической избыточности, если оратор грешит употреблением характерных для него и в принципе засоряющих его речь вводных слов и выражений.

Конечно, переводчик-синхронист экономит время и на так называемом вероятностном прогнозировании, т. е. умении предугадывать смысл фразы по ее начальным лексическим единицам, ключевым словам, а также благодаря увеличению темпа собственной речи по сравнению с речью оратора. Это важный прием, хотя и сопряженный с определенным риском. Исследователи подсчитали, что если синхронисту приходится говорить в ритме 150-200 слов в минуту, то неизбежны пропуски и ошибки. Следует упомянуть также, что при синхронном переводе теряются личностные характеристики речи оратора, тембр и модуляции голоса, экспрессивность интонации и т. п.

Синхронный перевод может осуществляться и с листа, когда переводчик, не только слушает оратора, но и видит переданный ему текст выступления.

Еще один тип устного перевода – это последовательный, который выполняется пофразно или поабзацно и может сопровождаться стенографическими записями переводчика или пометками о ключевых понятиях. Однако у всех этих видов устного перевода сохраняется сходная с собственно синхронным переводом неполнота эквивалентности.

Итак, эквивалентность устного перевода оригиналу следовало бы определить как редуцированную относительную эквивалентность.

Каков же характер эквивалентности у **письменного перевода** книжных и вообще печатных текстов? Ранее была предложена классификация письменных текстов, которые чрезвычайно разнообразны по жанрам, стилям, функциям и т. д. Их характер определяет подход и требования к переводу и степень его эквивалентности оригиналу.

Следует также напомнить, что в отличие от устного письменный перевод делается при постоянном обращении к подлиннику. Сверка перевода с оригиналом может быть многократной. Если переводчик не слишком ограничен во времени, он может прибегать к помощи различных словарей, справочников, энциклопедий и т.п. В процессе перевода он творчески раскрепощен. Его ограничивает лишь обязательство перевести иноязычный текст с наибольшей информационной точностью.

Принимая во внимание предложенную рабочую классификацию текстов, попытаемся кратко охарактеризовать степень относительной эквивалентности, свойственную различным типам текстов.

При бытовом общении в переводе разговорных текстов, в полной эквивалентности, как правило, нужды не бывает. В сфере делового общения уровень относительной эквивалентности устного перевода связан с параметрами, о которых шла речь выше.

Официально-деловые тексты полностью ориентированы на передачу содержания. Их форма в большинстве случаев бывает стереотипной. Обращения, зачины текста, последовательность изложения, концовки документов в каждом языке подчиняются строгим правилам риторики и изобилуют языковыми штампами.

В языке перевода сохраняется композиция оригинала, но сами языковые штампы могут отличаться по внутренней форме, совпадая по содержанию. В европейских языках высока культура и стандартизация письменной переписки. В современном русском языке гораздо меньше устоявшихся риторических штампов. Поэтому при переводе иногда приходится прибегать к дословному изложению. Прием дословного перевода нередко используется в дипломатических документах, где каждое слово особенно значимо. Неосторожное употребление слова может послужить поводом для различных толкований и даже дипломатических осложнений.

Относительность эквивалентности названных текстов определяется различиями в языковых клише, в риторических структурах, возможностью появления элементов буквализма и стилистической нейтрализации текста перевода, а также несовпадением характеристик нейтрального стиля в различных языках.

Характер относительной эквивалентности общественно-информативных текстов, воспроизводимых в устной форме, соответствует степени редуцированности, о которой упоминалось в начале этого раздела.

Другое дело – газетные и журнальные публикации. Как правило, для них характерно использование значительного числа привычных клише, стереотипных фраз, газетных штампов, политических терминов и понятий, социальных реалий и т. и. В некоторых публикациях используются придуманные журналистами оценочные слова, обыгрываются жаргонные и просторечные слова и выражения.

В этом случае переводчик стремится прежде всего передать точный социально-политический смысл таких публикаций и их общественную направленность. Для этого ему приходится «корректировать» стиль подлинника под газетно-журнальный стиль языка перевода. Исследователи отмечают, что переводчик производит различные синтаксические трансформации рематематического характера, подыскивает устоявшиеся в языке перевода соответствия. Все это свидетельствует о том, что у таких переводов эквивалентность также относительная, но ее уровень близости к оригиналу более высокий, чем при устном переводе. Отличия между оригиналом и переводом возникают за счет разницы в стиле газетно-журнальных публикаций и пояснительных экспликаций в переводе. В этих случаях даже словный объем перевода и оригинала может заметно

различаться. Переводы часто оказываются многословнее оригинала.

Степень относительной эквивалентности научных текстов зависит от их типов и видов. Замечено, что чем более формализован научный текст, а это происходит прежде всего в естественных науках, тем более эквивалентен его перевод оригиналу. Переводы некоторых трудов по математике, химии или биологии, состоящих из стереотипных фраз, которые вводят соответствующие формулы, оказываются почти тождественными оригиналу. При переводе научных трудов главное – передать мысль, логику мысли, суть научной доктрины, последовательность рассуждения. Для этого нередко приходится в переводах менять синтаксический строй фраз оригинала, снижать эмоциональную тональность, если она есть в оригинале.

Иногда уровень эквивалентности в переводах специальных трудов снижается за счет описательной трактовки терминов или даже неточностей в их понимании. В переводческих школах западных университетов введены курсы терминологии по избранной специализации. Но и они не спасают от ошибок особенно в сфере гуманитарных наук. Гуманитарии весьма охотно занимаются терминотворчеством, когда этого следовало бы избегать. Часто в зависимости от научной школы, научного направления, даже от отдельного исследователя один и тот же объект означают различными терминами. Переводчику приходится прибегать к амплификациям, разъясняя суть термина, или переводить термин дословно или транскрибировать его. Итак, уровень относительной эквивалентности переводов научной литературы обуславливается некоторыми грамматическими трансформациями, логическими и терминологическими уточнениями и разъяснениями, которые зависят от характера научного труда и прагматических требований к переводу.

В художественном переводе (особенно стихотворном) свои особые законы эквивалентности оригиналу. Перевод может, как уже говорилось, лишь бесконечно сближаться с подлинником. И не более. Потому что у художественного перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя жизнь в языковой, литературной и социальной среде, отличающейся от среды подлинника. Художественный перевод порождается подлинником, зависит от него, но в то же время обладает относительной самостоятельностью, так как становится фактом переводящего языка. Поэтому освоение одного и того же произведения в разных культурах имеет свою специфику, свои отличия, свою историю. Таким образом, не только оригинал и перевод различаются характером осмысления, социальным значением и репутацией, но и разноязычные переводы одного и того же литературного источника.

Но есть и другие причины относительной эквивалентности художественного перевода подлиннику. Они вызваны своеобразием восприятия оригинала переводчиком, разнотемностью языков, различиями социокультурной среды. Проявится и индивидуальность переводчика,

определяемая его художественным восприятием, талантом, своеобразием отбора языковых средств. Эти обусловленные индивидуальностью переводчика черты не имеют никакого отношения к авторскому стилю оригинала, не соотнесены непосредственно с текстом подлинника. Их парадокс в том, что они нежелательны, но неизбежны. Это элементы переводческого стиля. Проблемы стиля переводчика теоретически еще не осмыслены в переводоведении, хотя отдельные высказывания на этот счет уже имеются.

Не следует забывать, что иногда переводчик смотрит как бы из будущего на переводимые им творения, что приводит к смещению некоторых акцентов. Еще один источник уменьшения уровня эквивалентности – это вертикальный контекст, различные аллюзии, намеки на другие тексты или ситуации, а также различные символы, реалии и т. п.

Из всего сказанного следует, что, несмотря на стремление переводчика воссоздать (воспроизвести) как можно полнее содержательную, эмоционально-экспрессивную и эстетическую ценность оригинала и добиться равновеликого с оригиналом воздействия на читателя, ему, переводчику, можно рассчитывать лишь на относительную эквивалентность художественного перевода тексту оригинала. Эквивалентность воздействия оригинала и перевода на читателя будут относительными в еще большей степени.

Перевод религиозных текстов связан со сложившейся традицией воссоздания сакральных произведений, для которой характерны использования богословской терминологии, устоявшихся оборотов и штампов, архаизация текстов, интерпретация символов, аллюзий, введение во многих случаях буквализмов, обусловленных боязнью исказить священный текст и т. п. Эти факторы приводят к различиям в текстах оригинала и перевода и относительной эквивалентности текста на языке перевода.

Восприятие и воссоздание текста как этапы переводческой деятельности

Отвлекаясь от абстрактных моделей перевода, отметим, что процесс перевода – равно как и весь процесс порождения речи в сознании человека – по-прежнему остается загадкой загадок. Однако совершенно очевидно, что в практике перевода действительно выделяются два этапа работы. Один из них связан с осмыслением текста на иностранном языке, а другой – с воспроизведением его на родной язык. Еще раз подчеркнем, что было бы ошибочно считать, что первый этап состоит лишь из аналитической работы мозга, а второй опирается только на синтез. На самом деле познавательная и созидательная деятельность мозга на каждом из этапов не мыслима без анализа и синтеза. Диалектическое единство этих эффективных средств человеческого познания обнаруживается и при осмыслении иностранного текста, и в процессе его воспроизведения на языке перевода.

Этапы перевода логично рассмотреть на примере художественного перевода, ибо в нем с наибольшей полнотой отражены своеобразие и сложность переводческой деятельности.

Первый этап (цикл), который назван восприятием текста, представляет собою чрезвычайно сложный сенсорно-мыслительный процесс, основанный на разнообразных видах и формах аналитической и синтезирующей работы органов чувств и мозга. На этом этапе переводчик стремится как можно полнее понять оригинальный текст, а когда речь идет о художественном и публицистическом тексте, то и «прочувствовать» и осознать его эстетическую ценность и характер воздействия на читателя или слушателя. Нельзя забывать о том, что переводчик должен быть чутким рецептором. Он должен не только осмыслять текст, но и воспринимать его образное и эмоциональное воздействие.

Однако эта проблема еще не имеет научного обоснования в теории перевода, хотя адекватный перевод, повторим, во многом зависит не только от рационального, но и эмоционально-оценочного восприятия произведения.

Рецепция текста, как уже говорилось, не бывает абсолютно равной у различных индивидов, так как рецептором всегда является человек с его неповторимой индивидуальностью. Запас знаний и опыта, своеобразие мышления и чувствования, воспитания и образования, литературных вкусов и пристрастий, уровень владения родным языком, влияние конкретной социальной среды и общественных интересов, специфика формирования мировоззрения и личности и т. п. – все это не может оказаться абсолютно одинаковым даже у близнецов. Однако относительное равенство в восприятии, например, литературного произведения реально существует в силу того, что указанные характеристики во многом могут совпадать у разных людей и степень этого сближения возрастает у представителей одной и той же социальной группы.

Для переводчика как рецептора очень важно достичь такого уровня знаний и эстетической восприимчивости, который позволял бы воспринимать весь объем объективно содержащегося в тексте смыслового и эмоционального содержания.

Восприятие переводчиком текста может быть недостаточным, если переводчик обладает ограниченным запасом знаний и если у него слабо развита эмоциональная восприимчивость. Когда же переводчик не страдает подобной «недостаточностью», то восприятие оригинала оказывается относительно полным. В неравенстве степеней восприятия текста и в индивидуально-личностных особенностях этого процесса кроется одна из нескольких причин возможного появления разных и вполне эквивалентных переводов одного оригинала в одно и то же время.

У каждого типа и вида перевода этап восприятия имеет свои особенности и характеристики, но коль скоро речь пойдет о художественном переводе целесообразно указать на то, что он распадается по крайней мере на две фазы: допереводное восприятие, т. е. восприятие художественного произведения в первом (иногда втором и более) чтении, когда переводчик старается глубоко осмыслить, «прочувствовать» произведение, осознать его художественную ценность и определить его стилистическое своеобразие, и собственно переводное восприятие, т. е.

непосредственное восприятие конкретных слов, предложений, фраз, абзацев и т. д. в момент перевода.

Во второй фазе восприятия, когда происходит пофразная рецепция иностранного текста перед его воссозданием на другом языке, переводчик оперирует анализом и синтезом, воспринимая смысл отдельных элементов (слов и словосочетаний) сообщения и смысл каждой фразы исходного языка. Даже при синхронном переводе, когда, казалось бы, перевод осуществляется пословно и по синтагмам (словосочетаниям), т. е. путем восприятия лишь отдельных частей фразы, которые, переводятся, когда еще не известен весь ее смысл, понимание иностранной фразы все же обязательно, и только после полного осмысления предложения переводчик заканчивает «сборку» переведенных словесных блоков в единую фразу, корректируя ее соответствующим образом. Психологи и лингвисты, исследователи речевого процесса утверждают, что при восприятии и понимании человек усваивает смысл идеи и понятия, а не сами слова, но что это усвоение возможно только потому, что формирование понятия уже прошло вербальный этап, что оно сформировалось на основе слова.

Для переводчика художественной литературы на этой фазе восприятия важно не только понимание текста, но и видение «нарисованных» словами образов и ситуаций. Известно, что слово, всегда обобщает. Оно наполняется конкретным содержанием только в том случае, если участники коммуникации ведут речь о конкретных существах, предметах или объектах, видимых или хорошо им известных. Тогда в создании отправителя и получателя речи возникают вполне конкретные представления и образы. Столь же конкретным будет восприятие читателя в отношении тех описываемых в тексте реальных объектов, которые ему знакомы. В остальных случаях восприятие читателями словесного содержания всегда несколько абстрактно. Если какой-либо текст начинается словами «В комнате стоит стол», то и «комната» и «стол» воспринимаются как обобщенные понятия об этих предметах. Видеть этой «комнаты» и этого «стола» читатели не будут, а если и вообразят их себе, то каждый на свой лад: любую комнату и любой стол. Если бы восприятие таких контекстов должно было быть всегда конкретно-образным, то вряд ли можно было бы осуществить перевод с одного языка на другой. Понятийное восприятие слов, не опирающееся на видение названного словом объекта, делает возможным перевод с языков, совершенно различных по своей культуре, этнографическому укладу и социальному устройству народов.

В художественной литературе писатель часто детализирует объект описания, рисуя образ персонажа, среду, событие и т. п. «В центре большой, светлой, в два окна комнаты с высокими потолками стоял черный прямоугольный стол на резных ножках.» Этот текст воспринимается не только понятийно, но и образно. Переводчик видит нарисованную картину, и комната и стол обретают под пером писателя относительную конкретность. Любое описание героев, места

действия, пейзажа, явлений природы и т. д. – это средство их конкретизации и индивидуализации, которое порождает в сознании рецептора образное восприятие текста. Детализируя описание, писатель общее превращает в индивидуальное. Конечно, в этом индивидуальном может быть обобщено многое. Писатель типизирует, сливает в единичный образ то, что в действительности существует во многих реальных проявлениях. Но образ этот в художественной действительности литературного произведения единичен, конкретен.

Когда смысл фразы литературного произведения воспринят и существует не только в материальной словесной форме, но и в форме «идеальной», в виде единиц мышления – понятий, суждений и т. п., в виде наглядных образов, представлений и эмоций, тогда-то и происходит переход ко второму этапу (циклу) процесса перевода, к воссозданию на языке перевода, воспринятой фразы оригинала. И снова в сознании переводчика осуществляются сложные процессы анализа и синтеза, связанные с передачей из сферы мышления смысла уже в иной материальной словесной форме. Второй цикл тоже состоит по меньшей мере из двух фаз: перевыражения и идентификации.

Восприняв семантическую и эмоционально-экспрессивную информацию, заключенную в подлежащей переводу фразе, переводчик воссоздает эту информацию, в материальных единицах переводного языка, стремясь сохранить ее полный объем. Не подыскивает, как иногда принято думать, соответствия каждому слову и словосочетанию исходной фразы, а «перевыражает» ее СМЫСЛ.

Но так как в любом языке смысл фраз составляется из значений отдельных слов и словосочетаний и так как существование лексических, грамматических и стилистических соответствий между языками мира является объективной данностью, универсальным фактом, то на поверку, при сравнении оригинального и переводного текстов, обычно легко обнаруживаются в первую очередь, лексические межъязыковые соответствия, которые и наводят на мысль, что любой перевод осуществляется путем их подбора. К тому же, письменный перевод обычно осуществляется пофразно, не ограничивается во времени, как устный перевод, и всегда связан с материально зафиксированным каноническим текстом оригинала, любую фразу которого в любой момент можно прочитать, что немислимо, например, при устном переводе речи оратора. Все это позволяет даже на фазе перевыражения проводить постоянное сравнение двух текстов: неизменного текста оригинала и рождающегося текста перевода. У некоего идеального «суперпереводчика» если бы таковой существовал в действительности, уже на этой фазе перевод мог бы оказаться адекватным, а соответствия, константные и окказиональные, – бесспорными.

Однако на практике после фазы перевыражения наступает период художественной идентификации перевода, т. е. такой обработки текста перевода, которая в конечном итоге привела бы к созданию художественного произведения на языке перевода, идентичного (адекватного)

подлиннику по своему смысловому, функционально-стилистическому и идейно-художественному содержанию. На этой фазе происходит скрупулезное сравнение, сопоставление переводимых фраз, с соответствующим текстом оригинала и оценка перевода, позволяющая обнаружить «утечку информации». Именно в этот период могут вновь возникнуть «муки творчества», связанные с поисками «нужного слова». В этот период, продолжительность которого зависит от объема, языковых и литературных сложностей исходного текста, а также от таланта и опыта переводчика, завершается работа над рукописью. При повторных чтениях в нее вносятся лишь незначительные изменения. Конечно, у каждого переводчика вырабатывается, своя манера, свой навык работы над переводом, но указанных этапов и фаз ему не избежать, потому что в них объективно отражается процесс перевода как одной из разновидностей, мыслительной деятельности человека.

Вопросы для самопроверки

1. Сколько существует основных типов текстов для перевода?
2. Перечислите основные типы текстов для перевода и попытайтесь обозначить их основные особенности.
3. Дайте определение понятию эквивалентности.
4. Расскажите об основных трудностях синхронного перевода.
5. Определите степень эквивалентности в зависимости от типов текстов для перевода.
6. Что происходит в фазах восприятия и воссоздания текста?

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. **Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.
4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. –

211 с.

8. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.

9. Комиссаров В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.

10. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.

11. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.

12. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.

13. Латышев Л. К. Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.

14. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.

15. Ломакина Е. Н. Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.

16. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.

17. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.

18. Романова С. П. Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.

19. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.

20. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.

21. Утробина А. А. Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.

22. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.

23. Чужакин А. П. Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.

24. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.

25. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Миголатьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Миголатьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozentel/index.html>

ТЕМА 3

ВИДЫ ИНФОРМАЦИИ, И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПЕРЕВОДА

ПЛАН

1. Фоновые знания и имплицитная информация.
2. Долговременная и кратковременная фоновая информация.
3. Экстралингвистическая и лингвистическая информация.
4. Виды экстралингвистической информации.
5. Виды лингвистической информации.
6. Константная и окказиональная информация.
7. Виды окказиональной информации.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ознакомьтесь с материалами лекции, ответьте на вопросы для самопроверки, данные в конце темы.

Фоновые знания и имплицитная информация

В отечественном языкознании вопрос в фоновых знаниях впервые подробно рассматривался в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура». В ней фоновые знания определяются как «общие для участников коммуникативного акта знания». Иными словами, это та общая для коммуникантов информация, которая обеспечивает взаимопонимание при общении. В последующих филологических трудах это определение видоизменялось, но суть оставалась прежней. Фоновые знания неоднородны. По степени их распространенности выделяются три вида: общечеловеческие фоновые знания, региональные и страноведческие. Классификация эта, как замечают сами авторы, не совсем полна. В ней пропущены социально-групповые знания, свойственные определенным социальным общностям людей, врачам, педагогам, шоферам и т. п. Однако опущение это несущественно, так как основное внимание в книге уделяется анализу страноведческих фоновых знаний, составляющих основной предмет исследования.

Страноведческие знания – это «те сведения, которыми располагают все члены определенной этнической или языковой общности». Такие знания – часть национальной культуры, результат «исторического развития данной этнической или государственной общности в равной мере». Они «образуют часть того, что социологи называют массовой культурой, т. е. они представляют собой сведения, безусловно, известные всем членам национальной общности... Фоновые знания как элемент массовой культуры, подчиняясь ее общей закономерности, разделяются на актуальные фоновые знания и фоновые знания культурного наследия». Среди страноведческих фоновых знаний выделяется также та их часть, которая обладает свойством всеобщей (для данной этнической группы или национальности) распространенности и называется взвешенными фоновыми знаниями. Именно взвешенные страноведческие фоновые знания имеют особое

значение в процессе преподавания иностранных языков, так как являются источником отбора и необходимой минимизации страноведческого материала для целей обучения. Наконец, авторы различают макро-фон, как совокупность страноведческих фоновых знаний данной языковой общности, и мини-фон – «объем фоновых знаний, который преподаватель моделирует в учебной аудитории для рецепции определенного художественного произведения». «Страноведческие фоновые знания, – заключают авторы, – исключительно важны для так называемой массовой коммуникации: писатель или журналист, пишущий для некоторой усредненной аудитории, интуитивно учитывает взвешенные страноведческие фоновые знания и апеллирует к ним».

Предложенные определения и классификации фоновых знаний вполне убедительны. Однако им может соответствовать и иная терминология. Она связана с информатикой, в которой оперируют термином тезаурус. Он означает набор данных о какой-либо области знаний, который позволяет правильно ориентироваться в ней. Поэтому под тезаурусом можно понимать различные объемы знаний вообще. Он может быть глобальным, интернациональным, региональным, национальным, групповым и индивидуальным. Глобальный включает все знания, добытые и освоенные человеком в процессе его исторического развития. Это величайшая сокровищница мировой культуры. Региональные и национальные тезаурусы определяются исторически сложившимся объемом знаний, характерным для данной геосоциальной зоны или для данной нации. Групповые и индивидуальные занимают низшую ступень в этом делении. Их объемы ничтожно малы по сравнению с остальными. Во всех этих тезаурусах обнаруживается определенный объем знаний, который освоен во всех регионах и всеми развитыми нациями. Это и есть общечеловеческий (интернациональный) тезаурус. Какой-то частью его владеет каждый индивидуум.

В региональных и национальных тезаурусах есть известная доля сугубо национальных знаний, совладельцами которых не стали другие национальные группы.

Культура – совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определенной общностью людей, и те ценности одной национальной общности, которые вовсе отсутствуют у другой или существенно отличаются от них, составляют национальный социокультурный фонд, так или иначе находящий свое отражение в языке. Именно эту часть культуры и эту часть языка следует изучать и в переводоведении в целях более полного и глубокого понимания оригинала и воспроизведения сведений об этих ценностях в переводе с помощью языка другой национальной культуры.

В разделах, посвященных лексическим проблемам, представляется более целесообразным пользоваться термином «фоновая информация», который соотносится с сугубо национальным тезаурусом и, конечно, с понятием фоновых знаний, но по сравнению с ним является более узким и соответствующим изучаемой теме.

Фоновая информация – это социокультурные сведения характерные лишь для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности.

Принципиально важно, что это не просто знания, например, повадок животных, обитающих лишь в одной географической зоне, или музыкальных ритмов данной этнической группы, или рецептов приготовления национальных блюд, хотя все это в принципе тоже составляет часть фоновых знаний, важно, что это только те знания (сведения), которые отражены в национальном языке, в его словах и сочетаниях.

Содержание фоновой информации охватывает, прежде всего, специфические факты истории и государственного устройства национальной общности, особенности ее географической среды, характерные предметы материальной культуры прошлого и настоящего, этнографические и фольклорные понятия, т. е. все то, что в теории перевода обычно именуют *реалиями*. Правда, терминологическая неупорядоченность, характерная для многих разделов современной филологии, коснулась и этого термина. Под реалиями понимают не только сами факты, явления и предметы, но также их названия, слова и словосочетания. И это не случайно, потому что знания фиксируются в понятиях, у которых одна форма существования - словесная.

Большинство понятий являются общечеловеческими, хотя и воплощенными в различную вербальную форму. Однако те понятия, которые отражают реалии, носят национальный характер и материализуются в так называемой безэквивалентной лексике (термин не очень-то удачный, так как при переводе подобные слова находят те или иные эквиваленты).

Верецагин Е. М. и Костомаров В. Г. определяют безэквивалентную лексику так: «Слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, т. е. к культурным элементам, характерным только для культуры А и отсутствующим в культуре Б, а также слова, не имеющие перевода на другой язык одним словом, не имеют эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат».

Кроме обычных реалий, маркируемых безэквивалентной лексикой, фоновую информацию содержат в себе реалии особого вида, которые можно назвать ассоциативными. Эти реалии связаны с самыми различными национальными историко-культурными явлениями и весьма своеобразно воплощены в языке. Ассоциативные реалии не нашли своего отражения в специальных словах, в безэквивалентной лексике, а «закрепились» в словах самых обычных. Они находят свое материализованное выражение в компонентах значений слов, в оттенках слов, в эмоционально-экспрессивных обертонах, в внутренней словесной форме и т. п., обнаруживая информационные несовпадения понятийно-сходных слов в сравниваемых языках. Таким образом, оказывается, что словам *солнце, луна, море, красный* и т. п. сопутствуют в художественных

текстах того или иного языка страноведческие фоновые знания, фоновая информация. Название романа панамского писателя Хоакина Беленьо "Luna verde" переведено на русский язык дословно «Зеленая луна». У русского читателя такой образ вызывает лишь недоумение или ложные ассоциации. Для жителя Панамы или Чили – это символ надежды, доброе предзнаменование, образ наступающего утра, ибо для многих латиноамериканцев зеленый цвет олицетворяет все молодое и прекрасное, символизирует радость бытия, а понятие луны ассоциируется с духовным состоянием человека, его настроением, его судьбой (ср. употребление слова *луна* во фразеологизмах *estar de buena (mala) luna* – *быть в хорошем (плохом) настроении*; *darle (a alguien) la luna* – *он не в себе, на него нашло помрачение*; *quedarse a la luna (de Valencia)* – *остаться ни с чем, обмануться в своих надеждах*; *dejar a la luna (de Valencia)* – *оставить ни с чем, обмануть и др.*).

Множество самых распространенных существительных «окружены» в языке эмоциональным ореолом, «роем ассоциаций», по выражению Ю. Тынянова. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров такие слова называют коннотативными. Коннотации, т. е. сопутствующие словам стилистические, эмоциональные и смысловые оттенки, не существуют сами по себе, они обычно «группируются» в слове, имеющем свое вещественно-смысловое содержание, накладываются на одно из его значений. Например, в русском языке теоретически каждому существительному и прилагательному с помощью суффиксов субъективной оценки могут быть приданы различные коннотации. Однако в любом случае следует особо подчеркнуть своеобразие многих коннотаций, в которых отражена специфика культуры той или иной этно-лингво-социальной общности, отражена фоновая информация. Есть лексические единицы, словно бы целиком заполненные такой информацией. Это, как говорилось выше, названия присущих только определенным нациям и народам предметов материальной культуры, фактов истории, государственных институтов, имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ и т. п. Но есть множество других слов, которые, называя самые обычные понятия, выражают вместе с тем смысловые и эмоциональные «фоновые оттенки». Каждый язык – прежде всего национальное средство общения, и было бы странным, если бы в нем не отразились специфически национальные факты материальной и духовной культуры общества, которое он обслуживает.

Если с так называемой безэквивалентной лексикой переводчики, несмотря на, казалось бы, явную трудность (нет постоянных эквивалентов!), научились работать довольно успешно и добиваться адекватного перевода текстов с такой лексикой, то слова второй группы, несмотря на видимую легкость перевода, создают чрезвычайные трудности не только при передаче их содержания на другие языки, но и при их восприятии (нелегко ведь уловить и осмыслить «рой ассоциаций»). И не так уж редко трудности эти оказываются непреодолимыми.

Понятие фоновой информации тесно связано с более широким и многозначным понятием

имплицитной или, проще, подразумеваемой информацией. Исследователи включают в него и прагматические предусловия текста, и ситуацию речевого общения, и основанные на знании мира пресуппозиции, представляющие собой компоненты высказывания, которые делают его осмысленным, и импликации, и подтекст, и так называемый вертикальный контекст и аллюзии, символы, каламбуры, и прочее неявное, скрытое, добавочное содержание, преднамеренно заложенное автором в тексте.

Эти сложные, порою противоречивые и разно трактуемые лингвистические и семантические понятия требуют отдельного исследования. Для переводоведения важно осмыслить современные представления о фоновых знаниях и фоновой информации, подтексте и вертикальном контексте.

Подтекст как особая лингвистическая категория стал интенсивно изучаться с середины XX века, хотя представления о нем сформировались на рубеже XIX-XX веков. Этот художественный прием называли тогда «вторым диалогом». В традиционном понимании – это второй параллельный смысл устного или письменного высказывания, обусловленный языковой системой или целями и замыслом автора. Иначе говоря, подтекст – это имплицитный, скрытый смысл, который сосуществует с явно выраженным, эксплицитным смыслом в одном и том же высказывании и который должен быть понят рецептором. Подтекст (он мог бы именоваться как аллюзивный текст или аллюзив) раскрывается с помощью содержащихся в тексте материальных языковых индикаторов. Именно они открывают доступ к скрытой информации. Индикаторы могут относиться к разным языковым уровням:

а) слов и словосочетаний, когда по этим указателям рецептор догадывается о скрытом содержании, о смысле аллюзива;

б) предложения или части текста, когда выраженное сообщение вызывает у читателя или слушателя восприятие имплицитной информации;

в) произведения в целом, когда весь текст ассоциируется со вторичным имплицитным смыслом или текстом.

Типы и виды подтекста весьма разнообразны. Подтекстовое содержание может соотноситься со сферой языка, литературы, фольклора, мифологии (это все филологический подтекст), с самой действительностью, социальной средой (исторической и современной), с событийными, бытовыми фактами и т. п. Классификации могут опираться на содержание подтекста, на его функции (познавательные, пародийные, сатирические, иронические, эзоповы, эмоционально-экспрессивные, характеристические, оценочные и др.), на способ образования, на типы индикаторов и т. п.

Подтекст, образуясь перенесением смысла первичного, «горизонтального» текста на иную речевую ситуацию, на иной участок действительности, является субъективной данностью в момент порождения речи и становится объективным фактором, когда адекватно воспринимается

рецептором. В связи с этим подтекст, как правило, должен рассматриваться в семиотической системе «адресант – сообщение – адресат» (автор – текст – читатель).

Имплицитные сведения содержатся и в так называемом вертикальном контексте, под которым понимается не явно выраженная историко-филологическая информация, содержащаяся в тексте. Обычными категориями вертикального контекста являются аллюзии, символы, реалии, идиоматика, цитаты и т. п.

Вертикальный контекст может заключать, во-первых, ту скрытую информацию, которая обусловлена самим языком и независимую от намерений отправителя текста. Подобное происходит со словами-реалиями, фразеологией и различной идиоматикой. Эти языковые единицы по природе своей связаны с тем, что мы называем фоновой информацией. Они словно окружены фоновыми обертонами. И. В. Гюббеннет описывает инвентарь речевых ситуаций, требующих социологической оценки. Он подтверждает тезис об объективном характере имплицитной информации, зафиксированной в языке. Национальный компонент проявляется в наименованиях некоторых черт внешности, характера и поведения людей, их одежды, жилищ, предметов обихода, еды, окружающей природы, животных, средств передвижения, природных явлений, видов досуга, явлений общественной жизни, произведений искусства и литературы и в других подобных названиях.

Во-вторых, вертикальный контекст может целиком зависеть от воли отправителя речи, формирующего текст таким образом, чтобы в нем содержался намек на какой-либо языковой, литературный, социальный и т. п. факт, отсылка ко вторичному тексту и вторичной ситуации. Характерным приемом реализации подобного вертикального контекста является аллюзия. И. С. Христенко определяет ее как стилистическую фигуру «преференциального характера, где в качестве денотатов выступают две ситуации: референтная ситуация, выраженная в поверхностной структуре текста и подразумеваемая ситуация, содержащаяся в совокупности общих фоновых знаний адресанта и адресата». Индикаторы аллюзии могут соотносить как с филологической информацией (филологический вертикальный контекст), так и с реальной действительностью прошлого или настоящего (социальный или событийный вертикальный контекст). Аллюзии первого типа основываются на прототексте, которым обычно являются тексты произведений отечественной и зарубежной литературы, мифологические и фольклорные источники, пословицы, поговорки, афоризмы, различные цитаты (полные, сокращенные, пересказанные, деформированные и т. д.). Во втором случае основой является протореальность (протоситуация), связанная с событиями и фактами самой действительности. Такие аллюзии не сводятся к определенному текстовому первоисточнику, а соотносятся с явлениями и объектами бытия и нашими представлениями о них. К сожалению аллюзии, содержащиеся в тексте, не всегда реализуются. Они подвластны, во-первых, времени: чем старше литературный текст, тем

возможнее аллюзивные утраты. Нередко современные читатели без соответствующих комментариев просто не воспринимают намеки. Во-вторых, многое зависит от знаний рецептора, если его тезаурус недостаточен, то не каждая авторская аллюзия может быть понята.

Долговременная и кратковременная фоновая информация

Фоновая информация – явление историческое. Она существует и актуализируется в реальном времени, может устаревать и становиться достоянием прошлого. Иная фоновая информация, не успев закрепиться за тем или иным фактом действительности и соответствующей лексической единицей, забывается носителями языка, стирается из их памяти. Поэтому фоновую информацию можно было бы подразделить на актуальную и историческую, как это делают Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в отношении фоновых знаний. Однако в переводе важно, на наш взгляд, и другое: подразделение ее, исходя из продолжительности бытования, степени «живучести», на долговременную и кратковременную информацию. Первая из них составляет основу национальной духовной культуры и передается из поколения в поколение. Подобная информация обладает, так сказать, абсолютным долголетием, независимым от времени ее появления. Одна из них существует века, другая может возникнуть недавно, но по значимости и ценности своей (достоинств этих современники могут и не разгадать сразу) предназначена к длительному существованию. Даже когда время устраняет из жизни народа те или иные сугубо национальные вещи и факты, информация о них, закрепленная прежде всего в самих названиях этих вещей и фактов, остается зафиксированной в памяти народной и в литературных произведениях прошлого и настоящего.

Например, переводчик с русского языка должен знать хотя бы относительную хронологию подобных реалий и понимать, что *кистень, палица, гривна, стольник, скоморох, вече, опричина* – это историзмы Древней Руси; *разночинец, шестидесятник, недоросль, черносотенец, казенная палата* и т. п. – историзмы России XIX века; а *совхоз, колхоз, агитпункт, стахановец, исполком* и др. – это советизмы. Реалии традиционного быта и национальной мифологии особенно долговечны и существуют на протяжении всей зримой истории народа: *борщ, суп, каша, холодец, студень, квас, балалайка, гусли, самовар, сарафан, валенки, ушанка, изба, махорка, леший, водяной. Баба-яга, Чудо-юдо, Колобок, Жар-птица, Кащей, скатерть-самобранка* и т. д. В принципе, лексические единицы, фиксирующие современную и историческую долговременную фоновую информацию, не создают особых препятствий для восприятия текста, так как они включены в самые разнообразные лексикографические пособия: толковые, двуязычные, энциклопедические, идеографические и прочие словари.

Другое дело – кратковременная фоновая информация, которая нередко представляет собой суррогат, шлак культуры, является «словесной разменной монетой времени, которая быстро входит в употребление, но так же быстро забывается и именно поэтому не находит отражения в

словарях». Речь идет о модных словечках, выражениях, присказках, коллоквиумах, названиях популярных кафе, ресторанов, именах и прозвищах кумиров на час, недолгих эвфемизмах и т. п. Кратковременный фон сопутствует каждой эпохе и находит свое отражение в литературных произведениях.

Актуальная и историческая кратковременная фоновая информация – один из источников переводческих трудностей. Даже в современных романах и повестях немало «фоновых загадок», перед которыми пасуют опытные переводчики. Еще сложнее интерпретировать кратковременную фоновую информацию, отраженную в произведениях прошлых веков. Нелегко придется иноязычному переводчику с русского, если он столкнется с содержащими кратковременную фоновую информацию лексическими единицами, как *рюмочная* (забегаловка, где подавали рюмку водки с бутербродом), «*Хопер*», «*Чара*» (банки, работавшие на принципе финансовых пирамид), *Леня Голубков* (персонаж телевизионной рекламы), печальной памяти *Солнцедар* (плохое крепленое вино), *коленвал*, *табуретовка* (сорта плохой водки), «*Алло, мы ищем таланты!*» (присказка от названия некогда популярной телепередачи). Еще большие трудности возникают, когда переводчик сталкивается с аллюзиями, опорными компонентами которых являются обычные слова или обороты, содержащие кратковременную фоновую информацию. Оказывается совсем уж нейтральное словосочетание «одиннадцать часов» обладало когда-то фоновым смыслом. Он, например, реализуется в одном из пародийных текстов на 16-й странице «Литературной газеты», когда инопланетянин Лур говорит землянину: «Фима, не забывай нас. В дни получки обязательно выходи на связь в одиннадцать утра, как договорились» (А. Моисеенко). Юмор этого пожелания не будет понят, если читатель не знает, что в 1970-х гг. продажа спиртоводочных изделий начиналась в одиннадцать часов. Подобная фоновая информация, связанная с аллюзиями, создает для ее восприятия еще большие сложности, если она относится к прошлым веками к окказиональным авторским переосмыслениям.

Экстралингвистическая и лингвистическая информация

Действительно смысловая (семантическая) и экспрессивно-эмоциональная информация существенно отличаются друг от друга, но вместе с тем у них есть одна общая черта: оба смысловых компонента слова выражают экстралингвистическое содержание, относящееся к фактам действительности. Но хорошо известно, что любая лексическая единица, любой языковой элемент обязательно содержат в своей форме какую-то информацию чисто языкового характера. Слово *солнышко* не только вызывает ассоциативную связь, с реальным светилом и указывает на отношение к нему со стороны трансмиссора, но и сообщает прозаические сведения о грамматической маркированности, о том, что это – существительное среднего рода единственного числа, что оно состоит из восьми фонем, что может, например, рифмоваться со словом *зернышко* и т.п. Поэтому, учитывая обязательную соотнесенность любого слова как с фактами объективной

действительности, материальной и духовной, так и с языковой системой, целесообразно выделить в информативной структуре слова прежде всего два основных типа (объема) информации: **экстралингвистическую** (знаменательную) и **лингвистическую** (служебную). В информации первого типа отражаются понятия и представления о явлениях, фактах, о любых объектах действительности, о характеристиках, действиях, состояниях, особенностях, качествах и т. п., которые присущи различным материальным и духовным формам природы и общества. Информация второго типа имеет внутриязыковое содержание, в ней отражены объекты языковой системы, отношения между ними и закономерности создания речевой цепи. Иными словами, под служебной информацией понимается прежде всего то лингвистическое содержание, которое обнаруживается в так называемых пустых грамматических категориях (род неодушевленных существительных и глаголов, род, число и падеж прилагательных, некоторые категории местоимений и т. п.).

Если согласиться с делением грамматических значений на свободные и связанные, предложенным Л. С. Бархударовым, то указанный тип информации присущ грамматическим формам в их связанном употреблении, которое определяется «исключительно внутриязыковыми, т. е. структурно-лингвистическими факторами». Это происходит, когда у какой-либо лексемы редуцировано число словоформ той или иной категории (например, за русскими существительными *чернила, сани, тушь, водка* закреплена лишь одна числовая словоформа); когда выбор грамматической формы определен синтаксической конструкцией (например, в русском языке выбор падежной формы для прямого объекта при переходном глаголе или выбор формы числа существительных после числительных *два, три, четыре*); когда выбор грамматической формы слова зависит от лексического окружения (наречия *часто, обычно, всегда* и т. п. требуют глаголы только несовершенного вида) и др. Выбор грамматических форм предопределяется формальными правилами и, как справедливо утверждает Л. С. Бархударов, не несут никакой реальной семантической информации.

Подобная служебная информация не передается и не подлежит передаче при переводе, ибо представляет собой сведения о системе конкретного языка, содержащиеся в единицах этого языка. Независимо от воли переводчика она заменяется лингвистической информацией языка перевода, несоотносимой с подобной информацией языка оригинала. Читая, например, профессионально выполненный перевод, мы не получаем информации об исходном языке и не должны ее получать. Лишь в отдельных случаях «просачиваются» какие-то незначительные, случайные, бессистемные сведения о языке оригинала, например, при транслитерации имен собственных. В процессе перевода происходит произвольная смена служебной информации, определяемая инвариантной знаменательной информацией и системой языка перевода. Служебная информация только тогда оказывается связанной с переводческой проблематикой, когда в ней обнаруживается отражение

экстралингвистических фактов, т. е. когда она приобретает функции знаменательной информации.

Виды экстралингвистической информации

Оба названных типа семантического содержания слова подразделяются на виды. Среди **экстралингвистической** (знаменательной) информации их по меньшей мере шесть:

1. Смысловая (обозначающая, денотативная, семантическая) информация. В ней отражаются понятия и представления о всем сущем, реальном, абстрактном. Иначе говоря, эта часть семантической структуры слова связана с объектами обозначения (денотатами) самого разнообразного характера. Во-первых, это телесные объекты (*стол, человек, цветок, камень, пароход* и т. п.). Затем – феноменальные объекты. К ним относятся свойства, действия, качества и отношения телесных объектов. «Они не являются вещами или предметами в классическом смысле, но они представляют собой факты действительности, которые могут не только эмпирически изучаться, но и подвергаться точному измерению в пространстве и времени. Например, полет может характеризоваться скоростью км/час, вероятность – обозначаться прилагательным *вероятный* и характеризоваться степенью *n*; пространственное отношение – предлогами *над, под* и т. п.». Группу конструктивных объектов составляют несуществующие в природе фантастические конструкты, т. е. сказочные, мифологические и т. п., понятия, например *дракон, кентавр, черт, Баба-яга* и т. п. Наконец, языковые денотаты: *союз, буква, слово, местоимение* и т. п. Смысловая информация – это то, что обычно отражено в ядре лексического значения слова. В информативной структуре слова она занимает основное главенствующее положение, без нее нет слова. Все последующие виды знаменательной информации являются сопутствующими, дополнительными, хотя и очень важными и необходимыми элементами словесного содержания.

2. Эмоционально-экспрессивная (стилистическая, коннотативная) **информация**, выражающая человеческие чувства и эмоции. Само содержание семантической информации может оказывать эмоциональное воздействие на реципиента, но это еще не значит, что в нем, в этом содержании, есть эмоционально-экспрессивная информация. Если Оля, любящая Колю, вдруг получит телеграмму с лаконичным сообщением «Коля умер», то, хотя в этих двух словах, нет никакой эмоциональной информации, а только смысловая, все равно они могут вызвать эмоциональный шок у Оли. Другое дело, если в телеграмме будет написано «Коля подох», или *окочурился*, или *скапустился*, или *загнулся*. В таком известии будет передана та же смысловая, но иная эмоционально-экспрессивная информация, которая по сути своей всегда характеристична. Она как бы оценивает предмет мысли, отраженный в денотативном содержании слова, и обычно сопутствует этому содержанию, сосуществует с ним. В каждом синонимическом ряду лишь одно-два слова эмоционально нейтральны, «эмоционально бессодержательны», остальные передают и смысловую информацию и эмоционально-экспрессивную. Функция последней заключается как в выражении модальности, эмоций того, кто говорит или пишет, так и в эмоциональном

воздействии на реципиента.

3. Социолокальная (социальная, стилевая, социогеографическая) **информация**, указывающая на социосферу функционирования слова. Известно, что в развитых языках за период их исторической эволюции возникли подсистемы, именуемые функциональными стилями. Они характерны для различных сфер социально-производственных, общественных и бытовых отношений человека. Своеобразие этих сфер влияет на характер функционирования языка и в особенности на отбор лексических средств. Тем самым слово не только выражает смысловое и эмоциональное содержание, но также информирует о своей социальной принадлежности и локальной распространенности. Носитель языка отличает нейтральную лексику от просторечий, профессионализм – от поэтизма, жаргонизм – от термина, диалектное слово – от канцеляризма. Для переводчика знание таких характеристик слов оригинала чрезвычайно важно для правильного осмысления и восприятия текста и верного выбора лексических соответствий при переводе. Социолокальная информативность лексики используется для характеристики социальной среды, персонажей, места действия, а также для создания различных стилистических эффектов, комизма, иронии, сатиры и др. В соответствии с авторскими намерениями в тот или иной стилистический ряд включаются слово или слова из другого стилового пласта, которые благодаря контрасту соположения приобретают окказиональную экспрессивность. Социолокальная информация слова становится иногда непреодолимым языковым барьером, вынуждающим переводчика отказаться от ее воссоздания подобными средствами переводящего языка. Это бывает в тех случаях, когда слово в системе общенародного языка маркировано показателем географической зоны своего бытования, т. е. проще говоря, когда это диалектное слово. Перевести его смысловую информацию нетрудно, но одновременно передать словом другого языка его географическую маркировку невозможно: характерное для района Рио-де-ла-Платы прилагательное *macanudo* (*красивый, превосходный*) не переведешь кировско-вологодским *баский*. Некоторые пласты иностранной жаргонной лексики также не переводятся словами из российских жаргонов.

4. Хронологическая (временная, диахроническая) **информация**. Лексика любого языка неразрывно связана с развитием общества и его историей. В языке всегда есть слова или значения слов, которые входят или только что вошли в лексическую систему, и слова (значения), воспринимаемые как устарелые. Речь идет об архаизмах и неологизмах. Свойственная им временная характеристика оказывается в художественной речи содержательной и многофункциональной.

5. Фоновая информация. Верное понимание художественного текста зависит от знания культуры и истории народа, на языке которого создавалось литературное произведение. Социокультурный уклад определенной национальной общности имеет свои особенности, отличающие его от других национальных укладов. Эти особенности отражаются в лексике и

составляют в ней фоновую информацию, передающую сведения о национальных формах, видах и проявлениях духовной и материальной культуры. Такая информация свойственна прежде всего словам, называющим реалии. Например, в слове *болеадорас* (особый вид лассо) содержатся сведения о том, что это предмет материальной культуры гаучо – аргентинских и уругвайских пастухов. Различные символы также придают некоторым словам «фоновую нюансировку», смысловую и эмоциональную. Чаще всего подобная фоновая информация содержится в именах сказочных и мифологических героев, названиях вегетативных, анималистических, цветковых и прочих символов. Например, *омбу* – дерево эфиро-масличной породы (в Аргентине и Уругвае), поэтический символ привольной степи, охранительница смелых и благородных гаучо, привычный атрибут народной поэзии; у гватемальцев птица *кетсаль* – символ свободы, а у панамцев и чилийцев зеленый цвет – это олицетворение надежды. Восприятие и перевод фоновой информации сопряжен с особыми трудностями. Сохранение в переводе национального колорита подлинника зависит в определенной степени от правильного восприятия фоновой информации.

При этом особые трудности создают самые обычные слова и обороты, в которых содержатся сведения о так называемых ассоциативных реалиях, и то обстоятельство, что социокультурные особенности любой языковой общности не есть нечто застывшее и равноценное. Различные приемы передачи в тексте перевода словесной фоновой информации способствуют сохранению национального своеобразия, но не играют основной роли в воссоздании отраженных в оригинале национальных форм жизни, психологии и культуры народа. Следует еще раз подчеркнуть, что только воспроизведением всего идейно-художественного содержания подлинника можно сохранить в переводе его национальную сущность.

6. Дифференциальная информация. В зависимости от смысла сообщения она указывает на лицо субъекта или объекта действия, число предметов мысли, время действия, модальные оттенки и т. п. Это весьма своеобразное словесное содержание тесно связано с грамматическими категориями языка и чисто лингвистической информацией (о ней см. ниже). Дифференциальная информация потенциально содержится в словах и определяется их принадлежностью к той или иной части речи и спецификой языковой системы. У слова *луна* выражена почти вся сумма дифференциальной информации, кроме значения косвенных падежей. В инфинитиве *прилуниться* нераскрытой информации этого рода гораздо больше: лицо, время, наклонение, залог и т. п. Необходимый объем дифференциальной информации реализуется в речи в момент коммуникации.

Виды лингвистической информации

Служебная информация также неоднородна. Ее целесообразно подразделить на собственнограмматическую, отражающую, как уже говорилось, содержание так называемых пустых грамматических категорий, и **формальную**, в которой сообщаются сведения о плане выражения слова. Формальная служебная информация определяется односторонними единицами

языка (фонемами), в которых нет «внешнего плана», плана содержания, нет значений, но из этого вовсе не следует, что они неинформативны. В них есть имманентная несемантическая информация о закономерностях соположения, сочетаемости, взаимодействия, вариантности звуков. Фонологи и фонетисты работают над раскрытием сущности этой информации. Форма не простоеместилище содержания. У нее сложные, порой взаимообусловленные связи с содержанием, и кроме того, сама форма содержательна, информативна в том смысле, что в ней скрыты сведения о ней самой, о внутренней структуре формы, расшифровать которые ученым бывает не так-то легко. Однако в теории перевода такой расшифровкой не занимаются и интересуются формальными единицами, когда они по воле автора наделяются художественными функциями и внелингвистическими значимыми ассоциациями. В звукоподражаниях, аллитерациях, некоторых видах каламбуров фонемы и их сочетания оказываются «внешне содержательными», т. е. связанными с передачей экстралингвистического смысла.

Константная и окказиональная информация

Все сказанное относится к статике языка, к его лексической системе, в которой за каждым словом закреплены известные языковому коллективу значения и смыслы. Такую информацию иногда называют несвязанной, языковой. Слово до его использования в речи плотно «набито» подобной информацией: основными и производными номинативными, переносными, конструктивно обусловленными и другими видами лексических значений, а также содержанием грамматических категорий. В речи словесная информация становится как бы связанной, слово проявляет одно из своих значений и конкретные грамматические формы, оказываясь в зависимости от контекста. Но слова в речи, особенно художественной, не только реализуют узуальные значения, но и приобретают новые смысловые и экспрессивные оттенки. В связи с этим необходимо провести еще одно деление лексической информации на основе ее соотнесенности с фактами языка и речи. Если скоро язык – это средство общения конкретного человеческого коллектива, понимаемое как система, а речь – это функционирование данной системы, процесс и результат передачи того или иного содержания, то и информация, передаваемая словом, может быть **константной**, т. е. устойчивой, языковой, соотносимой со словом в языке, за которым фиксировано в общественном сознании определенное и разнообразное содержание, и **окказиональной**, т. е. контекстуальной, речевой, соотносимой со словом в речи. Такая информация возникает лишь в момент говорения или письма, зависит от конкретного контекста, речевой ситуации и определяется замыслом говорящего или пишущего. До сих пор рассматривались лишь типы и виды константной словесной информации, предсказуемые заранее, до функционирования слова в речи. Без такой устойчивой общественно закрепленной информации человеческое общение было бы невозможным, но оно не могло бы существовать и без порождения в речи новых видов информации, отражающих прежде всего особенности индивидуального

мышления, своеобразие субъективного восприятия действительности, языкотворческие потенции конкретного носителя языка и другие характеристики авторской – в самом широком смысле этого слова – речи. Изучение сущности, характера, типов и разновидностей речевой информации чрезвычайно важно в теории перевода. Оно проводится лишь на материале конкретных текстов. Поэтому всякий раз когда говорится об окказиональной информации в слове, это значит, что слово рассматривается как единица речи в конкретном контексте или вычлененное из него для целей исследования.

Виды окказиональной информации

Сфера окказиональной (речевой, контекстуальной) информации пополняет экстралингвистическую информацию по меньшей мере еще пятью видами:

1. Ассоциативно-образная информация. Она в наибольшей степени характерна для художественной речи. На лексическом уровне ассоциативно-образная информация – это содержание любого переносного употребления слова, любого авторского тропа. В художественной речи тропы приобретают особое значение, выступая как эффективное средство усиления оценочной окраски и эмоциональной выразительности языка автора и персонажей, как средство индивидуализации их речи и конкретизации описываемых явлений, фактов, лиц, наконец как средство более глубокого познания реальной действительности.

2. Словотворческая экспрессивно-эмоциональная информация. Этот вид словесного содержания присущ самым различным индивидуально-авторским неологизмам, которые часто принято называть окказиональными словами или значениями (окказионализмами). Если в языке научной литературы словотворчество необходимо для номинаций новых научных понятий, в языке художественной литературы оно всегда выполняет стилистические функции. В окказиональном слове или значении смысловая информация настолько органически слита с эмоциями и экспрессией, что дифференциация информативного содержания окказионализмов не представляется столь уж необходимой операцией.

Таким образом, под словотворческой информацией понимается то новое содержание, смысловое и экспрессивное, которое выражено с помощью существующего в языке или вновь созданного рече-творцем слова. Подобная информация порождается и так называемой стилевой аритмией, когда в единый по стилевой тональности речевой поток вклиниваются, слова другой стилевой прикреплённости, приобретающие благодаря этому неожиданную эмоциональную силу. Эмоциональная выразительность окказионализма любого рода «заключена в его незаданности (или малой степени заданности) языковой системой, в его новизне, свежести, первоизданности, способности к созданию эффекта первоприсутствия при рождении слова, значения и т. д., в его свойстве, деформируя норму, нарушать автоматизм узнавания. В сознании получателя возникает оппозиция: известное (языковое) – неизвестное (речевое, окказиональное). Это противоположение

имеет эстетический смысл и, несомненно, экспрессивно».

3. Аллюзивная информация. Она близка к фоновой информации, но в отличие от нее не закреплена традицией за словом или выражением. Аллюзивное содержание возникает, когда говорящий или пишущий организует контекст с таким расчетом, чтобы какое-то слово, фразеологический оборот или словосочетание *намекали* на тот или иной языковой, литературный, социальный факт, на какой-либо обычай, реалию, черту быта и нравов. Возникающая в сознании читателя или слушателя ассоциация составляет содержание аллюзивной информации. Приведем простейший пример. На 16-й странице «Литературной газеты» часто публиковались краткие юмористические изречения. Вот одно из них: «Алло, поклонники! Вас ищут таланты!» Во фразе содержится намек на уже упоминавшуюся популярную телепередачу «Алло, мы ищем таланты!». Или еще примеры: «В мастерской вместо спиц ставили палки» – «перекличка» с фразеологизмом «ставить палки в колеса»; «В эту среду много лет назад Каин убил Авеля. Следствие ведут знатоки.» – аллюзия, связанная с названием известного телесериала.

Без восприятия намека на расхожее ныне выражение «видел я его в гробу в белых тапочках» окажется совсем не смешной фраза из юморески в той же газете по поводу того, что гроссмейстер Анатолий Карпов ни разу не встречался с Р. Фишером: «И вообще он его видел только на фотографии в белых теннисных тапочках». Равно как без знания доперестроечного обычая сдавать макулатуру в обмен на талон для покупки дефицитной книги не понять юмора такого объявления, как «Новости торговли. В городе Крытове введен новый порядок. Здесь в пунктах приема утильсырья за «Королеву Марго» дают 20 кг макулатуры».

Следует заметить, что необходимо различать три взаимосвязанных понятия: фоновую информацию в широком понимании как разновидность имплицитной информации от узкой трактовки этого термина как лексической, словесной фоновой информации, которая константно закреплена за словом или словосочетанием и, наконец от аллюзивной информации, которая порождается индивидуумом в речив определенных целях. Индикатором намеков и аллюзий могут быть обычные слова или словосочетания, содержащие долговременную или кратковременную фоновую информацию.

4. Функциональная информация. Каждое слово языка имеет предопределение к преимущественной передаче какого-либо вида знаменательной информации. Например, слова *дом, глаза, автомобиль, врач, бежать, синий, астрономия* и т. п. обычно передают в речи смысловую (семантическую) информацию, а слова *развалюха, очи, зенки, драндулет, эскулап, драпать, дерзание* и т. п. хотя и содержат семантическую информацию, но все-таки главное их предназначение – эмоционально-экспрессивное. Оно оправдывает их существование в языке. Однако, например, в литературном произведении теоретически любое самое нейтральное по стилю слово, включенное в творчески созданный автором контекст, способно наполняться

экспрессией. В знаменитом гаевском обращении к шкафу в обычное слово *шкаф* «вложено» персонажем свое личностное экспрессивно-оценочное содержание. Главное даже не в этом, а в том, что в литературном произведении все элементы речевой формы являются средством образного воплощения действительности, отраженной в сознании художника. Специфика языка литературного произведения «определяется эстетической функцией, присущей языку художественной литературы, наряду с общей и основной функцией языка – быть средством общения, т. е. функцией коммуникативной». Слово в художественной речи становится эстетической категорией, так как язык – это и материал, и форма всех видов словесного искусства.

Эстетическая (художественная) функция языка литературного произведения свойственна не отдельным частям произведения, а всему произведению в целом, присуща любому слову, предложению, абзацу и т. д. художественного текста и подчинена авторскому идейно-художественному замыслу. В подлинно литературном произведении нет нехудожественных элементов языка. «Наличие эстетической функции языка, – пишет Р. А. Будагов, – всегда отличает стиль художественного произведения от любого речевого стиля, где подобная функция либо необязательна, либо имеет совсем другое назначение».

Эстетическую (художественную) функцию языка литературы не следует противопоставлять его коммуникативной функции. Еще М. Горький заметил: «Оформляя, по выражению все наши впечатления, чувства, мысли, язык художественного произведения выступает в своей коммуникативной функции, его семантические и стилистические средства подчинены задаче наиболее полного, адекватного раскрытия этих впечатлений, чувств и мыслей; будучи подчинен вместе с другими компонентами художественного произведения задачам образного воспроизведения действительности, он выступает в своей эстетической функции, все его средства служат более отчетливому и яркому выражению личности автора, изображению характеров, событий, эпохи, места и т. д. Коммуникативная и эстетическая функции языка произведения слиты воедино – это две стороны одного и того же высказывания».

Взаимодействие функциональной и смысловой информации в языке перевода можно показать на примере значимых имен собственных. Содержание обычных имен собственных сводится к указанию на конкретный объект номинации. В переводах эти имена транскрибируются. У значимых имен двойственное содержание: они указывают на объект, вычлняя его из ряда подобных, и одновременно характеризуют, оценивают его. Причем очень часто главная их роль заключается не столько в номинации, сколько в характеристике объекта. Чтобы сохранить за ними художественную функцию, современная переводческая школа ратует (в тех случаях когда это возможно) за перевод, а не транслитерацию значимых имен. Так появляются *сеньор Живоглот*, *доктор Блево*, *дон Тренбреньо*, *академик Чертобес*, *король Пук* и пр. Воссоздавая значимые имена, переводчики часто не сохраняют у них сходства с внутренней формой имен оригинала, а

изобретают для имени новую внутреннюю форму, справедливо полагая, что в таких случаях бывает важнее сохранить за словом функциональную информацию, отступив по тем или иным причинам от точной передачи информации смысловой. Следует заметить, что художественная (эстетическая) функция имеет разновидности, подфункции: оценочную, характерологическую, образно-характерическую, индивидуализирующую, типизирующую и др.

5. Паралингвистическая информация, в которой отражаются личностные черты автора речевого произведения. Это своего рода «позывные («говорит такой-то»)), которые накладываются на все наши сообщения и по которым наши знакомые, т. е. подготовленные реципиенты, узнают наш голос, почерк, манеру излагать свои мысли как отличающие нас от всех других членов языкового коллектива. Таким же образом по отрывку из художественного произведения мы иногда можем распознать автора. Информация такого рода передается вместе с семантической информацией (смыслом) сообщений и в значительной степени независимо от последней». Она определяется по индивидуальным смысловым оттенкам в понимании и употреблении слов, по характеру их отбора; предпочтительному словоупотреблению, особенностям словосочетаний и т. п. В художественном творчестве ее используют в пародиях, имитациях, подражаниях. Этот вид информации изучен пока еще весьма слабо.

На иных уровнях речи обнаруживаются также другие виды информации. Выявление и исследование их сопряжено с многими трудностями, ибо язык является, как уже говорилось, той внешней формой словесного творчества, которая непосредственно воспринимается читателем, и тем материалом, из которого создаются художественные да и любые другие тексты.

Изучая информативное содержание слова в теории перевода, необходимо отличать словесное содержание, соотносимое с лексической системой общенародного языка, от смысла, свойственного тому или иному слову лишь в индивидуальной речи или в эстетической системе художественного произведения.

Только в этом случае переводчик может претендовать на адекватный перевод текста. Вместе с тем нельзя забывать и о том, что языковая (константная) и речевая (окказиональная) информации образуют, например, в художественном произведении единое целое, препарирование которого возможно лишь в целях научного анализа.

Лишь после определения основных информативных компонентов слов логично приступить к решению проблемы лексических соответствий – одному из важных вопросов теории перевода.

Итак: информационный объем слова широк и многообразен. Исходя из диалектически связанной оппозиции языка и речи и учитывая особенности индивидуально-авторского словотворчества, лексическая информация подразделяется на константную (языковую) и окказиональную (речевую). Это два основных класса. На уровне языка выделяется два типа информации, знаменательная и служебная.

И хотя отмечено несколько видов экстралингвистической информации, все же основным ядром содержания слова является его смысловой (семантический) компонент. Все остальные информативные элементы «наслаиваются» на него. Несмотря на свою важность и объективную необходимость, они не существуют самостоятельно, в чистом виде, а являются сопутствующими содержательными компонентами слова, хотя в речи роль, например, экспрессивно-эмоциональной или какой-либо другой информации может оказаться первостепенной.

Вопросы для самопроверки

1. Кем впервые в отечественном языкознании подробно рассматривался вопрос о фоновых знаниях?
2. Дайте определение страноведческим знаниям.
3. Что есть культура? Определите данное понятие с точки зрения лингвострановедения.
4. Дайте определение фоновым знаниям согласно Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову.
5. Опишите, что есть подтекст как лингвистическая категория.
6. Чем отличается долговременная фоновая информация от кратковременной?
7. Дайте краткую характеристику лингвистической и экстралингвистической информации.
8. Перечислите виды окказиональной информации.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. **Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.
4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. –

278 с.

9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.
23. **Чужакин А. П.** Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.
24. **Швейцер А. Д.** Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.
25. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. **Владимирова В. Г.** К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа:

<http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Миголатьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Миголатьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozental/index.html>

ТЕМА 4

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОГО ПЕРЕВОДА. ОСВОЕНИЕ УСТНЫХ ТЕКСТОВЫХ ЖАНРОВ

ПЛАН

1. Особенности устных жанров. Информационное сообщение. Декларация и манифест.
2. Интервью. Переговоры, дискуссия.
3. Публичная речь.
4. Устный перевод с листа.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Ознакомьтесь с материалами лекции, ответьте на вопросы для самопроверки, данные в конце темы.

Особенности устных жанров. Информационное сообщение. Декларация и манифест

Разнообразие текстов, с которыми приходится работать устному переводчику, невелико в сравнении с разнообразием письменных текстов. Это информационное сообщение, интервью, переговоры, дискуссия, публичная речь, декларация (манифест), доклад. С каждым из них переводчик должен уметь работать, и в качестве материала все они должны войти в обучение. Рассмотрим специфику каждого из этих текстовых жанров.

Информационное сообщение – это обычно краткий текст, содержащий общезначимую новую информацию из области политики, культуры, искусства, общественной жизни, спорта. Такие сообщения типичны для средств массовой информации (СМИ). В практике перевода встречаются также частные и узкоспециальные информационные сообщения, предназначенные для участников одной конференции или специалистов одной области. Иногда они могут носить бытовой характер:

Тематика таких текстов не ограничена, и освоение их по тематическому принципу – задача бесперспективная. Переводчику прежде всего необходимо узнать, как переводить такие тексты, когда он столкнется с ними в работе, а значит – он должен представлять себе их основные особенности:

1. Все они без исключения выдержаны в рамках литературной нормы. Просторечие, жаргон, высокий стиль в них недопустимы.

2. Информация в них оформлена как объективная, яркие эмоционально-оценочные средства встречаются редко, хотя скрытая оценочность, отражающая позицию источника (особенно если это политическое сообщение), в них присутствует. Следовательно, при переводе предпочтительны лексика с нейтральной оценочностью и нейтральный порядок слов.

3. В информационных сообщениях преобладают общеизвестные термины, знакомые

большинству носителей языка. Исключения не составляют такие специальные сообщения, как новости спорта и сводки погоды.

Так, в информационном сообщении простой синтаксис, ограниченное количество сложноподчиненных структур, обилие личных и географических имен, количественной цифровой информации, отсутствие узкоспециальной терминологии, стертая эмоциональность, выражаемая преимущественно порядком слов, оценочными эпитетами.

По своему коммуникативному заданию информационные тексты предназначены прежде всего для передачи когнитивной информации, поэтому, применяя прием речевой компрессии, переводчик должен соблюдать максимальную осторожность при попытке отбросить часть информации как второстепенную. Ведь в информационном сообщении важны бывают именно детали, частности, и тут любое сокращение становится опасным. Важны все даты, имена, географические названия, цифровые данные.

Декларация – коллективное, совместно выработанное заявление, представляющее собой итог переговоров, конференции, симпозиума.

Манифест – публичное коллективное заявление своей позиции.

Оба текста отличаются стройной структурой, комплексными формулировками, сложностью синтаксиса, чертами как высокого, так и канцелярского стиля. Специфична для них и юридическая терминология. В сущности, эти произносимые устно тексты имеют в своей основе типичный письменный текст.

Как тренировочный материал их стоит использовать тогда, когда навык перевода речей достаточно прочен. Они сложнее речей и по текстовой организации, и по отсутствию в них избыточной информации. Следовательно, и при последовательном, и при синхронном переводе нежелательно применение речевой компрессии, а также попытки подразделить информацию на главную и второстепенную. Но освоение их с помощью синтаксического развертывания вполне продуктивно.

Итак, декларация и манифест – текстовые жанры, где эмоциональная окраска не выходит за рамки литературной нормы, с отклонениями в сторону высокого стиля, с использованием архаичной лексики и оборотов речи высокого стиля. Характерна юридическая терминология, поскольку тексты этого типа имеют официальный юридический статус. Манифест имеет обычно строгую композиционную структуру, отдельные части текста имеют подзаголовки и оформлены наподобие статей закона.

Интервью. Переговоры, дискуссия

Интервью – это публичный диалог, состоящий из вопросов и ответов либо посвященный какой-нибудь теме, в которой интервьюируемый компетентен, либо деятельности и личной жизни самого интервьюируемого. Тематический диапазон здесь также чрезвычайно широк. И опять мы

приходим к выводу, что для переводчика самое главное – предвидеть, что ему может встретиться в такого типа работе, и знать, какие приемы он должен применять. Каковы же особенности устного текста интервью?

В интервью когнитивная информация преломляется через видение отдельной личности, получает трактовку. Поэтому, помимо нейтрального фона лексики и грамматики, свойственного всем устным публичным жанрам, здесь имеются средства с яркой эмоционально-оценочной окраской, и эту окраску необходимо передать в переводе.

Переговоры – это официальная беседа с участием двух или более сторон, целью которой является выяснение каких-либо известных заранее вопросов или выработка какого-либо решения. Часто целью переговоров является достижение консенсуса.

Дискуссия – это также беседа, как официальная, так и неофициальная (кулуарная), обычно – по какой-либо специальной проблеме, освещенной в докладе на конференции; это беседа специалистов.

Мы объединили переговоры и дискуссию в одну рубрику, поскольку задачи их перевода имеют много общего. Переводчику необходимо хорошо представлять себе заранее эти задачи, опирающиеся на их общие черты, впрочем, как и на особые черты каждого из этих жанров.

Особенность первая. И переговоры, и дискуссия имеют непредсказуемый текст. Переводчику известны лишь тема в общих чертах и предварительные материалы к ней. Опираясь при переводе он может лишь на знание терминологии по теме.

Особенность вторая. Оба жанра представляют собой свободное общение, в ходе которого не исключены конфликтные ситуации. Это как раз тот случай, когда переводчику необходимо знание профессиональной этики и этики общения. Переводчик не должен вмешиваться в конфликт, пытаться его уладить или вставать на защиту одной из сторон. Он обязан по мере возможности сохранять нейтральную позицию транслятора и продолжать переводить основное предметное содержание конфликтного диалога, однако его дипломатическая роль в такого рода встречах (которая может оказаться немаловажной, если это переговоры на высоком уровне) должна подсказать ему дипломатичный выход из некоторых сложных ситуаций перевода. Тогда он по необходимости может кое-что сгладить или опустить при переводе.

Особенность третья. При переводе дискуссии и переговоров для переводчика особенно важно твердое знание формул официального этикета и стилистики нормативного официального общения.

Особенность четвертая. Переговоры – часть делового общения, и в их составе часто встречается юридическая и финансовая лексика.

Из характеристики ясно, что перевод переговоров и дискуссий требует высокого уровня профессионализма, психологической подготовленности, и его полноценное освоение возможно

только тогда, когда переводчик накопил достаточный профессиональный опыт. Но познакомиться с материалом такого рода лучше в ходе обучения, разумеется, не на начальной стадии. Запись переговоров и дискуссий в виде аудио- или видеозаписи предлагается студентам как для последовательного, так и для синхронного перевода.

Публичная речь

Речь – публичное монологическое выступление оратора перед слушателями - важная составляющая работы устного переводчика. На занятиях по коммуникативной риторике изучению построения речи, особенностям ее стиля уделяется большое внимание. Если у будущих переводчиков нет предварительной подготовки такого рода, им стоит самостоятельно заняться изучением этого вопроса. Необходимо познакомиться и с широчайшим регистром речей, в чем без дополнительной литературы не обойтись. Переводчик должен быть готов переводить речи, произносимые по самым разнообразным поводам: приветственные, заключительные, политические, праздничные, траурные и т. п. На специфике речи как устного, жанра мы уже не раз останавливались.

Отметим ее основные черты, важные для работы переводчика:

- Речь имеет строгую законченную форму со стройной структурой, традиционный зачин и концовку, оформленные с помощью особых этических формул, причем для разных речей подходят свои формулы.

- Язык речи в основном нормативен, однако в ней всегда присутствует и эмоциональная информация, для передачи которой используются эмоционально окрашенная лексика, просторечие, высокий стиль, диалектизмы, фразеологизмы, метафоры, сравнения и эпитеты, цитаты и крылатые слова.

Часть этих средств в переводе должна быть воспроизведена, иначе речь станет бесцветной и потеряет силу воздействия на аудиторию - эта сила строится на эмоциях.

- Системным признаком текста речи являются разного рода повторы: лексические, синтаксические и т. п., среди которых ведущее место занимает сложный комплекс тавтологических и вариативных повторов разного уровня - риторический период. Именно эта особенность речи при переводе страдает, если переводчик неумеренно пользуется приемом компрессии.

- Большинство ораторов обладает собственным ораторским стилем. Если этот стиль ярко выражен, переводчику придется передавать его основные особенности.

- Публичная речь далеко не всегда заранее подготовлена и не всегда имеет письменный текст в своей основе. Но даже если такой текст есть, оратор нередко, произнося речь, переходит на импровизацию, и переводчик всегда должен быть к этому готов. Особенно пагубно сказывается на качестве перевода эффект неожиданности именно тогда, когда у переводчика в руках заранее

полученный текст речи. В импровизированной речи структура всегда гораздо менее строгая, часто встречаются необоснованные повторы, незаконченные или нелогично законченные фразы. Переводчик, разумеется, не несет ответственности за качество текста оригинала, но профессиональная этика предписывает в таких случаях по мере возможности исправлять ошибки оратора.

Материал публичной речи как сложного, многообразного и частотного в работе переводчика устного жанра стоит вводить в обучение сразу за первыми информационными сообщениями и интервью.

О некоторых приемах освоения речи и прикладном использовании материала речей мы уже говорили: о применении техники синтаксического развертывания для освоения сложно организованной ораторской речи, о специальных приемах пополнения активного запаса фразеологизмов в контексте речи («обогащенный» фразеологизмами учебный текст речи или интервью) и др. При выработке навыков перевода публичной речи важно расположить материал разумно, учитывая его разнообразие и уровень сложности. Вот возможный план расположения материала:

- Краткие поздравительные речи.
- Речи на открытии выставки, памятника, бассейна, библиотеки и т. п.
- Речи в честь присуждения награды.
- Траурные речи.
- Речи на открытии съездов и конференций.
- Программные и тематические речи деятелей культуры, науки, искусства, политики.
- Научные доклады.

При работе над переводом речей можно использовать следующие виды предварительной обработки: знакомство с письменным текстом речи дома и составление списка лексики; прослушивание речи на занятии и обсуждение ее содержания и сложных для понимания и перевода мест; составление аналогичной речи на родном языке; эхо-повтор текста речи без предварительного прослушивания. Затем речь переводится последовательно или синхронно. На заключительном этапе обучения речь предлагается для последовательного или синхронного перевода без предварительной подготовки.

Устный перевод с листа

Устный перевод письменного текста широко практикуется во многих переводческих школах. Предлагаются разные варианты предварительной подготовки: перевод обдумывается дома; на подготовку к переводу дается некоторое время в аудитории; текст переводится без подготовки. В практике устного перевода все эти варианты переводчику могут встретиться, и, наверное, разумно ориентироваться на эту практику.

Перевод с домашней подготовкой часто встречается в практике синхрониста – накануне работы он получает готовые материалы докладов. Поэтому, если текст готовится к переводу с листа дома, на занятии он должен быть предложен для синхронного перевода на слух. Перевод с минимальной подготовкой и без подготовки с листа – частая задача переводчика-референта и секретаря-референта, а также – попутная задача любого устного переводчика. На занятии такой текст, разумеется, переводится последовательно. С методической точки зрения привлечение к обучению перевода с листа имеет и плюсы и минусы. Плюсом является в первую очередь относительная облегченность задач перевода: переводчику не приходится напрягать память, текст у него перед глазами в зафиксированном виде.

Поэтому можно сосредоточиться на важной цели – выработке умения формулировать текст быстро и грамотно на языке перевода (временные рамки перевода, разумеется, должны быть ограничены). Но в этой облегченности кроется и своя опасность – привыкнуть к легким задачам. Ведь на практике устный переводчик все-таки прежде всего переводит на слух. Помимо этого, применение зрительного ряда восприятия речи означает для переводчика еще один тип переключения (напомним, что одновременно ему приходится переключаться с языка на язык, с вербального на цифровое кодирование и т. п.)» а это, несомненно, психологически осложняет работу.

Исходя из сказанного, можно порекомендовать использовать этот метод в ограниченном объеме, его доля в обучении устному переводу по сравнению с обучением на слух, по нашему мнению, должна быть сравнительно небольшой и использоваться на занятии, так сказать, для отдыха ушей. Кстати, перевод с листа популярен в тех школах перевода, где нет четкого изначального разграничения устного и письменного перевода как будущей специализации (Саарбрюкен, Майнц, Монтерей).

Вопросы для самопроверки

1. Чем отличаются информационное сообщение, декларация и манифест?
2. Дайте краткую характеристику каждому из вышеперечисленных устных жанров.
3. Сколько традиционно выделяется особенностей перевода интервью, переговоров и дискуссии? Опишите каждую из них.
4. Сравните основные особенности перевода интервью, переговоров и дискуссии с трудностями, встречающимися при переводе информационного сообщения, декларации и манифеста.
5. С какими профессиональными трудностями может столкнуться переводчик, работая с публичной речью?
6. Каковы основные принципы устного перевода с листа?

2. Выполните следующие практические задания:

Задание 1. Перевести на скорость простое интервью, состоящее из коротких вопросов и ответов (реплики в пределах одной фразы), записанное на пленку в среднем темпе, в технике последовательного пофразового перевода. Материалом может служить интервью с детьми (но без жаргона!), уличное интервью, адаптированное интервью с известными политическими и культурными деятелями, специально записанное для занятий интервью с носителем языка. Установочные требования: переводить быстро, полными фразами, с соблюдением литературной нормы.

Задание 2. Перевести интервью с известным человеком: кинозвездой, моделью, спортсменом, писателем и т. п. При переводе обязательно фиксируется скорость: либо текст интервью разбивается на равные части и фиксируется время работы каждого студента, либо каждому дается на перевод равное время (3-4 минуты), и по истечении времени начинает работать следующий.

Задание 3. Перевести интервью с политическим деятелем. Тактика выполнения задания та же, что и задания 2. Обратит внимание на повышенные требования к соблюдению литературной нормы, стилистической корректности всех высказываний, соблюдению очередности, предложенной оратором, при перечислении имен, топонимов, названий организаций, фирм и т. п. (дипломатический компонент перевода).

Задание 4. Перевести двуязычное интервью (корреспондент говорит по-русски, интервьюируемый по-украински, или наоборот) по ролям: один студент переводит только украинский текст, второй – только русский.

Упражнение предназначено для тренинга двустороннего перевода, и по мере обучения материалом могут служить все более сложные интервью.

Задание 5. Двуязычное интервью предлагается для перевода одному студенту на скорость. Это один из основных компонентов обучения двустороннему последовательному переводу. Рабочий материал постепенно усложняется.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

- 1. Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
- 2. Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
- 3. Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.

4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) /

А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.

23. Чужакин А. П. Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.

24. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Мигولاتьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Мигولاتьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozental/index.html>

ТЕМА 5

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ПИСЬМЕННОГО ПЕРЕВОДА. ОСОБЕННОСТИ ТЕКСТОВЫХ ЖАНРОВ В ПИСЬМЕННОМ ПЕРЕВОДЕ – ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

ПЛАН

1. Научные, технические и научно-популярные тексты, стилистические особенности и переводческие трудности.
2. Научно-популярный текст.
3. Тексты учебников и энциклопедические статьи. Виды и способы адаптации текста. Компрессия и особенности перевода текстов с уплотненной информацией.
4. Перевод деловых документов и юридических текстов, публицистики.
5. Художественный текст как синтез всех текстовых жанров письменного перевода.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ознакомьтесь с материалами лекции, ответьте на вопросы для самопроверки, данные в конце темы.

Научные, технические и научно-популярные тексты, стилистические особенности и переводческие трудности

К **научному тексту** относятся тексты научных статей, монографий, технических описаний. Область знаний, так называемая тема, принципиального значения для оформления текста не имеет. Внешнее впечатление, что математический текст, пестрящий математическими формулами, и химический, полный химических формул, совершенно различны, на самом деле, только на миллиметр отделяет нас от вывода, что они именно этими формулами очень близки друг другу. И действительно, любой научный/технический текст (в дальнейшем изложении – просто научный) отличается от других богатым арсеналом вспомогательных знаковых систем (включая схемы и чертежи в техническом тексте). Большинству носителей языка эти знаки неизвестны. Но ведь для кого-то такой текст предназначен? Да, он предназначен для специалистов в данной области знаний. Значит, реципиент – специалист (медик, математик и т. п.).

А кто – источник? Автор научного текста всегда указан. Но мы никогда не заметим в научном тексте существенных проявлений авторской индивидуальности. Научные тексты не пишутся как бог на душу положит. Их принято писать по строгим правилам, и у разных авторов, пишущих на одну и ту же тему, мы обнаружим не только одни и те же синтаксические и морфологические структуры, но и одинаковые обороты речи, одинаковый стиль. Различия наблюдаются лишь в частотности употребления некоторых слов и выражений (любимые слова) и, может быть, в степени сложности изложения. Получается, что автор выступает не от себя лично, а

как один из представителей данной области знаний, опираясь на все достигнутое его предшественниками, причем строит текст по строгим правилам, принятым среди специалистов в любой области. Значит, источник – автор как представитель всех специалистов в определенной области знаний.

Научный текст служит для передачи **когнитивной информации**. Многочисленные языковые средства обеспечивают ее оформление как объективной информации. Назовем ведущие из них, которые потребуют эквивалентной передачи в переводе:

1) Семантика подлежащего. В качестве подлежащего, как правило, используется существительное из тематического круга данной области знаний или средства вторичной номинации (личные и указательные местоимения, наречия), указывающие на такое существительное. Личные местоимения единственного числа со значением субъекта встречаются исключительно редко, изредка автор-субъект обнаруживает себя в ритуальной форме объективированного «мы».

2) Разнообразные средства выражения пассивности по отношению к формальному подлежащему: специальные глагольные заложенные формы (пассив), глагольные конструкции с пассивным значением, безличные неопределенно-личные предложения.

3) Преобладание настоящего времени глагола, представляющего собой абсолютное настоящее, так называемый *praesens generellis*. Его использование дает возможность представить сообщаемые сведения как абсолютно объективные, находящиеся вне времени, как истину в последней инстанции.

4) Обилие сложных слов и слов, построенных по словообразовательной модели с абстрактным значением. Эта черта отражает высокий уровень обобщенности описываемых сведений, а, следовательно – их объективности.

5) Отчетливая номинативность текста – явное преобладание существительных, выражение действия преимущественно не через глагол, а через отглагольное существительное с десемантизированным глаголом. Это тоже повышает статус объективности изложения, поскольку увеличивает уровень абстрактности.

Характернейшей чертой научного текста, которая сразу бросается в глаза, является обилие терминов. Можно сказать, что это саморегулируемый лексический аппарат, специально выработанный для передачи когнитивной информации. Термины однозначны, не обладают эмоциональной окраской и не зависимы от контекста. Эти три важных признака терминов ведут к решающим для переводчика выводам: для передачи терминов в научном тексте должны использоваться однозначные, не зависимые от контекста соответствия – эквиваленты. Значительная часть эквивалентов содержится в двуязычных специальных словарях. Замена терминов близкими по значению словами недопустима.

Остальная лексика в научном тексте достаточно однообразна по составу, и, проведя сравнительный анализ различных по тематике научных текстов, мы обнаружим очень похожий набор слов (в русском тексте: «*анализировать*», «*процесс*», «*развитие*», «*прийти к выводу*» и т. п.). Недаром эту лексику иногда называют общенаучным слоем терминологии, или лексикой общенаучного описания. Исследовав ее особенности в тексте, мы выявили следующее:

1) она лишена эмоциональной окраски;

2) ее можно отнести к нейтральному варианту современной письменной литературной нормы;

3) в ней широко развита синонимия, причем синонимы, как правило, стилистически равноправны: «*играет важную роль*», «*имеет важное значение*», «*довольно существенен*» – эти синонимические обороты в большинстве случаев взаимозаменяемы. Поэтому при переводе лексики общенаучного описания, то есть того фона, на котором выступают термины, мы будем выбирать соответствия, представляющие собой нечто среднее между эквивалентами и вариантными соответствиями, поскольку большинство вариантов взаимозаменяемы и все они нейтральны. Так что и в данном случае переводчик может опираться на словарь, но уже не специальный, а общеязыковой.

В научном тексте всегда имеются средства, повышающие уровень плотности когнитивной информации. Это, прежде всего, разного рода сокращения. Для выработки переводческих решений нам важно определить их тип. Анализ показывает, что в научном тексте широко представлены специальные терминологические сокращения (например, «*ЭКГ*» = «*электрокардиограмма*» в медицинском тексте) и общеязыковые (например, «*и т. д.*» = «*и так далее*»). Большинству терминологических сокращений дается соответствие в словарях, его и нужно применять в переводе и ни в коем случае не изобретать собственное сокращение. Если же в специальном словаре сокращение отсутствует (это бывает, если термин в ходу в данной области знаний на одном языке и еще мало известен на другом), необходимо расшифровать сокращение и дать его в переводе как в полном, так и в сокращенном варианте (тогда сокращение предлагает сам переводчик, ориентируясь на тип сокращения в подлиннике: если в подлиннике акроним, то есть сокращение по начальным буквам, то в переводе – тоже акроним; если в подлиннике сложносокращенное слово, переводчик выстраивает ту же модель). Контекстуальные сокращения в научном тексте отсутствуют (о них см. параграф «Энциклопедическая статья»).

Уже сам анализ средств оформления когнитивной информации показал, что система этих средств фактически блокирует эмоциональную информацию. Средства объективизации изложения не дают проявиться субъективному началу. Крупницы эмоциональной информации представлены в стертом, предельно формализованном облике средств модальности научной дискуссии. Средства эти в каждом языке свои, например, в русском это модальные слова, словосочетания с глаголами

определенной семантики: «вероятно», «мне представляется»; лексические усилители, относящиеся к слою письменной литературной нормы языка: «непрерменно», «ни в коей мере». На эти их характеристики и придется ориентироваться, передавая эмоциональную информацию в переводе. Небольшую долю составляют интернациональные средства эмоциональности научной дискуссии, такие как риторические вопросы и восклицания.

Абсолютное преобладание когнитивной информации в научном тексте диктует логический, а не ассоциативно-образный путь его построения. Путь этот обеспечен специальными языковыми средствами, которые организуют связность текста, – средствами семантической и формальной когезии. Часто они дублируют друг друга, в научном тексте их количество, по сравнению с другими типами текстов, максимально велико, и мы можем говорить об избыточности этих средств. Другими словами, средства обеспечения логичности изложения представлены с запасом, их обилие – одна из доминирующих черт научного текста. Передача средств семантической когезии при переводе особой сложности не представляет, поскольку большая часть лексики, которая ее организует, передается однозначными соответствиями, а значит, семантическое ядро в каждом случае сохраняется. Более того, зная об избыточности средств когезии, переводчик вправе уменьшить их количество, например: уменьшить число повторений какого-либо термина. Серьезнее обстоит дело с передачей средств формальной когезии (наречий, указательных и личных местоимений, союзов и т. п. – например, в русском: «*итак*», «*ибо*», «*тем самым*», «*кроме этого*», «*впрочем*», «*далее*» и др.).

Это, как правило, маленькие, «незаметные» словечки в тексте, и переводчик по неопытности их порой пропускает; кроме того, у переводчика при переводе научного текста, даже если он его не анализировал, зреет ощущение, что всех этих связочных слов в тексте слишком много, и по этой причине он тоже может часть из них в переводе не сохранить. Но всякий раз, «снимая» маленькое словечко, он ослабляет логичность текста и приближает принцип его построения к ассоциативному. Поэтому средствам формальной когезии придется находить в переводе эквивалентные соответствия. Как правило, они относятся к разряду соответствий, обладающих равноправной вариативностью, и можно выбрать любой из нескольких вариантов («*далее*» = «*затем*»; «*поскольку*» = «*потому что*» = «*ибо*»).

Логичность изложения обеспечена также высоким уровнем сложности и максимальным среди письменных текстов разнообразием синтаксических структур (разумеется, встречаются только структуры, находящиеся в рамках письменной литературной нормы). Казалось бы, эту важную черту – сложность синтаксиса – переводчик тоже должен сохранять в полной мере. Но иногда сложная структура, из-за особенностей языка перевода, преобразуется таким образом, что появляется двусмысленность содержания или слишком большая дистанция компонентов мешает проследить за мыслью автора. В таких случаях принцип логичности построения нарушается, и

переводчику приходится преобразовывать синтаксическую структуру (то есть производить синтаксическую трансформацию), упрощать ее или разбивать сложное предложение на два. А вот если логический принцип выдержан в научном тексте от начала до конца, читатель может даже получить удовольствие от знакомства с ним, восхищаясь блеском логики изложения. Тогда мы вправе считать, что текст содержит элементы эстетической информации. И это еще один довод в пользу того, что средства логики построения переводчику придется воспроизводить в переводе. Пусть читатель перевода получит возможность так же наслаждаться текстом, как и читатель подлинника! Отметим, однако, что далеко не всякий научный текст блещет логичностью; переводчику встречается всякий уровень научного изложения, и если он не получил особого задания отредактировать и улучшить текст при переводе, то он вполне может оставить его недостатки на совести автора и перевести все как есть.

Дополнительным средством логической организации научного текста являются графические средства, прежде всего – шрифтовые. Величина и жирность шрифта в заголовках и подзаголовках, разрядка, курсив – компрессивные средства выделения значимой и подчиненной информации. К ним можно добавить подчеркивания и выделение другим **цветом**. При оформлении перевода переводчик обязан сигнализировать о характере выделенности информации своими средствами выделения (например, не обязательно разными шрифтами, но – введенной им градацией подчеркиваний), или же сообщить об этом в особом примечании.

Коммуникативное задание научного текста – сообщение новых сведений в данной области знаний. Причем это новое базируется на значительном объеме известного – известного, конечно, не любому читателю, а только специалисту. Уровень базовой компетентности, общей для источника и реципиента, очень высок. Вот почему научный текст недоступен непосвященным. Значит, переводчику необходимо «вхождение в тему», необходимо повышение своего уровня компетентности, чтобы не ошибиться в передаче содержания.

В заключение характеристики научного текста вспомним о том пункте, который в схеме предпереводческого анализа мы назвали первым: сбор внешних сведений об оригинале. Если в результате сбора этих сведений выяснится, что данный научный текст – лишь часть научного труда (глава, раздел) или научная статья в тематическом сборнике, необходимо ознакомиться с книгой в целом, это облегчит понимание содержания. Может оказаться также, что научный текст несовременен, написан в начале XX века или раньше. Тогда задача переводчика неизбежно осложняется, ему придется использовать в тексте перевода языковые средства, которые передадут временную дистанцию. Какие средства – это покажет анализ подлинника. Это могут быть устаревшие слова и обороты литературного языка, устаревшие термины, более архаичные структуры предложения (в том числе и устаревшие варианты порядка слов).

Таким образом, при переводе научного и технического текстов доминантами перевода,

обеспечивающими инвариантность текста, то есть соответствие его подлиннику, будут все средства, обеспечивающие объективность, логичность и компактность изложения. Перечислим их еще раз: термины, общенаучная лексика без оценочной окраски (письменный вариант), глагольные формы настоящего времени, пассивные глагольные конструкции, неопределенно-личные и безличные структуры, сложные слова, словообразовательные модели с абстрактной семантикой, преобладающее выражение процесса через существительное, сокращения, цифры, формулы, схемы (последние три переносятся в текст перевода без изменений), максимальная сложность и разнообразие синтаксических структур (которые в случаях нарушения логического принципа можно членить), обилие средств когезии, графические средства логической организации, формализованные средства эмоциональности научной дискуссии. Ведущая единица перевода – слово, а для перевода некоторых сложных слов – морфема. Наиболее распространенный вид соответствий – однозначный эквивалент; на втором месте – вариантное соответствие с равноправной вариативностью.

Научно-популярный текст

На первый взгляд, **научно-популярный текст** по своим конструктивным признакам устроен проще, чем научный, а значит – он и проще для перевода. Но это лишь внешнее впечатление: ведь не всегда текст, где предложения сложнее и длиннее, представляет собой более сложное единство и задает более сложные задачи переводчику. Да, в научно-популярном тексте синтаксические структуры в целом проще, но коммуникативное задание – сложнее, а, следовательно, и разнообразие средств больше. Его задача – донести до читателя познавательную информацию и одновременно увлечь этой информацией. Среди эмоциональных средств «приобщения» к теме, возбуждения интереса к ней отмечаются и средства, свойственные художественному тексту, то есть оформляющие эстетическую информацию.

Чтобы разобраться в сложном сплетении этих средств, обратимся к выявлению источника и реципиента научно-популярного текста. Источником является специалист в данной области (биолог, математик, искусствовед), и сведения, которые он сообщает, достоверны и объективны. Но всю меру своей компетентности он не проявляет, поскольку читателем его текста является некомпетентный или малокомпетентный реципиент. Снимаются и возрастные ограничения – большое количество научно-популярных текстов предназначается детям и подросткам. То, каким образом данный автор приспособливает информацию к восприятию некомпетентным реципиентом, зависит от самого автора, хотя языковые средства популяризации у разных авторов одни и те же. Различаются, пожалуй, компоновка средств, алгоритм их применения. Вот тут уж авторство несомненно, и имя автора как индивидуума, представляющего свой вариант адаптации научных сведений, всегда обозначается.

Научно-популярный текст содержит большой объем **когнитивной информации**. Диапазон

средств, с помощью которых она передается, напоминает диапазон средств научного текста. Но при анализе мы сталкиваемся как с количественными, так и с качественными отличиями:

1) Термины. Количество их в научно-популярном тексте значительно меньше. Это касается и специальной терминологии, и лексики общенаучного описания.

2) Плотность информации. Она также ниже, чем в научном тексте. Реже применяются сокращения и скобки.

3) Средства, обеспечивающие объективность изложения: пассивные конструкции, неопределенно-личные и безличные предложения, преобладание абсолютного настоящего, неличная семантика подлежащего. Все эти средства используются в научно-популярном тексте в значительно меньшем объеме, хотя они все и представлены.

4) Фон нейтральной письменной литературной нормы также представлен, но границы его размыты, и отклонения, особенно в сторону разговорного стиля, многочисленны.

Итак, количество и разнообразие средств, обеспечивающих передачу когнитивной информации, сужается. Зато в научно-популярном тексте появляются, в сравнении с научным, особые средства, обеспечивающие выполнение второй части коммуникативного задания – заинтересовать читателя. Здесь доминируют следующие языковые средства:

1) Специальные средства, создающие эффект сближения автора с читателем: повествование от первого лица; разговорная и даже разговорно-просторечная лексика; прямое обращение к читателю; риторические вопросы;

2) Эмоционально-оценочные средства: лексика с эмоционально-оценочной коннотацией; инверсии, подчеркивающие оценочные компоненты предложения, и т. д.

3) Включение в текст цитат из других источников, контрастирующих с научно-популярным текстом по типологическим признакам: фрагментов из поэтических и прозаических художественных произведений, летописей, научных статей и мн. др.

4) Фразеологизмы и образные клише, выполняющие функцию, подобную их функции в СМИ, – они облегчают восприятие содержания, включая в него привычный образный ряд. Часто используется деформация фразеологизмов.

5) Столкновение несовместимых языковых средств для создания эффекта неожиданности, иронической окраски или комизма. Эффект неожиданности позволяет заострить внимание на главном; ирония и комизм служат средством эмоциональной разрядки при восприятии сложного материала (подобно анекдоту, который рассказывает на лекции профессор).

Разнообразны средства передачи **эстетической информации**, заимствованные из арсенала художественной литературы: ввод условных вымышленных персонажей, использование эпитетов, сравнений и, в особенности, метафор. (Так, в одном из научно-популярных пособий для пользователей Интернета на всем протяжении повествования прослеживается метафора

путешествия на различных средствах транспорта.)

То есть, доминирующими при переводе научно-популярного текста оказываются средства, обеспечивающие адаптированную автором подачу когнитивной информации и поддерживающие интерес к ней: термины и лексика общенаучного описания, которая передается, соответственно, однозначными эквивалентами и вариантными соответствиями; необходимая доля пассивных конструкций, безличных и неопределенно-личных предложений, которые передаются с помощью соответствующих трансформаций (количество их при переводе такого текста не рекомендуется увеличивать, учитывая еще и то, что в русском языке, по сравнению с основными европейскими языками, их частотность в – любом типе текста ниже); разговорная лексика, эмоционально-оценочная лексика, эмоциональные инверсии, риторические вопросы, фразеологизмы и образные клише – передаются функционально соответствующими средствами, в основном с помощью вариантных соответствий; эпитеты, сравнения, метафоры – передаются с сохранением особенностей каждого тропа; столкновение несовместимых языковых средств – не обязательно с сохранением конкретных особенностей этих средств (скажем, высокая лексика – просторечие), но обязательно – с сохранением принципа несовместимости.

Тексты учебников и энциклопедические статьи. Виды и способы адаптации текста. Компрессия и особенности перевода текстов с уплотненной информацией

К тексту **учебника** мы относим тексты любых учебников, учебных пособий и руководств, а также тексты специальных энциклопедий, построенных по тематическому принципу. Переводить их приходится часто, а неудачи переводчика часто связаны с тем, что он не разобрался в специфике такого текста и придал ему черты либо чисто **научного**, либо **научно-популярного**.

В чем же эта специфика? Большинство учебников предназначено для того, чтобы передать читателю довольно большой объем систематизированных сведений, повысить уровень его профессиональной компетентности. Разница в уровне компетентности источника и реципиента – очень существенная. Собственно, источником текста учебника являются те же специалисты, но, ориентируясь на особенности читательской аудитории, они адаптируют к ней специфику научного текста. Читателю учебника может не хватать не только профессиональной, но и возрастной компетентности. Тогда необходима еще и возрастная адаптация: все знают, что учебники для детей написаны проще, чем учебники для подростков, а учебники для подростков – проще, чем учебники для взрослых.

Текст учебника, так же как и научный текст, явно специализирован на передаче **когнитивной информации**. Мы находим в нем все те же средства ее передачи, но в упрощенной форме. Рассмотрим каждое из них:

1) Термины. Обладают в учебнике всеми своими характерными признаками (однозначность, нейтральность, независимость от контекста), но количество их меньше, и каждый термин вводится

определением. В узкоспециальных учебниках (таких, как «Пособие по кардиологии для медсестер») иногда наблюдается использование устных профессиональных жаргонизмов.

2) Лексика общенаучного описания. Ее объем достаточно велик, и к ней добавляется значительный процент лексики общенационального языка, не относящейся к научному описанию.

3) Временные формы. Абсолютное настоящее также преобладает.

4) Пассивные конструкции. Числа их меньше, чем в научном тексте. Соответственно выше процент активных.

5) Неопределенно-личные и безличные структуры частотны.

6) Сложность и разнообразие синтаксических структур меньше, чем в научном тексте. Предложения проще и короче, иногда – значительно.

7) Когезия. Несколько меньше количество средств формальной когезии, зато выше уровень ассоциативной связности текста.

8) Плотность информации. Она в тексте учебника представлена, но распределена несколько иначе, чем в научном тексте. Вспомогательные знаковые системы невербального характера используются здесь очень активно (формулы, схемы, графики) – к ним добавляются, кстати, еще и иллюстративные материалы, – а вот сокращений встречается меньше. Точнее, общеязыковые сокращения частотны, а специальные сокращения используются реже. Распространено заключение части сообщения в скобки (синтаксическая компрессия).

9) Сложные слова и словообразовательные модели с абстрактной семантикой. Количество их, безусловно, значительно по сравнению со многими другими типами текстов, но оно меньше, чем в научном тексте.

10) Графические средства логической организации. Надо отметить, что их количество больше и разнообразие – шире, чем в научном тексте. К уже названным добавляются: подчеркивание, заключение фрагмента текста в рамку, вынесение его на поля. Правда, как раз для передачи этих средств переводчику не приходится предпринимать никаких особых действий.

Эмоциональная информация в учебном тексте разнообразнее, чем в научном. К традиционным средствам, отражающим эмоциональность научной дискуссии, добавляются иногда лексические эмоционально-оценочные средства, которые используются для сообщения читателю установочной оценки или, другими словами, общепринятого, устоявшегося мнения о каком-либо явлении или процессе (например, в русском: *«крупнейший»*, *«не имеющий себе равных»*, *«величайший»*). Эмоциональную информацию несут также приемы прямого обращения к читателю, побуждающие его к восприятию когнитивной информации, – побудительные предложения, риторические вопросы и т. п. (*«давайте вместе задумаемся о том...»*, *«как вы думаете...»*).

При переводе учебного текста доминантами перевода, как и в научном тексте, остаются все

средства, обеспечивающие его объективность, компактность и логическую связность, но следует учитывать, что все эти средства представлены в упрощенном, адаптированном к специфике реципиента виде, и усложнять текст, приближать его к научному неправомерно. Дополнительных усилий потребует поиск средств, воспроизводящих эмоциональную информацию подлинника, в частности эмоционально-оценочных слов. Ведущая единица перевода – слово; среди соответствий, наряду с однозначными (словарными) эквивалентами, достаточно распространены вариантные соответствия как с равноправной вариативностью, так и сугубо зависимые от контекста. Но если число последних в переводе чрезмерно увеличить, текст незаметно превратится в научно-популярный!

С **энциклопедической статьей** мы сталкиваемся, прежде всего, в энциклопедии – своеобразном толковом словаре понятий. Текст энциклопедической статьи весьма специфичен, и это рождает неожиданные переводческие проблемы. Попробуем в них разобраться. Начнем с коммуникативного задания энциклопедического текста. Так мы скорее придем к специфике перевода. Для чего же предназначена энциклопедия? Для того, чтобы получить достоверные сведения о предмете, явлении или личности, о которых ты ничего не знаешь или мало что знаешь. Причем сведения мы получим основные и начальные. Они далеко не полны, и, основываясь на этих базовых сведениях, мы затем сможем пополнить их в более фундаментальных источниках (например, в научных). Помимо этого, энциклопедия дает нам общепринятые оценки того или иного явления. Отталкиваясь от этих оценок как от базовых, мы постепенно, все глубже познавая явление из других источников, можем сформировать собственное мнение о нем, не обязательно совпадающее с общепринятым.

Теперь ответим на второй вопрос: для кого предназначена энциклопедия? Наверное, для любого человека, умеющего читать. И скорей всего, взрослого, поскольку структура текста и употребляемые слова рассчитаны на сложившееся, логически организованное мышление. А кого можно назвать источником энциклопедического текста? Вопрос непростой. Тексты в энциклопедии, как правило, публикуются без подписи, хотя имеют определенного автора. Автор этот является специалистом в данной области знаний (о растениях статьи пишет ботаник, об открытиях в области механики – инженер), но текст он составляет по неписанным законам, которые на базе коммуникативного задания организовали его в устойчивый речевой жанр, и индивидуально-авторского колорита текст не имеет. Автор выступает экспертом, отбирая главное и формулируя общепринятые оценки. За состав же статей отвечает редакция энциклопедии, именно она отбирает понятия, которые на настоящий момент имеют право считаться культурным достоянием человечества. Так что фактически источником текста является интеллектуальная элита человечества.

От чего же зависят значимые черты энциклопедического текста и каковы они? Для ответа на

вопрос исследуем, как всегда, его информационный состав. Собственно, определение коммуникативного задания уже дало нам необходимую подсказку. Ведущей в тексте, безусловно, является когнитивная информация. Объективность ее подачи обеспечена уже знакомыми нам средствами:

- пассивные конструкции;
- безличные и неопределенно-личные предложения;
- преобладание настоящего времени глагола;
- преобладание существительного над глаголом (номинативность стиля);
- использование терминов, принятых, в данной области знаний;
- высокая плотность (компрессивность) информации;
- фон современной письменной литературной нормы;
- отсутствие эмоционально-оценочной окраски в лексике и синтаксисе;
- объективная семантика подлежащего.

Все эти средства действительно нам знакомы по научному и учебному текстам. Однако количественные и некоторые качественные параметры использования этих средств необходимо прокомментировать. Начнем со средств, «уплотняющих» информацию. Ведь энциклопедическая статья - пожалуй, самый компрессивный из анализируемых нами текстов. Обилие средств компрессии деформирует некоторые другие его черты, связанные с объективностью подачи информации. Здесь встречаются сокращения всех типов: общеязыковые, специальные, контекстуальные. Любое слово, используемое в тексте не один раз, начиная со второго раза оформляется как контекстуальное сокращение. Заглавное понятие энциклопедической статьи со второго упоминания сокращается до акронима, то есть до первой буквы соответствующего слова с точкой («*страстоцвет*» – «*с.*», «*Франция*» – «*Ф*»). Помимо этого, используются графические шрифтовые средства, компрессирующие и организующие информацию (жирный шрифт, разрядка, курсив, петит), а также невербальные условные знаки (например, звездочка и крестик, сопровождающие даты рождения и смерти, если речь идет о персоналии). Широко распространены цифры.

Повышенной компрессивностью текста объясняется и неполнота синтаксических структур. Энциклопедический текст последовательно избегает повторов структуры. Если в двух фразах подряд одно и то же подлежащее (а это бывает особенно часто, если текст посвящен персоналии), то во второй раз оно опускается. Однако неполнота такой структуры всегда восполняется из предшествующего текста (в отличие от разговорного эллипсиса, который восстанавливается из ситуации общения). Так же часто опускается вспомогательный глагол в аналитических структурах – так что пассивные конструкции могут быть представлены в усеченном виде.

Устремленностью к максимальной плотности информации, видимо, объясняется относительно небольшой объем предложения в энциклопедическом тексте и его простота. К тому же текст рассчитан на неподготовленного читателя и предлагаемый ему неосложненный синтаксический вариант оптимален для восприятия. Компрессирующим средством, позволяющим опускать служебные средства логической подчиненности – союзы, наречия и т. п., – является заключение части информации в скобки.

Помимо абсолютного настоящего времени, энциклопедический текст довольно широко пользуется формами прошедшего времени, поскольку любое явление, процесс, личность он рассматривает также и в истории.

Термины встречаются только самые распространенные, известные большинству образованных носителей языка, и, хотя здесь также используются сложные слова и преобладает существительное, уровень абстрактности, обобщенности энциклопедического текста ниже, чем научного.

В энциклопедическом тексте много имен собственных. В их передаче переводчик должен ориентировался на принятые современные правила: известные имена передавать согласно сложившейся традиции, все остальные – с помощью межъязыковой транскрипции.

Общим фоном, на котором выступают термины, служит письменная литературная норма, причем без оттенка канцелярского стиля. Собственно, энциклопедический текст и был когда-то важнейшим распространителем современной литературной нормы; теперь он потеснен средствами массовой информации, однако остается авторитетным ее образцом.

В основном текст энциклопедической статьи лишен эмоционально-оценочной окраски. Однако необходимость сформулировать общепринятые оценки явления, процесса, персоналии (мы уже отмечали, что это – важная часть коммуникативного задания) влечет за собой средства, типичные для оформления **эмоциональной информации**. Это, прежде всего, оценочная лексика литературного письменного языка (*«неоценимый вклад», «вопиющее нарушение», «наиболее значимый»*), а также разнообразные инверсии, актуализирующие оценочную часть предложения (*«Наиболее выдающимся, однако, был вклад К. в развитие космических исследований»* – инверсия с выдвижением оценочных слов на первое место в предложении). Но в реальности к этому типу **установочно-оценочной** эмоциональной информации может добавляться еще один – идеологизирующий. Общественный порядок, господствующий в данный момент в стране, может наложить свой отпечаток на оценочную часть энциклопедической статьи. Это неудивительно: энциклопедия – книга, имеющая массового читателя, и способна воздействовать на умы, вернее, на массовое сознание, подобно СМИ. Достаточно вспомнить, какой специфический оттенок на тексты энциклопедий, выпускавшихся в ГДР и СССР, наложил коммунистический режим. Переводчик не должен пропускать этот оттенок, и придется найти эквивалентные средства для его

передачи, а если потребуется, и нейтрализующие средства для его снятия.

Итак, доминантами перевода энциклопедической статьи являются средства, обеспечивающие как сжатую, максимально компрессированную передачу когнитивной информации, так и передачу в рамках письменной литературной нормы установочно-оценочной эмоциональной информации. Передачу когнитивной информации обеспечивают: термины; нейтральный фон письменной литературной нормы; пассивные конструкции; неопределенно-личные и безличные структуры; сокращения (в том числе контекстуальные, для которых в каждом языке имеются свои правила); неполные структуры с пропуском уже упоминавшегося компонента; небольшой объем предложений и простота синтаксиса; сочетание в одном тексте глагольных форм абсолютного настоящего и прошедшего времен. Эмоциональная информация оформляется с помощью эмоционально-оценочной лексики, инверсий, иногда эпитетов, метафор и сравнений. Основные единицы перевода – слово и словосочетание, однако для перевода имен собственных в качестве единицы перевода выступает фонема; виды соответствий – однозначные эквиваленты (для перевода терминов и имен собственных), вариантные соответствия и трансформации (для перевода всего остального состава текста).

Перевод деловых документов и юридических текстов, публицистики.

Выбрав в качестве особого типа текста **деловое письмо**, мы имели в виду любые его разновидности: запрос, предложение, рекламацию, напоминание и др.

Мы намеренно исключили из круга рассматриваемых текстов личное письмо, которое формально принадлежит к тому же речевому жанру - эпистолярному и имеет как общие черты с деловым письмом, так и существенные отличия. Личное письмо редко является предметом перевода (исключение составляет перевод личных писем знаменитых людей), и при необходимости выявление особенностей его перевода можно осуществить по нам уже известной схеме анализа.

Итак, перевод делового письма. Для переводчика профессионала - одна из самых простых задач. Но сколько несусветных ошибок допускают новички! Надеемся, что характеристика делового письма, приведенная ниже, поможет их предупредить.

Коммуникативное задание текста делового письма – наладить и поддержать контакт и сообщить актуальную информацию. Контакт осуществляется через конкретных людей, но это не контакт индивидуальностей, а контакт представителей фирм, организаций или самостоятельных представителей свободных профессий. Этих людей связывает какое-либо дело. Значит, и источник, и реципиент – деловые партнеры. И отношения свои они строят по строгим правилам делового партнерства. Несмотря на то, что в деловой переписке важнейшую роль играет когнитивная информация, мы отойдем от нашей обычной схемы и обсудим другой тип информации, содержащейся в деловом письме, – эмоциональный. Ведь она содержится в тех

первых словах, с которых начинается основной текст письма, и, кроме того, именно ее передача составляет трудность для начинающего переводчика.

Текст делового письма, как и текст всякого письма, открывается ритуальной формулой приветствия. Это именно формула, поэтому нет никакого смысла переводить ее пословно. В каждом языке для разновидностей формул приветствия имеются готовые соответствия, в нашем случае это только те формулы, которые относятся к этикету официального общения (например, в русском: *«Глубокоуважаемый господин...!»*, *«Уважаемая г-жа ...!»*, *«Дорогие коллеги!»*). Последний из примеров (обращение *«Дорогой ...!»*) имеет некоторый оттенок свободы и необязательности отношений и в сугубо официальной переписке не применяется. К именному обращению может добавляться титул или должность. В переводе они должны быть обязательно переданы. Немало сложностей возникает при передаче с европейских языков на русский слова «коллеги», поскольку в европейских языках оно в последнее время расширило свою сочетаемость и применяется по отношению к представителям любых профессий и общественных групп (коллегами могут быть и сантехники, и христианские демократы, и футболисты). В русском же языке обращение «коллеги» сохранило свой традиционный ареал применения по отношению к ученым, врачам, юристам, некоторым другим профессиональным группам. Поэтому в ряде случаев это обращение при переводе на русский язык заменяется другим: *«Уважаемые сотрудники!»*, *«Дорогие друзья!»* и т. п. – в зависимости от ситуативного контекста. Иначе не исключено, что обращение приобретет комический оттенок.

Какая эмоциональная информация содержится в обращении? Очень важная. Хотя на первый взгляд может показаться, что применение чисто формальных приветственных оборотов не служит передаче чувств от источника к реципиенту. Чтобы разобраться в этом, задумаемся над тем, какие эмоции могут возникать при контакте людей вообще. Разумеется, самые разные, но существует два полюса возникающих эмоций: агрессивный и доброжелательный. Агрессивные эмоции направлены на разрыв контакта, доброжелательные – на его развитие и закрепление. В ходе истории коммуникации человек выработал языковые средства, способствующие стабилизации контакта, его развитию и закреплению. Эти средства – формулы вежливости. Именно формулы, своего рода сигналы, маркеры доброжелательных эмоций. В каком бы состоянии человек ни находился (расстроенном, раздраженном, злобном), употребив формулы вежливости, он просигналил партнеру о том, что он хорошо к нему относится, уважает его лично и его деятельность. Таким образом, формулы вежливости закладывают фундамент стабильных положительных эмоций, пусть стандартных - но зато фундамент этот надежный.

Для тех же целей служат формулы вежливости, включаемые в основной текст письма (*«не считите за труд»*, *«убедительная просьба»*, *«очень просим»* и т. д.), а также формулы прощания (*«С уважением...»*, *«Всего доброго...»*, *«Всего самого наилучшего...»*). Напомним еще раз, что из

многочисленных формул вежливости, входящих в арсенал общенационального языка и применяемых человеком в жизни, переводчику делового письма пригодятся только формулы официально-делового этикета, примеры которых мы и старались приводить. Неуместны формулы просторечно-разговорного стиля, например: *«Привет!»*, *«Здравствуй, милый!»*, *«Пока!»*, *«Бывай!»*, *«Счастливо!»*, *«Слушай, а ты..»*. и т. д.

Точно такой же эффект стилистического несоответствия (переходящий в комический) вызовут формулы высокого стиля: *«Достопочтенный!..»*, *«Дражайший!..»*, *«Засим остаюсь Ваш покорный слуга...»* и т. д.

Следует отметить, что в современной деловой переписке все чаще стали встречаться письма, где отсутствует формула приветствия и названо только имя адресата и предмет письма. Это характерно для ситуации переписки, когда с адресатом уже налажен устойчивый контакт.

Формулы вежливости создают позитивное эмоциональное обрамление когнитивной информации, содержащейся в письме, и от того, насколько точно переводчик их воспроизвел, зависит правильность ракурса, под которым подается эта когнитивная информация. Безобъективность обеспечена средствами, которые мы уже не раз обсуждали. Это термины, номинативность стиля (преобладание существительных), общий фон письменной литературной нормы с редкими включениями компонентов устной литературной нормы. Официально-деловой вариант письменной литературной нормы включает большое число застывших оборотов речи, не имеющих, однако, статуса фразеологизмов, поскольку они не являются общеязыковыми, так называемых клише (*«заранее благодарны»*, *«пользуясь случаем»*, *«в дополнение к нашему предложению»*). Плотность информации повышена за счет передачи количественных данных цифрами и общеязыковых сокращений (контекстуальные сокращения в деловом письме не приняты!). Пассивные конструкции в деловом письме встречаются в разделах, близких к научному стилю: в технологических описаниях, при обсуждении правовых норм. Основной же текст пишется от имени фирмы в форме 1-го лица множественного числа (*«мы»*), либо – реже – от 1-го лица единственного числа, но тогда принадлежность к фирме в тексте формулируется (*«Я как представитель производственного совета предприятия...»*). Эмоционально окрашенная лексика и эмоциональный синтаксис отсутствуют. Мнения и суждения выражаются с помощью лексики с оценочной семантикой в рамках литературной нормы (*«крайне нежелательно»*, *«весьма благоприятное впечатление»* и т. п.).

К доминантам перевода текста делового письма относятся языковые средства, обеспечивающие конструктивный контакт и передачу объективной информации. Это формулы вежливости в рамках официально-делового стиля; термины; общий фон нейтральной письменной литературной нормы; цифры, сокращения; имена собственные; титулы, звания, должности; обращение от 1-го л. мн. ч.; лексика с оценочной семантикой в рамках письменной литературной

нормы. Единицы перевода: фонема (при переводе имен собственных); слово (при переводе терминов, титулов, званий и должностей); словосочетание (при переводе клишированных оборотов официально-делового стиля); предложение (при переводе формул контакта). Используемые виды соответствий: однозначные, не зависящие от контекста эквиваленты (термины, обозначения титулов, званий и должностей, имена собственные); вариантные соответствия (лексика в рамках письменной литературной нормы); трансформации (формулы контакта, некоторые синтаксические структуры письменной литературной нормы).

Юридический текст имеет черты сходства как с научным текстом, так и с текстом инструкции, поскольку выполняет и познавательные, и предписывающие функции. Такое коммуникативное задание имеют законы, включая Основной закон (Конституцию), а также все подзаконные акты. Они регулируют отношения людей в обществе в рамках одной страны. К этому же типу текстов относятся конвенции международного права, но их специфику мы здесь рассматривать не будем, т. к. предметом перевода они являются крайне редко.

Источником юридических текстов являются профессионалы-юристы, которые порождают эти тексты, учитывая особенности устройства общества. Но какими бы ни были законы по содержанию, по своим типологическим признакам они как тексты достаточно однородны. Комплекс средств, который для них характерен, обеспечивает полноценную передачу информации реципиенту.

А реципиентом в данном случае является любой взрослый гражданин страны, ведь для него закон – это руководство к действию. Однако гражданину страны для понимания (толкования) любого закона, за исключением, может быть, Конституции, требуется помощь специалиста.

Рассмотрим значимые для перевода особенности юридического текста, опираясь на виды информации, которые в нем содержатся.

Когнитивную информацию несут в первую очередь юридические термины. Они обладают всеми характерными признаками терминов (однозначность, отсутствие эмоциональной окраски, независимость от контекста), но некоторая доля их (например, в русском: *«референдум»*, *«частная собственность»*, *«потерпевший»*, *«правонарушение»* и др.) известна не только специалистам-юристам, но и всякому носителю языка, так как область их применения выходит за рамки юридического текста.

Объективность подачи информации обеспечивается преобладанием абсолютного настоящего времени глагола и пассивными конструкциями, а ее всеобщий характер – преобладающей семантикой подлежащего, где, наряду с существительными юридической тематики, чрезвычайно распространены существительные и местоимения с обобщающей семантикой (*«каждый»*, *«никто»*, *«все граждане»*).

Предписывающий характер информации передается с помощью глагольных структур со

значением модальности необходимости и модальности возможности («не могут», «должен осуществляться» и т. п.). Юридические термины выступают на общем фоне письменной нейтральной литературной нормы языка в ее канцелярской разновидности.

Синтаксис юридического текста отличается полнотой структур, разнообразием средств, оформляющих логические связи. Частотны логические структуры со значением условия и причины, причем эти значения эксплицированы специальными языковыми средствами («в случае, если», «по причине» и т. п.). Необходимость полно и однозначно выразить каждое положение, избегая двусмысленных толкований, приводит к обилию однородных членов предложения и однородных придаточных.

Компрессивность юридическому тексту не свойственна. Для него не характерны сокращения, скобки, цифровые обозначения. Числительные, как правило, передаются словами. Не используются также указательные и личные местоимения и другие средства вторичной номинации, которые в научном тексте выполняют функцию средств формальной регрессивной когезии и увеличивают плотность информации. Преобладает тавтологическая когезия, то есть повторение в каждой следующей фразе одного и того же существительного.

Некоторые юридические термины имеют архаичную окраску, и их использование в тексте создает колорит высокого стиля («отрешение от должности», «жилище неприкосновенно» и пр.). Этот эмоциональный оттенок юридического текста связан с его высоким статусом в обществе и отражает отношение к нему людей. Благодаря лексике высокого стиля эта эмоциональная информация передается реципиенту. Особенно отчетливо возвышенная окраска ощущается в преамбуле Основного закона (ср. преамбулы Американской Декларации Независимости, Основного закона Германии и Конституции Российской Федерации), где высокий стиль передается также с помощью синтаксических и графических средств (расположение текста на странице).

Итак, при переводе юридического текста доминирующими системными признаками являются те, которые передают когнитивную информацию с интенцией предписания и эмоциональный оттенок высокого стиля, а именно:

1) юридические термины, часть которых имеет архаичную окраску, – передаются с помощью однозначных эквивалентов; единицы перевода – слово и словосочетание;

2) абсолютное настоящее как доминирующая временная форма глагола – передается функционально эквивалентными средствами; единица перевода – морфема;

3) пассивные конструкции – передаются грамматическими эквивалентными соответствиями, некоторые из которых сопровождаются синтаксическими трансформациями;

4) обобщающая семантика подлежащего – передается с помощью вариантных соответствий; единица перевода – слово;

5) фон нейтральной письменной литературной нормы в ее канцелярской разновидности передается комплексом лексических и синтаксических средств, функционально соответствующих средствам подлинника (равноправные вариантные соответствия, трансформации); единицы перевода – слово и словосочетание;

6) полнота и разнообразие синтаксических структур, типов логических связей, преобладание структур со значением условия и причины, обилие однородных членов предложения и однородных придаточных – системная частотность этих средств воспроизводится в переводе; при этом все правила формальной логики при построении структур должны быть соблюдены;

7) отсутствие компрессивности, наличие тавтологической когезии – сохраняется в переводе;

8) наличие не только лексических средств оформления высокого стиля, но и синтаксических и графических – степень этой окраски воспроизводится в переводе с помощью эквивалентных и вариантных соответствий, а если эти соответствия невозможны, то с помощью позиционной компенсации.

Основная цель **публицистического текста** (глобального газетно-журнального) – сообщить новые сведения. Разновидностей таких текстов много: краткие информационные сообщения (заметки), тематические статьи, объявления, интервью. Другим распространенным видом газетно-журнального текста является эссе, где основную роль играют не сами сведения, а суждения о них и форма их подачи.

То обстоятельство, что перечисленные тексты являются частью глобального текста газеты или журнала, представляется нам важным для определения стратегии их перевода: ведь в этом глобальном тексте есть свой единый стиль, своя идеология, своя тематическая направленность. Этим глобально-текстовым признакам не подчинены в составе журнала (газеты) разве что рекламные вставки (а это означает, что перевод рекламы из этого журнала, если нам его закажут, мы можем осуществлять без учета этих признаков). Правда, в некоторых специальных журналах встречается реклама, прямо или косвенно связанная с глобальным текстом (например, реклама образовательных учреждений в журнале, посвященном иностранным языкам; молодежная реклама в журнале для подростков).

При определении доминант перевода, прежде всего, попытаемся выявить источник газетно-журнального информационного текста. Формальное авторство такого текста часто указано. Вместе с тем мы привыкли к тому, что краткие информационные сообщения публикуются без указания конкретного автора. В чем же дело? Может быть, авторство не важно? При проведении стилистического анализа разных информационных текстов выясняется, что тексты, написанные разными авторами, не имеют никаких черт индивидуального авторского стиля. Характерные черты стиля этих текстов подчиняются законам речевого жанра газетно-журнальной публицистики. Автор (если он назван) представляет позицию редакции, которая может совпадать

с позицией, например, какой-либо политической партии или же быть достаточно независимой.

Реципиенты газетно-журнального текста – широкие массы населения, хотя некоторые издания имеют более узкую возрастную, сословную или тематическую ориентацию. Широта читательской аудитории порождает необходимость доступности текста, и комплекс языковых средств, используемых в нем, за два с половиной века существования этого жанра выстроился таким образом, что в современном воплощении идеально выполняет свою задачу. Ведущим признаком газетно-журнального текста является клишированность средств языкового выражения, а основным средством – устойчивая (в рамках данного речевого жанра!) сочетаемость. При этом в термин «клише» мы не вкладываем никакого негативно-оценочного смысла. Имеется в виду именно промежуточный статус оборотов речи – между свободной сочетаемостью и фразеологической связанностью: *«демографический взрыв»*, *«мрачные прогнозы»*, *«нельзя переоценить»*, *«кризис доверия»*. Из таких еще не устойчивых в общеязыковом смысле, но очень привычных читателю блоков, как из детского конструктора, складывается газетно-информационный текст. Такие клише организованы, как правило, по принципу метафоры, но их образность уже отчасти стерлась, она стала привычной, и каждый образ такого рода служит для читателя своеобразным сигналом, создающим общий фон повышенной эмоциональности восприятия, однако этот фон не выступает на первый план и не мешает воспринимать когнитивную информацию. Подавляющее большинство клише содержит простую оценочную коннотацию по шкале «хорошо»/«плохо», например: *«безудержная гонка вооружений»* (плохо); *«мастер своего дела»* (хорошо); и то, что читатель находит в тексте комбинацию заранее известных оценок, облегчает понимание суммарной оценки события, которую дает корреспондент. О какой же оценке идет речь, если главная задача газетно-журнального текста – сообщить новые сведения? Дело в том, что эти сведения лишь на первый взгляд могут показаться объективно поданными, в реальности же они подаются под определенным углом зрения, читателю навязывается определенная позиция. Не случайно газеты и журналы часто использовались как мощное средство идеологического давления. В любом информационном сообщении, даже спортивном, можно уловить, на чьей стороне автор. В газетно-журнальном тексте, безусловно, содержится совершенно объективная когнитивная информация.

Выражена она независимыми от контекста языковыми средствами: это цифровые данные, имена собственные, названия фирм, организаций и учреждений. Однако их выбор (упоминание одних данных и неупоминание других), их место в тексте, порядок их следования (например, порядок следования имен политических деятелей) уже обнаруживают определенную позицию. Ни на выбор данных, ни на их место в тексте переводчик повлиять не может, да ему и в голову не придет вмешиваться в построение текста. А вот достоверность передачи остальных средств оформления позиции автора – целиком в руках переводчика.

Не все средства эмоционального воздействия, несущие эмоциональную информацию, лежат в этом тексте на поверхности. Несомненно, встречаются здесь и слова с оценочной семантикой («чудовищное преступление»), и синтаксические структуры, актуализирующие оценку, – в таких случаях переводчик не ошибется, подбирая нужные вариантные соответствия. Но часто прямая оценка отсутствует. В газетно-журнальном тексте довольно отчетливо выступает основной стилистический фон – фон письменной литературной нормы языка с некоторыми чертами ее устного варианта. Традиционно доля разговорной лексики и устных синтаксических структур в массовой периодике в разных странах (а значит, и на разных языках) различна. Более академичны и близки к письменной литературной норме немецкий и русский газетно-журнальные стили, значительно более свободны английский и особенно американский.

Специфику газетно-журнального варианта письменной литературной нормы, помимо некоторых отступлений в сторону устного варианта, составляют прежде всего уже упомянутые клише и фразеологизмы. Их перевод – особая проблема, ведь передача их пословно, как правило, невозможна, поскольку они представляют собой единый образ, а значит, их следует рассматривать как единое семантическое целое; а замена их словами в прямом значении также нежелательна – исчезнет атмосфера привычных читателю образов и заранее заданных оценок, и читатель может потерять к тексту всякий интерес.

Таким образом, часть коммуникативного задания – навязывание определенной позиции – не будет выполнена. Как же передавать клише и фразеологизмы? Техника передачи «настоящих» фразеологизмов – идиом, пословиц и поговорок – давно разработана. Переводчик рассматривает их как семантическое единство и пытается отыскать в языке перевода аналогичный фразеологизм, желательно – с той же степенью семантической связанности. Это означает, что, предположим, идиоме, где образность затемнена («бить баклуши»), он пытается подобрать в переводе эквивалент тоже с затемненной формой. Если такого эквивалента в языке перевода не существует, он идет на то, чтобы понизить степень семантической спаянности, и заменяет идиому на фразеологическое единство, где образность сохраняется (если представить себе, что идиома «бить баклуши» в языке перевода отсутствует, то ее семантику мы сможем передать фразеологическим единством «маяться дурью»). При переводе фразеологизмов в современном газетно-журнальном тексте от переводчика требуется предельное внимание, потому что существует такой феномен, как деформация и контаминация фразеологии. Самый простой вариант деформации – неполнота состава. «С кем поведешься...» – так называется одна из статей на политическую тему; подразумевается пословица «С кем поведешься, от того и наберешься». В таком случае при переводе, после того, как эквивалент найден, переводчику необходимо воспроизвести принцип неполноты, то есть, проще говоря, оборвать пословицу в тексте перевода, но так, чтобы сохранилась семантика подлинника.

Контаминация, то есть переплетение двух фразеологизмов, вроде: «*Не плюй в колодец, вылетит – не поймаешь*» (контаминация двух пословиц: «*Не плюй в колодец – пригодится воды напиться*» и «*Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*») требует от переводчика опять-таки воспроизведения приема. Когда эквиваленты найдены, их придется переплести» Это всего лишь два примера, на деле вариантов изменения состава фразеологизмов значительно больше, и задача переводчика - заметить изменение и постараться отразить его в переводе.

Значительно сложнее обстоит дело с передачей клише, поскольку многие из них не зафиксированы в словаре. Именно словосочетания с этой, клишированной, сочетаемостью А. Фалалеев (Монтерей) предлагает ввести в активный запас устного переводчика. Примерно то же самое приходится советовать переводчику письменного текста. В данном случае нет необходимости заучивать эти обороты на слух, но надо натренировать себя на то, чтобы легко опознавать их в тексте оригинала и представлять себе, что именно в данном контексте обычно используют в языке перевода. Без этого опыта хорошего владения текстовой спецификой в равной мере, как на языке оригинала, так и на языке перевода никогда не догадаться, что русское «*закулисные сделки*» и немецкое «*Kuhhandel*» (буквально «торговля коровами») – это одно и то же.

Еще более замысловатую проблему представляет высокая аллюзивность газетно-журнального текста. Выражается она в том, что журналисты используют в качестве готовых «блоков», о которых говорилось выше, скрытое или явное цитирование хорошо знакомых всем читателям фрагментов текста из известных кинофильмов, мультфильмов, популярных песен, звуковой и письменной рекламы – короче говоря, опираются на широкий вербальный контекст всех источников массовой информации. Вывод один: переводчик обязан стремиться как можно лучше знать этот контекст. Тогда хотя бы часть скрытых цитат он расшифрует и постарается воспроизвести или прокомментировать их в переводе. Здесь, однако, мы сталкиваемся со сложной ситуацией, о которой много спорят теоретики и практики: а надо ли передавать эту аллюзивность, если читатель перевода все равно не владеет широким контекстом СМИ? По нашему убеждению, расшифрованная переводчиком глубина содержания текста, его аллюзивный подтекст, имеет право быть переданным, более того, у переводчика как раз нет права лишать читателя этой глубины, но прямой цитаты, предположим, из сериала, будет, пожалуй, недостаточно. Восполнить недостающий контекст поможет внутренний комментарий в переводе, что-нибудь вроде: «*Чем дольше зреет, тем слаще будет, как гласит одна популярная в Германии реклама срочных банковских вкладов*», где скрытой цитатой является текст рекламы «*Die besten Früchte reifen am längsten*» (буквально: «*Лучшие плоды созревают дольше всех*»). Впрочем, как уже отмечалось, это вопрос спорный. Не исключено, что переводчик изберет более академический вариант комментирования – сноски.

Помимо фразеологизмов, клише и скрытых цитат, эмоциональная информация в газетно-

журнальном тексте передается с помощью широкой палитры синтаксических средств. Во-первых, это длина и сложность предложения. Короткие фразы позволяют резко увеличить динамику повествования, а контраст коротких простых и длинных сложных предложений позволяет выделить необходимое. Как правило, выделяется таким образом оценка, заключенная в короткой фразе. Во-вторых, это инверсия, позволяющая выделить в предложении главное. Изредка для усиления эмоциональности используется также парцелляция, то есть отделение части предложения и оформление его как отдельного.

Особую роль в газетно-информационном тексте играют так называемые модные слова. Это могут быть слова иностранного происхождения, только входящие в язык (такие, как в современном русском языке «*маргинальный*», «*офис*» и мн. др.), или старые слова, но неожиданно расширившие диапазон сочетаемости (как в русском слово «стилистика»: «*стилистика мебели*», «*стилистика автомобиля*» и т. д.). В любом случае это слова, частотность употребления которых сегодня высока. Модные слова повышают доверие читателя к тексту (этим же средством активно пользуется реклама), подчеркивают актуальность информации. Однако если они не имеют международной популярности, то при переводе на другой язык не будут производить впечатление модных. Что же делать переводчику? Как передать это функционально важное средство? Пожалуй, здесь мыслима только лексическая компенсация, то есть введение в текст перевода модных слов языка перевода, точнее, замена при переводе нейтральных с точки зрения «модности» слов - на модные, то есть перенесение функционального параметра модности на другую лексему.

Вернемся к примеру на контаминацию двух пословиц «*Не плюй в колодец, вылетит – не поймаешь*». Здесь проявилась еще одна значимая черта газетно-журнального текста - наличие иронии, которая помогает расставить акценты в выражении автором оценки. Ирония - скрытый комизм, который строится, как известно, на сопоставлении несопоставимого (семантически, стилистически и т. п.). В газетно-журнальном тексте она часто базируется, например, на использовании лексики высокого стиля в нейтральном или близком к разговорному контексте. Так или иначе, переводчику придется для передачи этого средства попытаться воспроизвести принцип контраста, то есть найти среди вариантных соответствий такие, которые контрастируют по тому же принципу.

Говоря о **газетно-журнальном** тексте, мы исключили из нашего рассмотрения интервью и объявления. Некоторые особенности интервью уже обсуждались в главе об устном переводе. Прочие его особенности (клише, фразеология, модные слова), важные для перевода, рассмотрены в этом разделе. Объявления же, характерной чертой которых, наряду с другими, является компрессивность, мы решили вообще не затрагивать, так как они крайне редко являются объектом перевода.

Доминантами перевода газетно-журнального информационного текста являются средства, отражающие его коммуникативное задание, сообщить новые сведения, навязав их определенную оценку. Еще раз кратко перечислим эти средства и ресурсы их передачи:

1. Числовые данные, имена собственные, названия фирм, учреждений и организаций передаются однозначными эквивалентами; единица перевода – слово или словосочетание.
2. Клише и фразеологизмы – перевод вариантными соответствиями; единицы перевода – словосочетание или предложение.
3. Скрытые цитаты – перевод с помощью вариантных соответствий или трансформаций, с комментированием (внутренним или внешним).
4. Модные слова – перевод с помощью лексической компенсации.

5. Контраст коротких и длинных предложений, контраст предложений по сложности, переводим с помощью функционально подобных структур, с использованием трансформаций.

6. Ирония – передается по принципу сохранения контраста функционально подобных средств. Единицы перевода – слово, словосочетание, предложение. Встречаются все виды соответствий.

Художественный текст как синтез всех текстовых жанров письменного перевода

Проблемам перевода художественного текста посвящено больше всего книг. Познакомившись с ними, можно сделать вывод: проблем при переводе художественной литературы возникает столько и они так непредсказуемы и сложны, что лучше в них и не вникать, а переводить как бог на душу положит, очень при этом стараясь и проникаясь духом подлинника. Что ж, это неплохой путь. На интуитивном уровне можно случайно попасть в унисон и создать удачный перевод. А можно и не создать. О переводчике художественной литературы чаще, чем о переводчике нехудожественных текстов, говорят, что он «взялся не за свой текст». В этом суждении есть доля правды. Бывает, что при всем своем опыте и понимании текста у переводчика к автору, что называется, не лежит душа. И тогда, при всем умении передать сложные нюансы стилистики автора, переводчик не сольет их в прекрасную гармонию... Но гораздо чаще встречаются халтура и невежество. Элементарное неумение обращаться с художественным текстом, нежелание вникнуть в азы подхода к нему, подкрепить вдохновение «холодным расчетом». Короче говоря, чаще встречается непрофессионализм.

Наше описание переводческих проблем художественного текста не претендует на полноту. Оно ставит своей целью наметить азбуку приемов обращения переводчика с художественным текстом, определить базовую стратегию подхода к нему, за которой все равно последует череда проб и ошибок, удач и неудач, но фатальных провалов все-таки уже не случится. Хочется, чтобы создалась ситуация, похожая на обучение вождению автомобиля: ты сдаешь экзамен на водительские права, но ведь это не значит, что ты научился водить машину. Нет, ты только

познакомился с необходимыми азами вождения, а настоящее умение придет потом, не скоро.

Предварительный анализ художественного текста мы попробуем провести по той же схеме, что и анализ предыдущих нехудожественных текстов, и постараемся ответить на те же вопросы.

Итак, для чего нам нужны художественные тексты? Может быть, это излишество? Извращение? Ведь никаким практическим задачам они не служат. Но мы читаем их, мы тянемся к ним, а некоторые люди и дня без них прожить не могут. Более того, все остальные тексты живут недолго, у них короткий век: научная статья живет несколько десятилетий, инструкция – несколько лет, деловое письмо – несколько дней. Художественные тексты живут веками. И люди постоянно возвращаются к ним. Возвращаются к Шекспиру, написавшему свои трагедии и сонеты четыреста лет назад, возвращаются к Гомеру, создавшему «Илиаду» и «Одиссею» тридцать веков назад. Почему? А потому, что чтение текстов может быть удовольствием, изысканным наслаждением, доступным только человеку. И человек не устает себе это наслаждение доставлять.

Оказывается, художественная литература – это тексты, специализированные на передаче эстетической информации. Средства ее оформления многообразны, и мы вернемся к ним позже. А теперь попытаемся определить, есть ли в этих текстах, и в каком виде, другие типы информации.

Во-первых, есть ли в них когнитивная информация, то есть объективные сведения об окружающем мире? В художественных текстах встречаются личные имена, но это имена вымышленные, как и многие даты; реальны обычно топонимы названия стран, городов, – но это далеко не обязательно, а в научно-фантастическом романе они, как правило, выдуманные. Правда, встречаются в художественном тексте документальные цитаты из других текстов, но их документальность иногда мнимая. Встречаются достоверные описания конкретных географических мест, но эту достоверность еще нужно проверить: не исключено, что автор что-то добавил от себя. Итак, когнитивная информация в художественном тексте существует на заднем плане, и она не вполне достоверна. Автор использует ее в своих художественных целях, иными словами – она подчинена эстетической информации.

В тех же целях используется и эмоциональная информация, вернее, средства ее оформления. Они получают в художественном тексте эстетические функции. Встречается, например, яркая разговорно-просторечная лексика, но вложена она в уста героя повести – вымышленного лица. Риторические вопросы обращены к читателю от имени автора-повествователя, то есть также включены в единую художественную систему произведения.

Теперь пора уточнить наши представления об источнике и реципиенте. Источником в данном случае, безусловно, является автор текста, причем не как представитель какой-либо группы людей или профессиональной среды, а автор лично, автор как индивидуум, и организует он свой текст, ориентируясь на свою авторскую индивидуальность, некоторыми ограничителями которой служат традиции литературного жанра (басня, сонет, драма требуют соблюдения

определенного канона). Но самое примечательное заключается в том, что автор пишет текст не только в расчете на читателя, но и для себя – ему необходим этот текст как средство самовыражения. А реципиентом, казалось бы, может быть любой человек. Да, в нашем жизненном обиходе мы все так считаем. И даже заботимся о том, чтобы «приобщить» к художественным произведениям всех и каждого. Но оказывается, что в художественном произведении, формально доступном всем, каждый читатель «вычитывает» свое, люди не сходятся во мнениях, они берут из этого текста разный набор информации! Многослойность и разнообразие эстетической информации это позволяет. Что возьмет читатель из текста, зависит от самого читателя, от его читательской индивидуальности. Таким образом, в схеме источник-реципиент происходит передача информации от одной индивидуальности (автор) к другой индивидуальности (читатель).

Пора вернуться к средствам оформления эстетической информации. Нам не удастся перечислить и прокомментировать все. Тем более что перечень их бесконечен – авторы неустанно изобретают все новые средства; Поэтому мы обратимся лишь к некоторым, частотным, и тут же постараемся оценить возможности их перевода, хорошо понимая, что при таком обилии языковых средств конфликт формы и содержания неизбежен – отсюда частое применение приема компенсации и неминуемый эффект нейтрализации некоторых значимых доминант перевода. Заранее, не имея в виду конкретный текст, мы все средства оформления эстетической информации можем считать доминантами перевода, но в реальности часть из них будет представлена в переводе в ослабленном виде либо ограниченным числом компонентов. Так, может уменьшиться количество компонентов лексического повтора или при передаче метафоры не удастся сохранить специфику образа.

Средства оформления эстетической информации в художественном тексте (рекомендации для переводчика):

– эпитеты – передаются с учетом их структурных и семантических особенностей (простые и сложные прилагательные; степень соблюдения нормативного семантического согласования с определяемым словом; наличие метафоры, метонимии, синестезии), с учетом степени индивидуализированности (устойчивый эпитет фольклора, традиционный эпитет-поэтизм, традиционный эпитет данного литературного направления, сугубо авторский), с учетом позиции по отношению к определяемому слову и ее функции;

– сравнения – передаются с учетом структурных особенностей (нераспространенное, распространенное, развернутое), стилистической окраски входящей в него лексики (высокая, поэтическая, просторечная);

– метафоры – передаются с учетом структурных характеристик (какой частью речи выражена, одно- или двухчастная, распространенная, метафорический контекст), с учетом семантических отношений между образным и предметным планом (конкретное – абстрактное,

одушевленное – неодушевленное и т. п.), с учетом степени индивидуализированности;

– авторские неологизмы – передаются по существующей в языке перевода словообразовательной модели, аналогичной той, которую использовал автор, с сохранением семантики компонентов слова и стилистической окраски;

– повторы фонетические, морфемные, лексические, синтаксические, лейтмотивные – передаются по возможности с сохранением количества компонентов повтора и самого принципа повтора на данном языковом уровне;

– игра слов, основанная на многозначности слова или оживлении его внутренней формы, – в редких случаях совпадения объема многозначности обыгрываемого слова в оригинале и переводе сохраняется и смысл, и принцип игры; в остальных случаях игра не передается, но может быть компенсирована обыгрыванием другого по значению слова, которое вводится в тот же текст;

– ирония – для ее воспроизведения в переводе передается прежде всего сам принцип контрастного столкновения, сопоставления несопоставимого (нарушение семантической и грамматической сочетаемости, столкновение лексики с разной стилистической окраской, эффект неожиданности, построенный на сбоях синтаксической структуры и т. п.);

– «говорящие» имена и топонимы – передаются с сохранением семантики «говорящего» имени и типичной для языка оригинала словообразовательной модели, экзотичной для языка перевода;

– синтаксическая специфика текста оригинала – наличие контраста коротких и длинных предложений, ритм прозы, преобладание сочинительной связи, наличие/отсутствие причастных оборотов в стиле данного автора и т. п. – передается с помощью грамматических соответствий;

– диалектизмы – которые, как правило, компенсируются просторечной лексикой; жаргонизмы, арготизмы, ругательства – передаются с помощью лексики языка перевода с той же стилистической окраской.

Все переводческие решения при переводе художественного текста принимаются с учетом узкого контекста и широкого контекста всего произведения. Это касается выбора вариантных соответствий и трансформаций. Случаи внеконтекстуального перевода с помощью однозначных эквивалентов редки и касаются лексики основного словарного фонда (названия животных, растений и т.п.), а также реально существующих топонимов и названий фирм и организаций.

Поскольку художественный текст, созданный в определенное время, живет затем долго и хранит черты определенной эпохи; поскольку он всегда так или иначе связан с литературной средой и ее канонами; поскольку он несет на себе отпечаток творческой индивидуальности, – переводчику художественного текста приходится всегда сталкиваться с тремя основными проблемами: передача временной дистанции текста, передача черт литературного направления,

передача индивидуального стиля автора. Им и посвящены следующие разделы.

Когда-то переводчики спорили о том, надо ли передавать архаичные черты текста, или читатель должен чувствовать себя современником автора, и язык произведения в переводе должен быть модернизирован. Сейчас споры, кажется, прекратились. Современная техника перевода модернизации текста не признает, основываясь на простой логике равенства впечатлений: восприятие произведения современным читателем подлинника должно быть аналогично восприятию произведения современным читателем, перевода. Ведь мы не берем на себя смелость модернизировать подлинник, чтобы читатель ощутил себя современником, скажем, Гомера? Значит, и перевод должен нести на себе отпечаток тех далеких времен. Однако отпечаток не означает полного тождества. Речь не идет о филологически достоверной копии языка перевода на тот момент времени, когда был написан оригинал. Иначе текст перевода наполнится избыточной информацией о состоянии языка оригинала в то давнее время. Современный перевод дает читателю информацию о том, что текст не современен, и с помощью особых приемов старается показать, насколько он древен. В создании временного колорита участвуют и содержание произведения, и его форма. Структуры содержания переводчик не касается, а вот форма целиком в его власти.

Свидетельством древности текста могут служить те доминанты перевода, которые мы уже называли. Специфика синтаксических структур, особенности тропов, характер повторов – все это имеет конкретную привязку к эпохе. Но названные особенности передают время лишь опосредованно, ведь в первую очередь они связаны с особенностями литературных традиций того времени, с литературным направлением и жанровой принадлежностью. Напрямую же время отражено не в фигурах стиля, а в языковых исторических особенностях текста: лексических, морфологических и синтаксических архаизмах. Ими и пользуются переводчики, чтобы создать архаичную стилизацию. Стилизация – это не полное уподобление языка перевода языку прошедшей эпохи, а лишь маркировка текста с помощью архаизмов.

Первое обязательное условие создания временной дистанции – отсутствие в лексике перевода модернизмов – слов, которые не могли употребляться в то время, когда создавался подлинник. Далее «густота» архаизации зависит от времени создания подлинника. Для стилизации языка XIX века достаточно при переводе всякий раз стараться избирать наиболее устаревшее из возможных вариантных соответствий: *«миновал»*, а не *«прошел»*; *«превосходный»*, а не *«отличный»*; *«неведение»*, а не *«незнание»*. К устаревшим явлениям в области синтаксиса, типичным для XIX века, относятся, в первую очередь, инверсии, представляющие собой незначительные отклонения от современного узуса (*«Так изволь его в Питер отправить через три дня»* – современный вариант был бы: *«Так изволь отправить его в Питер через три дня»*, или: *«Все сидели уже за столом»* по сравнению с современным *«Все уже сидели за столом»*).

Колорит XVIII века может быть передан теми архаизмами, которые в XIX веке уже мало употреблялись в прозе, но вошли в число поэтизмов: «сия», «далече», «длань», «оньй». Синтаксические инверсии более заметны: это постпозиция прилагательного («поучения отеческие», «языка греческого»), конечная позиция модального слова в предложении («Посему легко рассудить можно») и др. Проблема увеличения дистанции может быть решена путем увеличения числа архаизмов в тексте.

Для прошлых времен характерна принадлежность автора к определенному литературному направлению: сентиментализму, романтизму, натурализму, реализму, импрессионизму, экспрессионизму и т. п. И хотя в проявлении этих черт наблюдаются авторские, индивидуальные особенности, все же специфика литературного направления заметна отчетливо. Связана она с идеологией литературного направления, особенностями художественного восприятия, которое в те или иные периоды развития литературы свойственно целой группе авторов. Так, для периода романтизма характерно широкое использование персонифицирующих метафор, цветовая символика, синестезия, ритм прозы, звукопись в прозе, смешение средств высокого стиля с архаичным просторечием фольклора, игра слов, особый устойчивый фонд лексики – «романтический словарь». Для выявления этих особенностей переводчику необходимо подробно ознакомиться с данным литературным направлением по научным источникам, почитать произведения других авторов – представителей того же литературного направления. Доминанты перевода, отражающие специфику литературного направления, воспроизводятся вариантными соответствиями, с использованием языковых ресурсов, которые имеются в соответствующей художественной литературе на языке перевода.

При переводе художественного текста эта задача – самая сложная. Ведь индивидуальность автора проявляется и в том, как автор интерпретирует типичные черты литературного направления, какие средства для этого выбирает; и в том, в какой мере он придерживается литературной нормы языка; и в том, какие сугубо авторские черты характерны для его творчества. Расцвет авторской индивидуальности по отношению к художественному тексту произошел в XX веке, когда ее яркая специфика заслонила собой принадлежность к определенной литературной группировке. Для выявления этой индивидуальной специфики необходим полный стилистический анализ подлинника, включающий не только определение значимых черт стиля, но и характеристику их частотности. Тогда станет ясно, что, например, в прозе автора А, преобладают распространенные предложения с сочинительной связью между компонентами, их частотность достигает 90 процентов, следовательно, при переводе замена сочинительной связи подчинительной исказит авторский стиль. А автор Б. широко использует контраст канцелярских оборотов речи и высокого стиля, создавая комический эффект. Тогда любая нейтрализация высокой лексики, замена ее при переводе на нейтральную уничтожит прием иронического

контраста. Таким образом, предварительный анализ поможет избежать неверных решений.

О роли так называемых параллельных текстов в обучении письменному переводу мы уже говорили. Знакомство с текстами инструкций на языке перевода поможет осилить перевод инструкции с иностранного языка – это касается любого нехудожественного текста. Существует даже очень старинная методика обучения иностранному языку через параллельные тексты – правда, переводные (кладешь текст на французском языке рядом с его готовым переводом и познаешь язык);

В художественной литературе параллельных текстов не существует – ведь каждое произведение уникально и по содержанию, и по форме. Зато может отыскаться аналог – конкретное произведение или авторский стиль, имеющий черты сходства с тем произведением и тем авторским стилем, который предстоит одолеть переводчику; Это тот случай, когда сложный алгоритм языковых средств одного автора аналогичен алгоритму средств другого. Именно по этим признакам стиль Флобера близок стилю Тургенева, стиль Хемингуэя – стилю Ремарка. Обычно аналоговая близость бывает связана с близостью художественного видения автора, с принадлежностью к одному литературному направлению, близкие по духу писатели часто принадлежат к одному поколению. Аналоговый текст может дать переводчику образец гармоничного синтеза выявленных в ходе анализа стилистических средств, формирующих стиль автора. Вот почему всегда стоит попытаться найти его, прежде чем приступать к переводу.

Вопросы для самопроверки

1. Перечислите основные типы письменных текстов для перевода.
2. Какие Вы знаете виды информации? Назовите определение каждого из них. Насколько тот или иной вид информации присутствует в каждом из типов письменных текстов для перевода?
3. Дайте сравнительную характеристику научного и научно-популярного типов текста.
4. Что такое адаптация текстов по возрастному принципу, где она применяется и зачем?
5. Расскажите, что такое компрессия, где она применяется и зачем.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. **Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.

4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) /

А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.

23. Чужакин А. П. Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.

24. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.

25. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Мигولاتьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Мигولاتьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozentel/index.html>

ТЕМА 6
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

ПЛАН

1. Классификация переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову.
 1. 1. Транскрипция и транслитерация.
 1. 2. Калькирование.
 1. 3. Конкретизация, генерализация, модуляция.
 1. 4. Синтаксическое уподобление.
 1. 5. Членение и объединение предложений.
 1. 6. Грамматические замены.
 1. 7. Антонимический перевод.
 1. 8. Экспликация (описательный перевод) и компенсация.
2. Л. К. Латышев о причинах, мере и типах переводческих трансформаций.
 2. 1. Основные требования к тексту перевода.
 2. 2. Причины переводческих трансформаций.
 2. 3. Мера переводческих трансформаций.
 2. 4. Типы переводческих трансформаций.
 2. 5. «Специфические» переводческие трансформации.
 2. 6. Переводческие трансформации как инструмент оптимального переводческого решения.
 2. 7. «Ключевые слова» как отправные точки переводческих трансформаций.
3. Виды трансформаций Т. А. Казаковой.
 3. 1. Лексические приемы перевода.
 3. 2. Грамматические приемы перевода.
 3. 3. Стилистические приемы перевода.
4. Сравнительная характеристика различных классификаций переводческих трансформаций.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Ознакомьтесь с материалами лекции, ответьте на вопросы для самопроверки, данные в конце темы.

Классификация переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову

Преобразования, с помощью которых можно осуществить переход от единиц оригинала к единицам перевода в указанном смысле, называются *переводческими (межъязыковыми) трансформациями*. Поскольку переводческие трансформации осуществляются с языковыми единицами, имеющими как план содержания, так и план выражения, они носят формально-

семантический характер, преобразуя как форму, так и значение исходных единиц.

В рамках описания процесса перевода переводческие трансформации рассматриваются не в статическом плане как средство анализа отношений между единицами ИЯ и их словарными соответствиями, а в плане динамическом – как способы перевода, которые может использовать переводчик при переводе различных оригиналов в тех случаях, когда словарное соответствие отсутствует или не может быть использовано по условиям контекста. В зависимости от характера единиц ИЯ, которые рассматриваются как исходные в операции преобразования, переводческие трансформации подразделяются на лексические и грамматические. Кроме того, существуют также комплексные лексико-грамматические трансформации, где преобразования либо затрагивают одновременно лексические и грамматические единицы оригинала, либо являются межуровневыми, т. е. осуществляют переход от лексических единиц к грамматическим и наоборот.

Основные типы лексических трансформаций, применяемых в процессе перевода с участием различных ИЯ и ПЯ, включают следующие переводческие приемы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию). К наиболее распространенным грамматическим трансформациям принадлежат: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения). К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация.

Транскрипция и транслитерация

Транскрипция и транслитерация – это способы перевода лексической единицы оригинала путем воссоздания ее формы с помощью букв ПЯ. При транскрипции воспроизводится звуковая форма иноязычного слова, а при транслитерации – его графическая форма (буквенный состав). Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации. Поскольку фонетические и графические системы языков значительно отличаются друг от друга, передача формы слова ИЯ на языке перевода всегда несколько условна и приближительна. Вилен Наумович приводит примеры англо-русского перевода, которыми мы будем пользоваться в этом разделе: «*absurdist*» – «*абсурдист*» (автор произведения абсурда), «*kleptocracy*» – «*клентократия*» (воровская элита), «*skateboarding*» – «*скейтбординг*» (катание на роликовой доске).

Для каждой пары языков разрабатываются правила передачи звукового состава слова ИЯ, указываются случаи сохранения элементов транслитерации и традиционные исключения из правил, принятых в настоящее время. В англо-русских переводах наиболее часто встречающиеся при транскрибировании элементы транслитерации заключаются, в основном, в транслитерации некоторых непроизносимых согласных и редуцированных гласных («*Dorset*» ['*dasit*] – «*Дорсет*»,

«Campbell» [ˈkæmpəbəl] – «Кэмпбелл»), передаче двойных согласных между гласными и в конце слов после гласных («Bonners Ferry» – «Боннерс Ферри», «boss» – «босс»). Кроме того, в сохранении некоторых особенностей орфографии слова, позволяющих приблизить звучание слова в переводе к уже известным образцам («Hercules missile» – «ракета «Геркулес»», «deescalation» – «деэскалация», «Columbia» – «Колумбия»). Традиционные исключения касаются, главным образом, освященных обычаем переводов имен исторических личностей и некоторых географических названий («Charles I» – «Карл I», «William III» – «Вильгельм III», «Edinburgh» – «Эдинбург»).

Калькирование

Калькирование – это способ перевода лексической единицы оригинала путем замены ее составных частей – морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) их лексическими соответствиями в ПЯ. Сущность калькирования заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной лексической единицы. Именно так поступает переводчик, переводя «superpower» как «сверхдержава», «mass culture» как «массовая культура», «green revolution» как «зеленая революция». В ряде случаев использование приема калькирования сопровождается изменением порядка следования калькируемых элементов: «firststrike weapon» – «оружие первого удара», «landbased missile» – «ракета наземного базирования», «Rapid Deployment Force» – «силы быстрого развертывания». Нередко в процессе перевода транскрипция и калькирование используются одновременно: «transnational» – «транснациональный», «petrodollar» – «нефтьдоллар», «miniskirt» – «мини-юбка».

Конкретизация, генерализация, модуляция

Конкретизация, генерализация и модуляция объединяются общим названием: лексико-семантические замены.

Лексико-семантические замены – это способ перевода лексических единиц оригинала путем использования в переводе единиц ПЯ, значение которых не совпадает со значениями исходных единиц, но может быть выведено из них с помощью определенного типа логических преобразований. Основными видами подобных замен являются конкретизация, генерализация и модуляция (смысловое развитие) значения исходной единицы.

Конкретизацией называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ – входящее в нее видовое понятие:

«Dinny waited in a corridor which smelled of disinfectant». – «Динни ждала в коридоре, пропахшем карболкой». «He was at the ceremony». – «Он присутствовал на церемонии».

В ряде случаев применение конкретизации связано с тем, что в ПЯ отсутствует слово со столь широким значением. Так, английское существительное *«thing»* имеет очень абстрактное значение (*«an entity of any kind»*) и на русский язык всегда переводится путем конкретизации: *«вещь, предмет, дело, факт, случай, существо»* и т. д.

Иногда родовое название на языке перевода не может быть использовано из-за расхождения коннотативных компонентов значения. Так, английское *«meal»* широко применяется в различных стилях речи, а русское *«прием пищи»* не употребительно за пределами специальной лексики. Поэтому, как правило, при переводе *«meal»* заменяется более конкретным *«завтрак, обед, ужин»* и др.:

«At seven o'clock an excellent meal was served in the dining-room».

«В семь часов в столовой был подан отличный обед».

Понятно, что выбор более конкретного наименования всецело определяется контекстом и в других условиях в семь часов (вечера) мог быть подан и ужин.

Конкретизация часто применяется и тогда, когда в ПЯ есть слово со столь же широким значением и соответствующей коннотацией, поскольку такие слова могут обладать разной степенью употребительности в ИЯ и ПЯ.

Выше уже отмечалась большая употребительность в английском языке слов с широким значением. При переводе таких слов конкретизация является весьма распространенным способом перевода. В романе Ч. Диккенса *«Давид Копперфилд»* следующим образом описывается поведение матери героя, испуганной внезапным появлением грозной мисс Бетси:

«My mother had left her chair in her agitation, and gone behind it in the corner».

Английские глаголы с общим значением *«to leave»* и *«to go»* не могут быть переведены здесь с помощью соответствующих русских глаголов *«покинуть»* и *«пойти»*. Неприемлемость перевода *«Матушка оставила свое кресло и пошла за него в угол»* не вызывает сомнений, русский язык не описывает такую конкретную эмоциональную ситуацию подобным образом. Лучшим способом обеспечить эквивалентность русского перевода является конкретизация указанных глаголов:

«Взволнованная матушка вскочила со своего кресла и забилась в угол позади него».

Аналогичным способом следует перевести и другое предложение из того же романа:

«My old dear bedroom was changed, and I was to lie a long way off».

Приехав домой после долгого отсутствия, мальчик видит, что все в доме изменилось и стало ему чуждым. Использование прямых соответствий сделало бы перевод этого английского предложения малопонятным. Почему кто-то должен *«лежать вдали от спальни»*? Контекст показывает, что *«лежать»* означает здесь *«спать»*, а *«вдали»* указывает всего лишь другую часть дома. Именно так и должно быть сказано по-русски:

«Моей милой старой спальни уже не было, и я должен был спать в другом конце дома».

Широко распространена конкретизация английских глаголов «говорения» *«to say»* и *«to tell»*, которые могут переводиться на русский язык не только как «говорить» или «сказать», но и более конкретными «промолвить, повторить, заметить, утверждать, сообщать, просить, возразить, велеть» и т. п.:

«“So what?” I said».

«- Ну и что? – спросил я».

«He told me I should always obey my father».

«Он посоветовал мне всегда слушаться моего отца».

«The boss told me to come at once».

«Хозяин велел мне прийти сейчас же».

Генерализацией называется замена единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением, т.е. преобразование, обратное конкретизации. Создаваемое соответствие выражает родовое понятие, включающее исходное видовое:

«He visits me practically every week-end».

«Он ездит ко мне почти каждую неделю».

Использование слова с более общим значением избавляет переводчика от необходимости уточнять, субботу или воскресенье имеет в виду автор, говоря о «уик-энде».

Иногда конкретное наименование какого-либо предмета ничего не говорит Рецептору перевода или нерелевантно в условиях данного контекста:

«Jane used to drive to market with her mother in their La Salle convertible».

«Джейн ездила со своей матерью на рынок в их машине».

«He showed us his old beat-up Navajo blanket».

«Он нам показал свое потрепанное индейское одеяло».

Более общее обозначение может быть предпочтительным и по стилистическим причинам. В художественных произведениях на русском языке не принято с пунктуальной точностью указывать рост и вес персонажей, если это не связано со спортивными соображениями, и сочетание а *«young man of 6 feet 2 inches»* в английском оригинале будет заменено в русском переводе на *«молодой человек высокого роста»*.

Порой переводчик имеет возможность выбирать между более конкретным и более общим вариантом перевода и оказывает предпочтение последнему:

«Then this girl gets killed, because she's always speeding». – *«А потом эта девушка гибнет, потому что она вечно нарушает правила».* (Ср. более «технический» вариант: *«она вечно превышает скорость»*).

«“Who won the game?” I said. “It's only the half.” – “А кто выиграл?” – спрашиваю. – “Еще»

не кончилось”». (Ср. «более спортивное»: «*Это же только первый тайм*»).

Методом генерализации могут создаваться и регулярные соответствия единицам ИЯ: «*foot*» – «нога», «*wrist watch*» – «наручные часы» и т.д.

Модуляцией или смысловым развитием называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Наиболее часто значения соотнесенных слов в оригинале и переводе оказываются при этом связанными причинно-следственными отношениями: «*I don't blame them*». – «Я их понимаю». (Причина заменена следствием: я их не виню потому, что я их понимаю). «*He's dead now*». – «Он умер». (Он умер, стало быть, он сейчас мертв.) «*He always made you say everything twice*». – «Он всегда переспрашивал». (Вы были вынуждены повторять сказанное, потому что он вас переспрашивал).

При использовании метода модуляции причинно-следственные отношения часто имеют более широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями всегда сохраняется:

«*Manson slung his bag up and climbed into the battered gig behind a tall, angular black horse*».

«Мэнсон поставил свой чемодан и влез в расхлябанную двуколку, запряженную крупной костлявой черной лошастью».

Контекстуальная замена здесь явно необходима, особенно при переводе сочетания «*behind a horse*», поскольку по-русски нельзя сказать: «Он сел в телегу позади лошади». Перевод «*slung his bag up*» через «поставил свой чемодан», «*behind a horse*» через «запряженную лошастью» и «*angular*» через «костлявая» осуществлен с помощью модуляции. Хотя, на самом деле, довольно трудно с точностью определить, какова связь между соответствующими понятиями в оригинале и переводе.

В следующем примере эта связь более явная, но и здесь это скорее не «потому что», а «поскольку, постольку»:

«*He would cheer up somehow, begin to laugh again and draw skeletons all over his slate, before his eyes were dry*».

«Он снова прибодрялся, начинал смеяться и рисовал на своей грифельной доске разные фигурки, хотя глаза его еще были полны слез».

Синтаксическое уподобление

Синтаксическое уподобление (дословный перевод) – это способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется в аналогичную структуру ПЯ. Этот тип «нулевой» трансформации применяется в тех случаях, когда в ИЯ и ПЯ существуют параллельные синтаксические структуры. Синтаксическое уподобление может приводить к полному соответствию количества языковых единиц и порядка их расположения в оригинале и переводе: «*I always remember his words*». – «Я всегда помню его слова». Как правило, однако, применение синтаксического уподобления сопровождается некоторыми изменениями структурных

компонентов. При переводе с английского языка на русский, например, могут опускаться артикли, глаголы-связки, иные служебные элементы, а также происходить изменения морфологических форм и некоторых лексических единиц:

«One of the greatest events in the period following World War I and the Russian Revolution, and closely connected with them both was the growth of the world Communist movement».

«Одним из важнейших событий периода, последовавшего за первой мировой войной и социалистической революцией в России, событием, тесно связанным с войной и революцией, был рост коммунистического движения во всем мире».

При переводе этого предложения опущены артикли, опущены или добавлены некоторые предлоги, изменены морфологические формы слов, использованы некоторые слова, не имеющие прямого соответствия в английском тексте. Переводчик повторил слово «событие», добавил слово «социалистическая», заменил словосочетание «с ними обеими» более благозвучным «с войной и революцией». Все эти изменения не затрагивают основной структуры предложения, которая передана с помощью аналогичной русской структуры, сохраняя одинаковый набор членов предложения и последовательность их расположения в тексте. Синтаксическое уподобление широко используется в англо-русских переводах. Изменение структуры предложения при переводе объясняется, как правило, невозможностью обеспечить эквивалентность перевода путем дословного перевода.

Членение и объединение предложений

Членение предложения – это способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры ПЯ. Трансформация членения приводит либо к преобразованию простого предложения ИЯ в сложное предложение ПЯ, либо к преобразованию простого или сложного предложения ИЯ в два или более самостоятельных предложения в ПЯ:

«The annual surveys of the Labour Government were not discussed with the workers at any stage, but only with the employers».

«Ежегодные обзоры лейбористского правительства не обсуждались среди рабочих ни на каком этапе. Они обсуждались только с предпринимателями».

«Both engine crews leaped to safety from a collision between a parcels train and a freight train near Morris Cowley, Oxfordshire».

«Вблизи станции Морис Коули в графстве Оксфордшир произошло столкновение почтового и товарного поездов. Члены обеих поездных бригад остались невредимы, спрыгнув на ходу с поезда».

В первом примере выделение последней части английского высказывания в отдельное предложение в переводе позволяет четко выразить имеющееся в оригинале противопоставление.

Во втором примере трансформация членения дала возможность передать значение трудного для перевода английского сочетания *«leaped to safety»* и обеспечить более естественную для русского языка последовательность описания событий (сначала произошло столкновение, а потом удалось спастись членам бригады).

«A claim for a substantial wage increase and improved conditions for about 70,000 municipal busmen in the provinces was yesterday referred to a joint wages committee of the unions and employers which will meet on January 12».

«Около 70.000 водителей автобусов, находящихся в ведении провинциальных муниципалитетов, потребовали значительного увеличения заработной платы и улучшения условий труда.

Вчера это требование было передано в совместную комиссию по вопросам заработной платы, в которой представлены как профсоюзы, так и предприниматели. Комиссия будет рассматривать это требование на своем заседании 12-го января».

Нам уже известно, что для английских газетно-информационных сообщений характерно стремление вместить в рамки одного предложения как можно больше информации путем усложнения его структуры. Для стиля русской прессы более характерно стремление к относительной краткости предложений, содержащих информационные материалы.

Объединение предложений – это способ перевода, при котором синтаксическая структура в оригинале преобразуется путем соединения двух простых предложений в одно сложное. Эта трансформация – обратная по сравнению с предыдущей:

«That was a long time ago. It seemed like fifty years ago».

«Это было давно – казалось, что прошло лет пятьдесят».

«The only thing that worried me was our front door. It creaks like a bastard».

«Одно меня беспокоило – наша парадная дверь скрипит как оголтелая».

Нередко применение трансформации объединения связано с перераспределением предикативных синтагм между соседними предложениями, т.е. происходит одновременное использование объединения и членения – одно предложение разбивается на две части, и одна из его частей объединяется с другим предложением:

«But occasionally an indiscretion takes place, such as that of Mr. Woodrow Wyatt, Labour MP, when Financial Secretary to the War Office. He boasted of the prowess of British spies in obtaining information regarding armed forces of the USSR».

«Однако по временам допускается нескромность. Так, например, лейборист, член парламента Вудро Уайтт в бытность свою финансовым секретарем военного министерства хвастался ловкостью, проявленной английскими шпионами в деле получения сведений о вооруженных силах СССР».

Грамматические замены

Грамматические замены – это способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением. Замене может подвергаться грамматическая единица ИЯ любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа. Понятно, что при переводе всегда происходит замена форм ИЯ на формы ПЯ. Грамматическая замена как особый способ перевода подразумевает не просто употребление в переводе форм ПЯ, а отказ от использования форм ИЯ, аналогичных исходным, замену таких форм на иные, отличающиеся от них по выражаемому содержанию (грамматическому значению). Так, в английском и русском языке существуют формы единственного и множественного числа, и, как правило, соотнесенные существительные в оригинале и в переводе употреблены в том же самом числе, за исключением случаев, когда форме единственного числа в английском соответствует форма множественного числа в русском («*money*» – «*деньги*», «*ink*» – «*чернила*» и т.п.), или, наоборот, английскому множественному соответствует русское единственное («*struggles*» – «*борьба*», «*outskirts*» – «*окраина*» и т.п.). Но в определенных условиях замена формы числа в процессе перевода может применяться как средство создания окказионального соответствия:

«*We are searching for talent everywhere*».

«*Мы повсюду ищем таланты*».

«*The invaders resorted to violence and atrocity to crush the resistance of the native population*».

«*Захватчики прибегли к насилию и зверствам, чтобы подавить сопротивление коренного населения*».

«*They left the room with their heads held high*».

«*Они вышли из комнаты с высоко поднятой головой*». Весьма распространенным видом грамматической замены в процессе перевода является замена части речи. Для англо-русских переводов наиболее характерны замены существительного глаголом и прилагательного существительным. В английском языке имена деятелей широко употребляются не только для обозначения лиц определенной профессии (ср. русские имена «*писатель*, «*художник*, «*певец*, «*танцор*» и др.), но и для характеристики действий «непрофессионалов». Значения таких существительных регулярно передаются в переводе с помощью русских глаголов:

«*He is a poor swimmer*». – «*Он плохо плавает*». «*She is no good as a letter-writer*». – «*Она не умеет писать письма*». «*I am a very rapid packer*». – «*Я очень быстро укладываюсь*».

Как видно из примеров, замена существительного глаголом часто сопровождается заменой прилагательного при этом существительном на русское наречие. Глаголом часто заменяются и отглагольные существительные другого типа:

«*It is our hope, that an agreement will be reached by Friday*». – «*Мы надеемся, что к пятнице*

будет достигнуто соглашение».

Английские прилагательные, заменяемые русскими существительными, наиболее часто образованы от географических названий:

«Australian prosperity was followed by a slump». За экономическим процветанием Австралии последовал кризис».

Ср. также *«the British Government»* – «правительство Великобритании», *«the American decision»* – «решение США», *«the Congolese Embassy»* – «посольство Конго» и пр. Нередко также подобная замена применяется в отношении английских прилагательных в сравнительной степени со значением увеличения или уменьшения объема, размера или степени:

«The stoppage which is in support of higher pay and shorter working hours, began on Monday».

«Забастовка в поддержку требований о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня началась в понедельник».

Замена членов предложения приводит к перестройке его синтаксической структуры. Такого рода перестройка происходит и в ряде случаев при замене части речи. Например, в приведенных выше примерах замена существительного глаголом сопровождалась заменой определения обстоятельством. Более существенная перестройка синтаксической структуры связана с заменой главных членов предложения, особенно подлежащего. В англо-русских переводах использование подобных замен в значительной степени обусловлено тем, что в английском языке чаще, чем в русском, подлежащее выполняет иные функции, нежели обозначения субъекта действия, например:

– объекта действия (подлежащее заменяется дополнением):

«Visitors are requested to leave their coats in the cloak-room». – «Посетителей просят оставлять верхнюю одежду в гардеробе».

– обозначения времени (подлежащее заменяется обстоятельством времени):

«The last week saw an intensification of diplomatic activity». – «На прошлой неделе наблюдалась активизация дипломатической деятельности».

– обозначения пространства (подлежащее заменяется обстоятельством места):

«The little town of Clay Cross today witnessed a massive demonstration». – «Сегодня в небольшом городке Клей-Кросс состоялась массовая демонстрация».

– обозначения причины (подлежащее заменяется обстоятельством причины):

«The crash killed 20 people». «В результате катастрофы погибло 20 человек».

Замена типа предложения приводит к синтаксической перестройке, сходной с преобразованиями при использовании трансформации членения или объединения. В процессе перевода сложное предложение может заменяться простым («*It was so dark that I could not see her».* – «Я ее не мог видеть в такой темноте»); главное предложение может заменяться

придаточным и наоборот («*While I was eating my eggs, these two nuns with suitcases came in*». – «Я ел яичницу, когда вошли эти две монахини с чемоданами»); сложноподчиненное предложение может заменяться сложносочиненным и наоборот («*I didn't sleep too long, because I think it was only around ten o'clock when I woke up. I felt pretty hungry as soon as I had a cigarette*». – «Спал я недолго, было часов десять, когда я проснулся. Выкурил сигарету и сразу почувствовал, как я проголодался»); сложное предложение с союзной связью может заменяться предложением с бессоюзным способом связи и наоборот («*It was as hot as hell and the windows were all steamy*». – «Жара была адская, все окна запотели» – «*Had the decision been taken in time, this would never have happened*». – «Если бы решение было принято своевременно, это никогда бы не произошло»).

Антонимический перевод

Антонимический перевод – это лексико-грамматическая трансформация, при которой замена утвердительной формы в оригинале на отрицательную форму в переводе или, наоборот, отрицательной на утвердительную сопровождается заменой лексической единицы ИЯ на единицу ПЯ с противоположным значением:

«*Nothing changed in my home town*».

«*Все осталось прежним в моем родном городе*».

В англо-русских переводах эта трансформация применяется особенно часто, когда в оригинале отрицательная форма употреблена со словом, имеющим отрицательный префикс:

«*She is not unworthy of your attention*».

«*Она вполне заслуживает вашего внимания*».

Сюда относится и употребление отрицательной формы с отрицательными союзами «*until*» и «*unless*»:

«*The United States did not enter the war until April 1917*».

«*Соединенные Штаты вступили в войну только в апреле 1917 г*».

«*Additional expenditures shall not be made unless authorized*».

«*Дополнительные расходы должны производиться лишь с особого разрешения*».

В рамках антонимического перевода единица ИЯ может заменяться не только прямо противоположной единицей ПЯ, но и другими словами и сочетаниями, выражающими противоположную мысль:

«*The railroad unions excluded negroes from their membership*».

«*Профсоюзы железнодорожников не принимали в свои ряды негров*».

Следует учитывать, что отрицание может выражаться и другими средствами, например, при помощи союза «*without*»:

«*He never came home without bringing something for the kids*».

«*Приходя домой, он всегда приносил что-нибудь детям*».

Применение антонимического перевода нередко сочетается с использованием иных трансформаций (лексических или грамматических):

«Their house had no screen doors».

«Двери у них были сплошные».

Замена отрицательной формы на утвердительную сопровождается модуляцией значения сочетания «screen doors».)

«The people are not slow in learning the truth».

«Люди быстро узнают правду».

Антонимический перевод сопровождается заменой части речи – прилагательного на наречие.)

Экспликация (описательный перевод) и компенсация

Экспликация или *описательный перевод* – это лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ. С помощью экспликации можно передать значение любого безэквивалентного слова в оригинале: «*conservationist*» – «*сторонник охраны окружающей среды*», «*whistle-stop speech*» – «*выступления кандидата в ходе предвыборной агитационной поездки*». Недостатком описательного перевода является его громоздкость и многословность. Поэтому наиболее успешно этот способ перевода применяется в тех случаях, где можно обойтись сравнительно кратким объяснением:

«Car owners from the midway towns ran a shuttle service for parents visiting the children injured in the accident».

«Владельцы автомашин из городов, лежащих между этими двумя пунктами, непрерывно привозили и отвозили родителей, которые навещали своих детей, пострадавших во время крушения».

Компенсация – это способ перевода, при котором элементы смысла, утраченные при переводе единицы ИЯ в оригинале, передаются в тексте перевода каким-либо другим средством, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале. Таким образом, восполняется («компенсируется») утраченный смысл, и, в целом, содержание оригинала воспроизводится с большей полнотой. При этом нередко грамматические средства оригинала заменяются лексическими и наоборот. Героиня романа У. Теккерея «Ярмарка тщеславия» следующим образом описывает невежество своего хозяина, сэра Питта Кроули:

«“Serve him right,” said Sir Pitt; “him and his family has been cheating me on that farm these hundred and fifty years” ... Sir Pitt might have said, he and Ms family to be sure; but rich baronets do not need to be careful about grammar as poor governesses must be».

Неправильное употребление формы местоимения третьего лица в оригинале играет важную

коммуникативную роль и должно быть как-то отражено в переводе. Но попытка воспроизвести такую неправильность в русском языке явно невозможна. В то же время утраченный элемент смысла может быть успешно компенсирован, если нелитературная речь сэра Питта будет воспроизведена с помощью иных (лексических) средств русского языка:

«“Он со своей семейкой облапошивал меня на этой ферме целых полтора года!”... Сэр Питт мог бы, конечно, выразиться поделикатнее, но богатым баронетам не приходится особенно стесняться в выражениях, не то что нам, бедным гувернанткам».

Особенно часто к компенсации приходится прибегать для возмещения утраченных стилистических и образных аспектов содержания оригинала:

«All kinds of “Russian experts” specialists in slander of the Soviet Union before World War II were taken out of cold storage by their diplomatic masters».

«Вновь были вынуты из дипломатических сундуков всякого рода пронафталиненные “знатки России”, изоцрявшиеся в клевете на Советский Союз еще до второй мировой войны».

Утрата английского образа «cold storage» компенсирована в переводе метафорическим «дипломатический сундук» и ироническим «пронафталиненные знатоки». Некоторые особенности английского просторечия нельзя передать на русский язык никакими иными средствами, кроме компенсации, например, добавление или опущение гласных или согласных звуков, отсутствие согласования между подлежащим и сказуемым («I was», «you was» и пр.) или какое-либо иное нарушение грамматических правил. В других случаях для решения задачи придется использовать единицы ПЯ, не имеющие соответствий в оригинале:

«You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said “he don't” and “she don't” and stuff like that.

«Было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили “хочут” и “хочете” и все в таком роде».

Во всех случаях в языке перевода подыскивается какое-либо средство, передающее утраченный элемент содержания оригинала.

Л. К. Латышев о причинах, мере и типах переводческих трансформаций

Основные требования к тексту перевода

Очевидно, что текст перевода неизбежно должен хотя бы чем-то отличаться от исходного текста, хотя бы в силу различий двух языков. Из этого следует, что важнейшей практической проблемой для переводчика является вопрос о том, в чем текст перевода должен совпадать и исходным текстом, и в чем может не совпадать.

Известно, что предметы и явления можно сопоставлять на самых разных основаниях. Так, например, автомобили можно сравнивать по их конструкциям, предназначению, скорости, экономичности и, наконец, цвету.

Важнейшими параметрами для сопоставления текстов вообще и текстов оригиналов и переводов в особенности являются их структура, семантика (содержание) и потенциал воздействия. Покажем взаимодействие этих свойств текста на примерах, где какие-то из них совпадают, а какие-то нет:

«У экспедиции кончилось продовольствие».

«Экспедиция израсходовала продовольствие».

«Тот, кто не освоил технику речи, не может стать хорошим актером».

«Не освоив технику речи, нельзя стать хорошим актером».

«Без освоения техники речи нельзя стать хорошим актером».

«Чтобы стать хорошим актером, надо освоить технику речи, без этого стать хорошим актером нельзя».

В этих фразах с одинаковой семантикой разная структура.

«Мой знакомый очень хороший человек».

«Мой знакомый очень плохой человек».

В этих высказываниях с аналогичной структурой разная семантика.

Так точно и тексты могут отличаться друг от друга также и производимым коммуникативным эффектом (реакциями, вызываемыми у адресатов). Так, один и тот же возглас *«Вода!»* являет собой в двух разных ситуациях два разных текста на том основании, что в каждой ситуации он производит «свой» (отличный от другого) коммуникативный эффект: у путешественников в безводной пустыне он вызовет радость, для рабочих рудника, работающих под землей – это сигнал тревоги.

Все приведенные примеры демонстрируют нам, что (по крайней мере в каких-то случаях) структура, семантика и производимый текстом коммуникативный эффект могут быть (в известной мере) независимы друг от друга. Однако будет неверным преувеличивать степень этой независимости.

Очевидно, что она достаточно относительна.

Из всего сказанного выше, что перевод как процесс должен обеспечивать, прежде всего, эквивалентность реакций адресата, получающего перевод, и адресата, получающего оригинал, с достаточной очевидностью следует, что исходный и переводной тексты должны быть в первую очередь равноценны по своей способности вызывать реакции у своих адресатов. Эту способность мы впредь будем именовать *регулятивным воздействием*, так как, воздействуя на адресата, текст определенным образом регулирует (изменяет) его мыслительную деятельность, его эмоции, его поведение.

Выше мы уже (вскользь) говорили о том, что эквивалентность реакций адресатов ИТ и адресатов ПТ следует понимать, не как совпадение реакций двух конкретных людей, а как

совпадение двух классов реакций. Что это означает?

Если мы сопоставим веер всех возможных индивидуальных реакций на ИТ и такой же веер реакций на ПТ, то совпадут те индивидуальные реакции, где совпадают индивидуально-личностные характеристики адресатов ИТ и ПТ. И, стало быть, совпадут по своему содержанию два класса (набора) реакций: класс реакций на ИТ и класс реакций на ПТ. В этом смысле равноценность регулятивного воздействия ИТ и ПТ означает буквально следующее: ИТ и ПТ дают своим адресатам объективную возможность одинаково отреагировать на сообщение, а будут ли реакции разноязычных адресатов эквивалентными, зависит от степени совпадения их индивидуально-личностных свойств. Сказанное помимо всего прочего означает, что индивидуальная реакция на перевод отнюдь не всегда может считаться показателем успеха или неуспеха переводчика. Переводчик ответственен за неадекватную реакцию только в том случае, если он в переводе исказил регулятивное воздействие оригинала, и, естественно, ни при чем, если отправитель сам ошибся в оценке личностных свойств адресата, и его текст был воспринят не так, как он рассчитывал. Квалифицированную оценку качества перевода может дать только эксперт путем сопоставления исходного и переводного текстов.

Итак, *равноценность регулятивного воздействия ИТ и ПТ* – главный критерий полноценного перевода. Но является ли этот критерий единственным и достаточным для того, чтобы перевод был признан удовлетворительным, соответствующим своему общественному предназначению?

Практика на этот вопрос дает отрицательный ответ: помимо способности вызывать аналогичную реакцию, от текста перевода требуется также определенная степень семантико-структурного подобия исходному тексту. Без этого нельзя было бы отграничить перевод от других видов языкового посредничества. Ведь понятие «равноценность регулятивного воздействия» по своей сути не может быть достаточно строгим и не поддается измерению и фиксации. Возможны ситуации, когда в узком, чисто практическом смысле равноценность регулятивного воздействия может быть достигнута не посредством перевода, а с помощью других способов языкового посредничества.

В качестве примера можно привести следующий случай. Один молодой военный переводчик, работавший в далекой южной стране, однажды оказался в нелегком положении. Ему предстояло переводить советского военного инструктора, который должен был обучить местные кадры работе на советских радиолокаторах. Не было ни словарей, ни справочников, а иностранной радиотехнической терминологии переводчик не знал. Но его спасла находчивость – все кнопки, ручки настройки и т.п. он обозначил номерами: «фишка №1», «фишка №2» и т.д. Используя эти обозначения вместо подлинной терминологии, переводчик выполнил практическую задачу, обеспечив равноценность регулятивного воздействия в мере, позволившей обучаемым усвоить

необходимые умения и навыки.

Однако можно ли считать переводом то, что делал военный переводчик? Очевидно, что нет. Но этот случай наглядно показывает, что неотъемлемым свойством перевода в общепринятом его понимании является также *определенная степень* структурно-семантического подобия ИТ и ПТ. Без этого к переводу можно было бы относить то, что переводом не является.

Итак, вторым условием полноценности перевода является определенная степень семантико-структурного подобия ПТ и ИТ. Какова эта степень?

Дать простой и однозначный ответ на этот вопрос нельзя. Как показывает сопоставление оригиналов и переводов, степень их семантико-структурного подобия может быть весьма различной – от перевода «слово в слово» до переводов, мало похожих на оригинал.

Как мы видим, степень семантико-структурного сходства/несходства ИТ и ПТ в приведенных примерах определяется степенью сходства/несходства устройств немецкого и русского языков. Где-то исходное содержание может быть перевыражено аналогичными лексическими единицами и грамматическими средствами ПЯ, а где-то нет. Поэтому в одних случаях перевод в текстуальном отношении ближе к оригиналу, а в других дальше от него.

Однако семантико-структурные отступления перевода от оригинала объясняются не только этим. В некоторых случаях, когда у переводчика есть объективная возможность «скопировать» исходный текст, он этого не делает.

Л. К. Латышев пользуется примерами из немецко-русских переводов, данные примеры будем приводить и в нашей работе в дальнейшем при рассмотрении классификации лексико-грамматических трансформаций Латышева.

1. *«Die Mutter mußte ihn immer ermahnen, doch vernünftiger zu essen, damit er auch Genuß davon habe».* (W.Bredel. «Die Söhne»).

«Мать постоянно напоминала ему, что надо есть медленней, ведь так он и вкуса еды не почувствует». (В.Бредель. «Сыновья». Перевод И.Горкиной и Р.Розенталь)

2. *Johann bestellte neue Krüge. «Ich merk schon was!» rief Pauline lachend.*

(W.Bredel. «Die Väter»).

«Еще по кружке пива?» – Предложил Иоганн. «У меня уже голова кружится!» – воскликнула, смеясь, Паулина.

(В.Бредель. «Отцы». Перевод И.Горкиной и Р.Розенталь).

В первом примере переводчики передали немецкое прилагательное *vernünftiger* («разумнее») русским прилагательным «медленнее». Налицо явная трансформация семантики. Зачем она понадобилась? В русской речи достаточно часто употребляется словосочетание «разумно питаться». Оно означает: не есть жирного, потреблять больше овощей, меньше мучного, сладкого и т.п. Скорее всего, таким же образом интерпретирует русский читатель и

выражение «есть разумнее». Поэтому в контексте сцены, описываемой в романе «Сыновья», дословно точный перевод вызвал бы у нашего читателя неадекватную реакцию (непонимание, недоумение и т.д.).

Чем обусловлена семантическая трансформация во втором примере? В немецком романе описывается, как молодой рабочий на празднике угощает свою девушку пивом. Та уже почувствовала действие алкоголя и восклицает (если перевести дословно): «*Я уже кое-что (в себе) замечаю*», имея в виду свое состояние. Но по-русски в таких ситуациях так говорить не принято. Поэтому семантически точный перевод вызвал бы у читателя неадекватную реакцию. Соответственно, переводчикам пришлось отказаться от семантически точного перевода и избрать вариант, соответствующий ситуации. Анализ двух рассматриваемых примеров позволяет сделать следующий вывод: в определенных случаях семантически точный и структурно близкий к оригиналу перевод мешает достижению равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ, или, иначе говоря, два критерия адекватного перевода – равноценность регулятивного воздействия ИТ и ПТ и их семантико-структурное подобие могут вступать в противоречие друг с другом. Этот конфликт разрешается с помощью намеренных отступлений от структурного и семантического параллелизма между ИТ и ПТ в пользу их равноценности в плане воздействия. Эти отступления именуется переводческими трансформациями.

Причины переводческих трансформаций

Итак, переводческие трансформации – это средство разрешения противоречия, периодически возникающего между двумя требованиями к переводу: требованием равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ и требованием их семантико-структурного подобия.

В чем причина этого противоречия, постоянно дающего о себе знать в переводе? Дело в том, что реакция человека на текст определяется не только свойствами самого текста (его семантикой и структурой), но и наличием определенных предпосылок, которыми человек должен обладать, чтобы адекватно воспринять и интерпретировать текст. Сюда относятся знание языка, на котором составлен текст, наличие привычек к определенным языковым стандартам и стереотипам и определенных предварительных знаний, без которых нельзя толком понять, о чем идет речь. Этот комплекс предпосылок, без которого невозможна успешная языковая коммуникация, мы будем именовать *коммуникативной компетенцией (КК)*.

Каждая из составляющих КК играет свою роль в процессе восприятия и интерпретации текста. Так, незнание языка общения вообще делает языковую коммуникацию невозможной. Отсутствие у получателя текста необходимой предварительной информации приводит ко всем нам хорошо известной ситуации, когда «слова понятны», но не понятна суть сказанного. Так, в частности, бывает, когда мы становимся невольными свидетелями чужого разговора.

Что касается несоответствия текста привычным речевым стандартам, то оно может вызвать

как положительный, так и отрицательный эффект:

– яркая необычность поэтической речи несет в себе заряд эстетического воздействия («*Не видать конца и края – только синь сосет глаза*». С.Есенин);

– нарочито неправильная речь писателей-юмористов и их персонажей смешит читателя («... *Квартира № 8 тоже, без сомнения, подозрительна по самогону*». М. Зощенко. «*Выглянув в окно, шляпа упала*». А. Чехов).

Там же, где непривычность способа выражения, неправильность речи не является специальным средством выразительности, а результатом неумения, недостаточной коммуникативной компетентности, она становится фактором, препятствующим успешной коммуникации. Если, к примеру, на судебном заседании прокурор вместо юридически-протокольной формулировки «...*гражданин Н., находившийся в состоянии сильного алкогольного опьянения...*» употребит семантически равноценное, но просторечное и поэтому неуместное выражение «...*пьяный в стельку гражданин Н...*», то это тут же переключит внимание слушателей с сути разбираемого дела на личность прокурора – заставит задуматься о странном слуге закона.

Происходящая от некомпетентности «необычность» речи затрудняет ее восприятие, отвлекает внимание от содержания. Из этого можно сделать два общих вывода:

1. Воздействие, оказываемое текстом на адресата, определяется соотношением свойств текста с коммуникативной компетенцией адресата.

2. Для того, чтобы в переводе воспроизвести регулятивное воздействие текста, необходимо, чтобы соотношение свойств переводного текста с коммуникативной компетенцией носителя переводящего языка было бы аналогично (приблизительно равно) соотношению свойств исходного текста с коммуникативной компетенцией носителя исходного языка.

То есть, переводной текст должен быть неравен исходному тексту в той степени, в какой коммуникативная компетенция носителей ПЯ не равна коммуникативной компетенции носителей ИЯ. Это целенаправленно создаваемое переводчиком неравенство двух текстов компенсирует неравенство двух коммуникативных компетенций таким образом, чтобы возникало относительное равенство двух соотношений: КК: ИТ и КК: ПТ, что и обеспечивает эквивалентность регулятивного воздействия двух текстов.

Рассмотрим примеры.

1. «*Dann... versucht er sich an die Gegend zu erinnern und an die Zeit, als er hier ein paarmal mit seinem Käfer durchgefahren ist*». (G.Karau. «*Go oder Doppelspiel im Utergrund*».).

«*Затем... пытается припомнить и те времена, когда он здесь проезжал на своем «жуке» – «фольксвагене» старой модели*». (Г.Карау. «*Двойная игра*».)

2. «*In keinem Falle ergibt die Überprüfung der Zeitdifferenzen zwischen Ein-und Ausreise ein*

Verdachtsmoment. Wer hereingekommen ist, ist auch wieder hinaus. Es ist das übliche Feuer-Wasser-Kohle-Spiel, bei dem man immer zu hören bekommt: Wasser». (G. Karau. Go...).

«Ни в том, ни в другом случае дополнительная проверка разницы между временем въезда и выезда не выявила ничего подозрительного. Кто въехал, тот выехал. Одним словом как при гадании «любит не любит», когда все время выходит «не любит». (Г.Карав. Двойная игра).

3. *«Sie hatte den falschen Weg genommen und mußte zurück». (L. Feuchwanger. Erfolg.).*

«Она ошиблась дорогой, и ей пришлось повернуть назад». (Л.Фейхтвангер. Успех.)

4. *«Er schlägt vor, daß wir uns vertragen wollen». (E.M. Remarque. Im Westen nichts Neues).*

«Он предлагает нам пойти на мировую». (Э.М.Ремарк. «На западном фронте без перемен».)

В первом случае задача переводчика заключается в том, чтобы создать такое неравенство ПТ по отношению к ИТ, которое компенсировало бы незнание русским читателем того, что первые модели машины «фольксваген» за форму своего кузова получили в Германии шутовское название «жук».

Во втором случае компенсирующее неравенство заключается в том, что сравнение описываемой ситуации с абсолютно неизвестной русскому читателю немецкой игрой заменено сравнением с хорошо известной ему русской реалией, которое не хуже немецкого сравнения характеризует ситуацию. Следующий пример демонстрирует необходимость учитывать в переводе языковые традиции, привычку носителей языка к тому, чтобы данное содержание выражалось именно этими словами, а не иначе. Первую часть немецкой фразы, казалось бы, можно было перевести гораздо ближе к исходному тексту: *«Она пошла по неправильному пути...»* или *«Она выбрала неправильную дорогу...»*. Однако так по-русски принято говорить, главным образом, когда речь идет о пути в переносном значении этого слова – жизненном пути, профессиональной карьере и т.д., сравните: *«Он выбрал неверный путь достижения своей цели»*. Поэтому прямое соответствие немецкому выражению в данном контексте звучало бы несколько двусмысленно и, возможно, заставило бы читателя «споткнуться» при восприятии смысла написанного. Именно поэтому переводчик совершенно правомерно избрал стандартное русское выражение, более точно обозначающее ситуацию: *«Она ошиблась дорогой»*.

Аналогичное можно сказать и о переводе последней фразы. Более прямой перевод: *«Он предлагает, чтобы мы терпели друг друга, (ладили, уживались друг с другом)»* звучит не вполне по-русски, и переводчик обоснованно избрал привычные для русского уха средства языкового выражения.

Итак, причинами переводческих трансформаций являются существенные расхождения коммуникативных компетенций носителей ИЯ и носителей ПЯ и необходимость нивелировать («сгладить») их ради достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ.

Переводческие трансформации, несомненно, являются вынужденной необходимостью. Нередко имеется возможность перевести, как говорится, «слово в слово» и ею, конечно же, надо пользоваться.

Мера переводческих трансформаций

Центральное место в тематике переводческих трансформаций занимает вопрос о мере их необходимости и допустимости. Ведь, как и многие другие операции, трансформации могут быть либо недостаточны, либо чрезмерны, либо вообще применены там, где можно было обойтись и без них. О том, что такое явление действительно имеет место в переводе, говорят два популярных переводческих понятия «буквализм» и «вольность».

Буквализмы в тексте перевода – это те его места, которые являются результатом того, что переводчик не произвел необходимую трансформацию и перевел слишком близко к исходному тексту. Поскольку буквализмы – результат несостоявшейся поправки на новую коммуникативную компетенцию, они в той или иной мере затрудняют восприятие ПТ.

Обратимся к примерам:

«Gleich bei seinem ersten Besuch in unserem Hause», – schrieb Max Born, – brachte Einstein seine Geige mit, um Violin-Sonaten zu spielen. Meine Frau, die er nicht kannte, begrüßte er mit Worten: «Ich höre, Sie haben gerade ein Junges gekriegt». (F. Herneck. «Albert Einstein»).

«Уже при первом посещении нашего дома, – писал Макс Борн, – Эйнштейн притащил с собой свою скрипку, чтобы сыграть со мной несколько скрипичных сонат. Мою жену, с которой он не был знаком, он приветствовал словами: «Я слышу, у вас как раз появился младенец!» (Ф.Гернек. «Альберт Эйнштейн»).

Этот буквальный перевод реплики Эйнштейна вызывает представление, что гость, впервые перешагнувший порог дома своего друга, узнает о рождении ребенка только в момент своего прихода («Я слышу..., как раз...»). Даже напрашивается недоуменный вопрос: может быть об этом гость узнал по крику только что родившегося младенца? Основная причина недоумения – буквальный перевод «*Ich höre*» – «я слышу». В контексте высказывания такой перевод противоречит норме русского языка. В отличие от немецкого языка, настоящее время глагола в русском языке не может иметь значения предшествования моменту речи, поэтому при чтении перевода складывается впечатление, что фраза о ребенке произнесена в тот момент, когда произнесший ее узнал о его существовании. Перевести, конечно же, следовало: «*Я слышал...*» и было бы совсем хорошо, если бы вторая часть фразы была переведена в соответствии с тем, как принято у русских говорить в аналогичных ситуациях, например: «*Я слышал, вас можно поздравить с новорожденным*».

Порой буквализмы грубо искажают саму суть высказывания. Сравним:

«Wagen für Appel und Ei einsteigern und Profit teilen». (E. M. Remarque. Drei Kameraden).

«Пустим машину в обмен на яблоки и яйца, а прибыль поделим». (Э.М.Ремарк. Три товарища).

В данном случае переводчик буквально перевел образное выражение *«für Appel (Apfel) und Ei»* – которое означает по дешевке, почти задаром.

Чаще всего буквализмы ведут к нарушению узуса. Это вызывает у потребителя перевода ощущение неестественности речи:

1. *«Die Mutter des Physikers... war die Tochter eines Getreidehändlers, der es zu ansehnlichem Wohlstand gebracht hatte». (F.Herneck. «Albert Einstein»).*

«Мать физика... была дочерью торговца зерном, который добился приличного состояния». (Ф.Гернек Альберт Эйнштейн)

2. *«Bis in seine letzten Lebensjahre ist Einstein ein leidenschaftlicher Raucher gewesen» (Ebenda).*

«До самых последних дней жизни Эйнштейн оставался страстным курильщиком» (Там же).

В соответствии с русским узусом следовало бы перевести: в первом случае – *сколотил приличное состояние*, во втором – *заядлым курильщиком*.

Как мы видим, буквализмы затрудняют восприятие текста во всех его аспектах – смысловом, эмоционально-эстетическом и т.д. Особенно это бывает, когда буквализмов много. В этих случаях язык перевода становится тяжеловесным и крайне неестественным (так называемый псевдопереводческий язык).

Переводческая вольность – явление, противоположное буквализму. Если буквализм – результат недостаточности переводческих трансформаций, то вольность – продукт их чрезмерности. О переводческой вольности говорят в тех случаях, когда переводчик без ущерба для качества перевода мог бы перевести ближе к исходному тексту. Сравним:

«Es (das Klavier) war verstimmt, ein Paar Seiten waren gesprungen und von den Elfenbeintasten fehlten auch einige; aber ich liebte den braven, ausgedienten Musikschimmel». (E.M.Remarque. «Drei Kameraden»).

«Оно (пианино) было расстроено, несколько струн лопнуло, и на клавишах неоставало костяных пластинок; но я любил этот славный застуженный музыкальный ящик». (Э.М.Ремарк. «Три товарища»).

В данном случае переводчику ничто не мешало перевести значительно точнее: *«...но я любил эту отслужившую свое музыкальную клячу».*

Итак, адекватная мера трансформации находится посередине между буквализмом и вольностью. Это та мера, которая отличает качественный перевод. На практике она обеспечивается профессиональным чутьем переводчика. Теоретически, процесс нахождения этой

меры можно представить себе как процесс нахождения варианта перевода по трем критериям.

Первый из них – *мотивированность* трансформации: трансформация должна быть мотивирована необходимостью достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ. Немотивированные трансформации квалифицируются как вольности и отвергаются. На практике мотивированность трансформаций проверяется путем сопоставления двух вариантов перевода – трансформированного и нетрансформированного.

Второй критерий – *минимальность* трансформации. Он означает, что из ряда возможных трансформаций предпочтительнее та, которая решает задачу достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ за счет минимальных отступлений от семантики и структуры оригинала.

Третьим критерием является принципиальная *ограниченность меры переводческих трансформаций*. Поясним, что это значит.

Мера трансформации (ее масштаб, глубина) определяется тем, насколько в данном акте двуязычной коммуникации проявляется расхождение коммуникативных компетенций носителей ИЛ и носителей ПЯ. Чем больше дает о себе знать это расхождение, тем большая мера трансформации необходима, чтобы добиться равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ. Однако в некоторых случаях для нивелирования КК ИЯ и ПЯ могут понадобиться такие трансформации, которые в переводе недопустимы, поскольку их использование превращает перевод в иной вид языкового посредничества.

Так, например, читатели газет на Западе привыкли к иной, чем у нас, структуре газетных статей. Если у нас газетный материал чаще всего строится по принципу индукции – от фактов к обобщению, то там используется другая схема – от обобщающих положений к фактам (дедукция).

Значит ли это, что при переводе газетных статей данное несоответствие привычек в области газетного чтения должно компенсироваться с помощью такой трансформации, как тотальное переструктурирование исходного материала? Нет, не значит. Потому что трансформации такого масштаба в переводе принципиально недопустимы. То, что получается в их результате, будет уже не переводом, а пересказом или чем-то еще в этом роде.

Проблема «супертрансформаций» возникает, пожалуй, чаще всего не как следствие лингвистических, а как следствие этнических, культурных различий двух народов. У каждого народа есть свой, чисто национальный подход к некоторым предметам и явлениям, не совпадающий с взглядом на них других народов. И эти расхождения не поддаются нивелированию («сглаживанию») с помощью переводческих трансформаций. Те «супертрансформации», которые для этого требуются, не только недопустимы в переводе, но в известном смысле абсурдны.

Так, к примеру, у некоторых народов Юго-Восточной Азии похороны – веселый праздник. Собравшиеся искренне верят, что покойный переселился в лучший мир и радуются за него. Как

достичь равноценности регулятивного воздействия при переводе сюжета о таких похоронах? Или как добиться этой равноценности при переводе рекламы свиной колбасы на языки мусульманских народов, считающих свинину нечистым мясом?

Может быть, заменить поминки именинами или свинину бараниной? Однако, такая «сверхтрансформация» абсурдна, поскольку ничего не оставляет от содержания исходного текста.

Из сказанного следует, во-первых, что возможность достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ с помощью переводческих трансформаций небеспредельна, и, во-вторых, что мера этих трансформаций ограничена.

Поскольку равноценность ИТ и ПТ в этом, главном ее компоненте в ряде случаев невозможна, возникает вопрос о так называемой переводимости, то есть о возможности / невозможности полноценного перевода.

С одной стороны, как мы видим, полноценный перевод в определенных случаях невозможен, с другой же, как нам известно, представители разных народов успешно общаются друг с другом с помощью перевода, достигая согласования действий, обмениваясь культурными ценностями и т.д.

Иными словами, практика (которая, как известно, является критерием истины) свидетельствует о достаточно высокой эффективности перевода.

Очень долго теоретики перевода не могли «примирить» эти два факта. Поэтому одни говорили о невозможности полноценного перевода, приводя действительные факты непереводимости, а другие провозглашали тотальную возможность полноценного перевода, ссылаясь на его высокую практическую эффективность.

Мы же полагаем, что и те, и другие, были неправы, и переводимость нельзя рассматривать как некоторую абсолютную закономерность (только «да» или только «нет»). Переводимость – закономерность статистическая, включающая в себя как моменты переводимости, так и моменты непереводимости. Причем статистически первые подавляюще преобладают над вторыми. Именно этим объясняется высокая практическая эффективность перевода.

Что касается «сверхтрансформаций», разрушающих или, как минимум, ставящих под сомнение отношение производности между ИТ и ПТ, то из истории перевода известны периоды, когда такие трансформации были в моде. В XVIII веке получило распространение (особенно во Франции) направление «вольного перевода», для которого было характерно стремление угодить «домашним» вкусам читателей. С этой целью, например, французские переводчики подвергали переделкам сюжеты переводимых произведений, вносили в них всевозможные изменения. «Сверхтрансформациям» подвергались, в частности, такие писатели, как В. Шекспир и М. Сервантес. Оправдывалось все это необходимостью привести тексты переводов в соответствие со вкусами и привычками читающей публики.

Казалось бы, аргумент весомый. Ведь речь идет о том, чтобы компенсировать различия в коммуникативных компетенциях представителей двух культур. Однако цена таких компенсаций была неприемлема: результаты «сверхтрансформаций» противоречили общественному предназначению перевода в самой его сути, ибо автора заслонял переводчик, превращавшийся в соавтора. Переводы-перелицовки все больше подвергались критике. Общество стало их отвергать.

Определить более или менее конкретно допустимую меру переводческих трансформаций не представляется возможным, поскольку она различна для различных жанров текста, в различных контекстах.

Итак, нахождение правильной (адекватной) меры переводческой трансформации определяется тремя принципами, каждый из которых выполняет определенную функцию:

– принципом мотивированности переводческих трансформаций (функция недопущения чисто произвольных трансформаций);

– принципом минимальности переводческих трансформаций (функция недопущения мотивированных, но чрезмерных трансформаций);

– принципом общей ограниченности меры переводческих трансформаций (функция недопущения трансформаций, имеющих определенный мотив, но выходящих за пределы допустимого в переводе).

Адекватная мера переводческих трансформаций обеспечивает не просто некоторое, а *максимальное* семантико-структурное подобие ИТ и ПТ в рамках, не противоречащих первому требованию к переводу – требованию равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ. Адекватная мера переводческих трансформаций – признак, отличающий хороший перевод.

Типы переводческих трансформаций

Перевод – это то же самое перефразирование. С той лишь разницей, что это перефразирование с одного языка на другой. Соответственно переводческие трансформации представляют собой один из двух основных видов операций, применяемых в процессе трансязыкового перефразирования (перевода). Другим основным видом переводческих операций, как мы помним, являются подстановки.

В предыдущих пунктах нашей работы уже говорилось о том, что масштаб и глубина переводческих трансформаций бывают весьма различными – от трансформаций, влекущих за собой относительно небольшое несходство переводного высказывания с исходным, до случаев так называемого парадоксального перевода. Парадоксальным мы можем назвать перевод тогда, когда внешняя непохожесть исходного и переводного высказываний такова, что в продукте, предложенном языковым посредником, трудно сразу же признать перевод, и лишь «по зрелому размышлению» становится ясно, что решение оптимально, что перевести ближе к тексту было просто невозможно, что перед нами перевод.

Разумеется, одной лишь констатации факта наличия столь широкого диапазона переводческих трансформаций мало. Очевидно, что переводчику полезно еще и знать основные, наиболее часто применяемые типы переводческих трансформаций и уметь пользоваться ими. Владение этим инструментарием столь же ценно для языкового посредника, как для шахматиста владение репертуаром стандартных решений в типичных ситуациях. Понятно, что, пользуясь одними лишь стандартными решениями, успешно ни играть в шахматы, ни переводить нельзя, – в возникающих нетипичных ситуациях как от шахматиста, так и от переводчика требуются еще и творческие решения. Однако, эти творческие решения практически всегда в большей или меньшей мере являются сочетаниями или вариациями стандартных решений. И, кроме того, именно знание стандартных решений позволяет переводчику экономить время и сосредоточиться на решении нестандартных, требующих творчества задач.

Разбиение переводческих трансформаций на типы, как и любая другая классификация, может осуществляться на разных основаниях. Весьма удобное основание – уровни языка. Это основание позволяет не только классифицировать переводческие трансформации, но и провести границу между ними и другим большим классом переводческих приемов – подстановками.

Языковые уровни – это подсистемы общей системы языка, каждая из которых характеризуется совокупностью относительно однородных единиц и категорий языка, а также правил, регулирующих их использование.

Выделяются следующие уровни языка: фонетический, морфологический, синтаксический и лексический. В соответствии с тем, единицы какого из названных уровней в процессе трансязыкового перефразирования (перевода) претерпевают изменения, мы будем говорить либо о переводе, целиком выполненном с помощью подстановок, либо о том или ином типе переводческих трансформаций.

Минимальной мерой переводческих преобразований является переход от фонетики ИЯ к фонетике ПЯ. Без замены «звуковых оболочек» значений перевод вообще невыносим. Если других изменений, кроме такой замены, не происходит, то мы говорим, что перевод выполнен (исключительно) с помощью подстановок. Фонетическое преобразование исходного высказывания не может считаться трансформацией, поскольку оно – обязательный, константный элемент процесса перевода. О трансформациях правомерно говорить только в тех случаях, когда трансязыковое перефразирование затрагивает еще и другие уровни языка: морфологический, лексический, синтаксический или же еще более глубокие структуры порождения речи (о чем будет сказано ниже).

Если в результате подстановок возникает переводное высказывание, симметричное исходному на всех уровнях, за исключением фонетического, то использование уровневых трансформаций ведет к их асимметрии на том или ином уровне – в зависимости от того, какая

трансформация имела место.

Преобразования на уровне частей речи мы будем именовать категориально-морфологическими трансформациями, поскольку части речи одна из основных категорий морфологии. Этот тип трансформаций широко применяется в переводе. Их особенность в том, что они в минимальной степени отражаются на передаваемом содержании – не влекут за собой существенных содержательных потерь или модификаций.

Достаточно нейтральны в отношении передаваемого содержания и синтаксические трансформации, однако мы подробнее остановимся на лексических трансформациях.

Суть *лексических* трансформаций заключается в том, что в процессе перевода некоторые лексемы (слова, устойчивые словосочетания) исходного высказывания заменяются не системными (словарными) лексическими эквивалентами ПЯ, а некоторыми контекстуальными эквивалентами, то есть эквивалентами только на данный конкретный случай, которые при наложении друг на друга лексических систем ИЯ и ПЯ не пересекаются.

Это находит свое отражение в том, что контекстуальные эквиваленты не являются эквивалентами в рамках двуязычного словаря.

«Er setzte sich hin, nahm die Feder, rückte aber das Gesicht tief auf den Tisch». (St. Zweig.)

«Он сел, взял перо и низко нагнул голову над столом». (Ст. Цвейг).

Немецкое существительное *«das Gesicht»* не является системным (словарным) эквивалентом русского существительного *«голова»*, а немецкий глагол *«rücken»* – русского глагола *«нагнуть»*.

Лексические трансформации в большей степени, чем категориально-морфологические или синтаксические, могут затрагивать процесс передачи исходного содержания. Однако отнюдь не они являются самыми глубокими, самыми радикальными трансформациями. Так же, как синтаксические и категориально-морфологические трансформации, они (в своем чистом виде) затрагивают лишь поверхностный слой речемыслительного процесса – подбор средств языкового выражения в соответствии с уже имеющейся схемой построения мысли. Соответственно, в рамках названных трансформаций переводчик меняет лишь принципы этого подбора, не затрагивая более глубинное явление – саму схему мысли.

В процессе перевода, однако, имеют место и более радикальные трансформации, вторгающиеся в более глубинный слой речемыслительной деятельности, в результате чего претерпевает изменения сама схема мысли. Соответственно мы будем именовать этот тип трансформаций *глубинными*. Попробуем показать разницу между «поверхностными» и глубинными трансформациями на примерах одноязычного перефразирования:

1.2. «Петров своим трактором разбил дорогу».

1.2. «Трактор Петрова разбил дорогу».

- 2.1. «Вдруг он выхватил нож».
- 2.2. «Вдруг в его руке появился нож».
- 2.3. «Вдруг в его руке все увидели нож».
- 2.4. «В его руке вдруг сверкнул нож».

В первом случае меняется лишь языковое (синтаксическое) оформление мысли: если в первом высказывании действующий *субъект* представлен в форме *синтаксического субъекта* (подлежащего), а *инструмент* действия – в форме *инструменталиса* (существительного в творительном падеже), то в перефразированном варианте высказывания *инструмент* уже выступает как синтаксический *субъект* (подлежащее), а собственно *субъект* – деятель превратился в *признак* синтаксического субъекта, выраженный несогласованным определением в родительном падеже. Иными словами, в парафразе *трактор* представлен так, как если бы он был собственно деятелем и действовал самостоятельно. Отметим при этом нечто важное: при перефразировании не изменился набор признаков, с помощью которых описана ситуация: и в исходном и в перефразированном высказывании они те же самые: *Петров, трактор, дорога, разбить*.

В отличие от «поверхностных» трансформаций, в трансформациях глубинных меняется не только (и не столько) языковая форма высказывания, но и набор признаков, с помощью которых описывается ситуация. Таких признаков у любой – практически бесконечное множество. В ситуации, описанной с помощью ряда высказываний под цифрой 2, упомянуты следующие ее детали: *некто* (он); *нож, находившийся у него* (в кармане, за пазухой, за ремнем и т.д.); *свидетели* происшествия; *быстрое движение* (выхватил); *внезапность* произошедшего (вдруг). Не упомянуты такие детали, как *место, время, количество и состав свидетелей, причины происшествия, погода, разновидность ножа, какой рукой действовал человек с ножом, как он был одет, как выглядел* и т.д.

Совершенно очевидно, что все составляющие ситуации, во-первых, просто не могут быть использованы в ее описании, во-вторых, в этом нет необходимости – достаточно отобрать для описания только те из них, что наиболее существенны (с точки зрения говорящего или пишущего). Более того, излишнее количество упомянутых в описании ситуации деталей затрудняет восприятие.

Итак, суть глубинных преобразований (трансформаций) высказываний заключается в изменении набора деталей, используемых для описания ситуации.

В наших примерах это выглядит следующим образом:

- 2.1. – ситуация описана напрямую, она представлена как свершившееся действие субъекта;
- 2.2. – ситуация представлена как некий результат, само действие не упоминается, откуда появился нож тоже не упомянуто (эти детали перешли в разряд подразумеваемых, они

«выводятся» из общего контекста);

2.3. – ситуация описана через восприятие окружающих, т.е. появление ножа в руке описано косвенным образом;

2.4. – ситуация также описана косвенным образом – через упоминание оптического эффекта, сопровождавшего действие.

Аналогичные трансформации применяют и переводчики.

Итак, мы назвали четыре основных типа уровневых трансформаций, каждый из которых связан с определенным уровнем языка / речи: категориально-морфологическим, синтаксическим, лексическим уровнями языка и уровнем глубинной структуры речи. Следует сказать, что в чистом виде эти типы переводческих преобразований встречаются не столь уж часто.

Более типичны комбинации трансформаций разного вида. Так, к примеру, категориально-морфологическая трансформация, как правило, возможна только в сочетании с преобразованием синтаксической структуры, поскольку «превращение» одной части речи в другую обычно связано и с изменением ее синтаксического статуса, поскольку у каждой части речи свои предпочтения в области синтаксических функций.

«Специфические» переводческие трансформации

Подразделение переводческих трансформаций Л. К. Латышева на четыре основных типа (категориально-морфологические, синтаксические, лексические и глубинные трансформации) основывается на фундаментальном лингвистическом понятии уровня языка. Однако многообразие переводческих трансформаций может быть классифицировано не только на основании сопоставления оригиналов и переводов по этим универсалиям, но и на основании более *частных, более специфических* соотношений оригиналов и переводов. В отличие от четырех «фундаментальных» типов трансформаций, «специфические» трансформации наблюдаются реже. Но в тех случаях, когда они находят применение, они проявляют себя как эффективный инструмент при нахождении оптимального решения. Сравним:

«Der Kaplan spielte mit den weißen Fingern von Winnitous Schwester, die zart errötend ihm die Hand überließ». (L.Frank. «Die Räuberbande»).

«Викарий играл белыми пальчиками сестры Виннету, которая, зардевшись, не отнимала руки». (Л.Франк. «Шайка разбойников»).

Использованный здесь переводчиком прием именуется *антонимическим переводом*. Суть его заключается в том, что средство выражения ИЯ заменяется противоположным по значению средством выражения ПЯ, то есть, образно говоря, «плюс» меняется на «минус». Для того, чтобы в результате такой замены высказывание в переводном варианте не получило противоположный смысл, в переводной вариант вводится отрицание (еще один «минус»). Вся операция, таким образом, имеет сходство с умножением одной отрицательной величины на другую отрицательную

(«минус на минус дает плюс»): *überlassen* – не *отнимать*.

К переводческому приему, именуемому антонимическим переводом, по своему содержанию близок прием, именуемый *конверсной трансформацией* (*конверсией*).

Ее суть заключается в том, что в переводе описывается то же самое отношение между субъектом и объектом, что и в оригинале, только с другой стороны:

«*Dieses Problem tritt immer an jeden angehenden Lehrer heran*».

«*Каждый начинающий учитель сталкивается с этой проблемой*».

В работах по переводоведению и учебных пособиях по переводу называется и такой переводческий прием, как *адекватная замена*. Наиболее часто он находит применение при переводе идиом, традиционных метафор и т. п.:

«*Wenn das meine Freunde sehen, fallen ihnen die Augen aus dem Kopf*». (К. Вурцбергер. «*Alarm am Morgen*»).

«*Мои друзья раскроют рты, когда увидят такое*». (К. Вурцбергер. «*Тревога на рассвете*»).

Как мы видим, суть этого приема состоит в замене всего или части высказывания на ИЯ высказыванием или частью высказывания на ПЯ с другим значением, но с той же (смысловой и / или эмоциональной) функцией.

Далеко не всегда идиома переводится идиомой, а метафора – метафорой:

«*Gustav erzählte mir, daß er bald heiraten wolle. Es sei etwas Kleines unterwegs, da helfe alles nichts*». (Э.М. Ремарк. «*Drei Kameraden*»)

«*Густав сказал, что скоро собирается жениться. Его невеста ожидает ребенка, и тут, мол, уже ничего не поделаешь*». (Э.М. Ремарк. «*Три товарища*»).

Суть приема, примененного переводчиком, заключается в том, что нечто сказанное «не напрямую» (с помощью иносказания, идиомы и т.п.) в переводе выражено напрямую – с помощью прямых (непереносных) значений слов и словосочетаний. Соответственно мы предполагаем назвать этот прием *деидиоматизацией*.

Противоположный по содержанию прием соответственно именуется *идиоматизацией*:

«*Aller Anfang ist schwer*».

«*Первый блин всегда комом*».

В переводе нередко применяется такой прием, как *экспликация*, то есть придание содержанию более конкретной по сравнению с оригиналом формы выражения. Например:

«*Was Diedrich stark machte, war der Beifall ringsum, die Menge, aus der heraus Arme ihm halfen, die überwältigende Mehrheit drinnen und draußen*». (Г. Манн. «*Der Untertan*»).

«*Эту силу ему давало всеобщее одобрение, толпа, из которой ему протягивались руки на помощь, подавляющее большинство в школе и за ее стенами*». (Г. Манн. «*Верноподданный*»).

Прием, противоположный экспликации – *импликация*.

«Aus dem offenen Fenster gegenüber quakte ein Grammophon den Hohenfriedberger Marsch».
(E.M.Remarque. «Drei Kameraden»).

«Из полуоткрытого окна напротив доносились квакающие звуки военного марша».
(Э.М.Ремарк. «Три товарища»).

Переводческие трансформации как инструмент оптимального переводческого решения

Рассмотрим вопрос о причинах и мотивах переводческих трансформаций еще раз под несколько иным углом зрения.

Отметим, прежде всего, то, что к трансформациям приходится прибегать в тех случаях, когда перевод с помощью подстановок невозможен, либо не может дать оптимальный (удовлетворительный) результат.

Абсолютная невозможность перевести (даже плохо) текст с помощью подстановок имеет место, когда в ПЯ нет средств выражения, аналогичных тем, что использованы в переводных высказываниях, например:

1. *«Er will selbst dabeigewesen sein».*

«Он утверждает, что сам присутствовал при этом».

2. *«Vor Wut bekam er einen roten Kopf».*

«От бешенства он налился кровью».

3. *«Der gestiefelte Kater».*

«Кот в сапогах».

В такого рода случаях переводческие трансформации – единственно возможный способ перевода.

Возможность использовать подстановки с неудовлетворительным или неоптимальным (не наилучшим) результатом обусловлена наличием в ПЯ системных средств, симметричных тем, что использованы в исходном высказывании при асимметрии одного или нескольких последующих факторов, формирующих высказывание: языковых норм, узусов, преинформационных запасов адресатов. В подобных случаях (реальный или гипотетический) сырой перевод, получаемый в результате подстановок, может быть оптимизирован с помощью соответствующего перефразирования.

Как уже было замечено ранее, признаком хорошего перевода является адекватная мера переводческих трансформаций – о том, что трансформация должна быть, с одной стороны, достаточно глубокой – чтобы избежать недостатков, присущих переводам с элементами буквализма (искажения, неточности, неясности, неузуальности), и, с другой стороны, минимально необходимой – то есть, не более того, что требуется, чтобы решить эту задачу, не впадая при этом в противоположную крайность – переводческую вольность.

На практике адекватная мера переводческой трансформации может быть найдена либо

путем перебора и сопоставления вариантов, либо путем использования проверенных стандартных ходов в стандартных ситуациях.

«Ключевые слова» как отправные точки переводческих трансформаций

Конечно, знать список трансформаций и уметь их классифицировать весьма полезно для переводчика. Но вряд ли в реальности переводчик, изучивший все типы трансформаций, думает про себя в процессе перевода: «Вот сейчас я применю конверсию (категориально-морфологическую трансформацию, экспликацию и т.д.)».

Как же тогда осуществляется перевод в реальности?

Очевидно, что импульсом к поиску решения через трансформацию является невозможность или нежелательность по условиям языковой нормы или узуса перевести какое-то место исходного высказывания «напрямую», то есть с помощью подстановок. Переводчик выделяет для себя такие места и, по нашим наблюдениям, сосредоточивает на них свои усилия.

Эти, требующие непростого решения места он (если до них еще не дошла очередь) продолжает фиксировать сознанием также и в процессе перевода тех мест, которые переводятся легко. Иными словами, «автоматически» переводя то, что можно перевести напрямую, переводчик некоторым вторым планом сознания (а, может быть, и подсознанием) продолжает искать вариант перевода трудного места. И когда до него доходит очередь, сложное решение созревает. Реальность такого параллелизма (одновременной работы над текущими простыми и будущим сложным решением) подтверждается, когда переводчик, выполняющий письменный перевод, откладывает перевод наиболее трудного места «на потом», а сначала переводит то, что легко поддается переводу. Как показывают наши наблюдения, очень часто такой прием срабатывает: после того, как переведены более легкие места, искомое сложное решение приходит как бы само собой.

Однако, в какой форме приходит к переводчику сложное (трансформационное) решение? По-видимому, оно не приходит одновременно и целиком. Можно предположить, что первоначально оно является в форме «ключевых» слов или словосочетаний, содержащих будущее решение как бы в зародыше, и лишь на следующем этапе преобразуется в «полноформатное», завершённое решение. Попробуем показать, как это может происходить. Например:

«Im ganzen Haus ist Krach».

Перевести *«Во всем доме скандал»* или *«Во всем доме ссора»* нельзя, ибо это противоречило бы русской языковой норме. Такое событие, как состоявшаяся ссора или скандал, можно описать с помощью глагола *«перессориться»* в прошедшем времени. «Ключевое» слово найдено. Теперь надо совершить такую перестройку высказывания, чтобы в нем нашлось место для «ключевого» слова *перессориться*. Производим эту перестройку и получаем:

«Все в доме перессорились».

Изображенный нами алгоритм поиска и нахождения сложного (трансформационного) решения состоит из трех шагов:

1. Выявление в исходном высказывании места, не поддающегося «прямому» переводу (это может быть и все высказывание в целом);
2. Нахождение «ключевого» слова или словосочетания, несущего в себе зародыш решения;
3. Приспособление структуры будущего переводного высказывания под «ключевое» слово (словосочетание).

Виды трансформаций Т. А. Казаковой

Лексические приемы перевода

К лексическим приемам перевода Т. А. Казакова относит *переводческую транскрипцию / транслитерацию, калькирование, лексико-семантические модификации*, а также выделяет в отдельную группу приемы перевода *фразеологических единиц*.

Рассмотрим подробнее каждый из видов выделенных лексических приемов перевода.

Переводческая транскрипция – это формальное фонемное воссоздание исходной лексической единицы с помощью фонем переводящего языка, фонетическая имитация исходного слова. Другим приемом перевода является *транслитерация* – формальное побуквенное воссоздание исходной лексической единицы с помощью алфавита переводящего языка, буквенная имитация формы исходного слова. При этом исходное слово в переводном тексте представляется в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка, например, «*Shakespeare*» – «*Шекспир*».

Существующее в практике перевода правило применения к именам переводческой транскрипции или транслитерации нередко оказывается недостаточным, если имя собственноеотягощается символической функцией, то есть становится именем уникального объекта, или используется не в качестве имени, а в качестве, например, клички, то есть является своеобразным именем нарицательным, так как отражает индивидуальные признаки и свойства именуемого объекта. В таких случаях помимо транскрипции либо вместо нее, используется сочетание семантического перевода с калькированием. Например, если мы встречаем в английском тексте имя «*Chief White Halfoat*», то оно может быть передано различными путями: «*Чиф Уайт Хафоут*» (транскрипция), «*Вождь Белый Овес*» (семантический перевод), «*Вождь Уайт Хафоут*» (смешанный перевод: сочетание семантического перевода и транскрипции).

Помимо имен собственных в группу единиц, переводимых посредством переводческой транскрипции, большинство специалистов включают также названия народов и племен, географические названия, наименования деловых учреждений, компаний, фирм, периодических изданий, названия-имена хоккейных и иных спортивных команд, устойчивых групп рок-музыкантов, культурных объектов и т. п. Большая часть таких имен сравнительно легко поддается

переводческой транскрипции или, реже, транслитерации: «*Bank of London*» – «*Бэнк оф Лондон*», «*Minnesota*» – «*Миннесота*», «*the Capitol*» – «*Капитолий*», и т. д.

Наряду с переводческой транслитерацией, для языковых единиц, не имеющих непосредственного соответствия в переводящем языке, иногда применяется *калькирование* – воспроизведение не звукового, а комбинаторного состава слова или словосочетания, когда составные части слова (морфемы) или фразы (лексемы) переводятся соответствующими элементами переводящего языка. Калькирование как переводческий прием послужило основой для большого числа разного рода заимствований при межкультурной коммуникации в тех случаях, когда транслитерация была почему-либо неприемлема из эстетических, смысловых или иных соображений.

Большое количество словосочетаний в политической, научной и культурной областях практически представляют собой кальки:

«*глава правительства*» – «*head of the government*», «*Верховный Суд*» – «*Supreme Court*», «*mixed laws*» – «*смешанные законы*», «*non-confidence vote*» – «*вотум недоверия*» и т. д.

В отличие от транскрипции, калькирование не всегда бывает простой механической операцией перенесения исходной формы в переводящий язык; зачастую приходится прибегать к некоторым трансформациям. В первую очередь, это касается изменения падежных форм, количества слов в словосочетании, аффиксов, порядка слов, морфологического или синтаксического статуса слов и т. п.

Выбор калькирования, транслитерации или смешанного способа часто задается словарем, однако многие случаи, особенно связанные с историко-культурными именами, редкими географическими названиями, новыми терминами, требуют самостоятельного решения переводчика. Несколько соображений могут помочь сформировать переводческую позицию: во-первых, выбор в пользу точности (буквальности) перевода не всегда бывает самым удачным, поскольку в результате создается слишком неудобная для восприятия языковая единица – это нередко случается при дословном калькировании (например, перевод Лондонский Тауэр предпочтительнее, чем Тауэр Лондона, хотя по поверхностной структуре последний ближе к исходной единице, однако в данном случае, как и в ряде других подобных, следует переводить не столько поверхностную структуру, сколько функциональную).

Во-вторых, калькирование нередко становится более предпочтительным способом перевода, чем транскрипция, поскольку в результате транскрипций создаются неудобопочитаемые и, что гораздо хуже, единицы, не имеющие смысла в переводящем языке, своего рода псевдослова. Если транскрипции вообще не удастся избежать, то ее, как правило, сочетают с калькированной формой, что часто встречается при переводе имен-прозвищ.

Правила калькирования:

1. Калькирование применяется в тех случаях, когда требуется создать осмысленную единицу в переводном тексте и при этом сохранить элементы формы или функции исходной единицы.

2. Калькирование используется для передачи части географических названий, именовании историко-культурных событий и объектов, титулов и званий, названий учебных заведений, государственных учреждений, музеев, терминов и т. п.

3. В некоторых случаях калькирование применяется наряду с транскрипцией и лексико-семантическим модулированием.

4. В ряде ситуаций калькирование сопровождается процессами свертывания / развертывания исходной единицы, в зависимости от типологических характеристик двух языков.

Два предыдущих приема перевода слов и словосочетаний применяются преимущественно для языковых единиц устойчивых или универсальных значений, не зависящих ни от контекста, ни даже от языка и потому имеющих одну и ту же или подобную форму и содержание как в исходном, так и в переводящем языке. Некоторые расхождения (например, чужеродная форма слова при транскрипции) не играют роли в большинстве контекстов, за исключением художественных, где форма слова или связь смысла и формы приобретает первостепенное значение. Транскрипции и кальки придают переводному тексту значительный «налет иностранности», но с минимальными потерями смысла сообщения.

Иначе обстоит дело с языковыми единицами, которые могут выражать различные значения в зависимости от контекста, ситуации и подтекста (скрытого намерения или установки участников коммуникации): такие единицы требуют особых приемов при переводе. Поиск соответствий для таких единиц начинается с внимательного изучения словарной статьи, иногда даже включая анализ словарных статей из разных словарей, и сопоставления словарных значений с возможным контекстуальным значением. К возможным значениям не следует относиться легкомысленно, так как понимание текста или высказывания строится на предположениях о его возможных смыслах.

В результате такого исследования может обнаружиться, что исходное слово не имеет однозначного соответствия в переводящем языке, либо не имеет полного соответствия. При этом «виновниками» оказываются не только многозначные слова, но и однозначные единицы, имеющие различные функциональные характеристики в исходном и переводящем языках. Во всех таких случаях, когда важным оказывается не само слово, а то значение, которое оно приобретает в контексте исходного высказывания, переводчик прибегает к переводческим модификациям. В их число входят такие переводческие преобразования, как: *сужение или расширение исходного значения, нейтрализация или усиление эмфазы, функциональная замена, описание, комментарий.*

Сужение, или конкретизация, исходного значения используется в тех случаях, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы ниже, чем мера упорядоченности

соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке, например: русское понятие исследовать может относиться к различным ситуативным условиям, и в значительной мере упорядочивается контекстом; в английском языке ему будут соответствовать различные более узкие по значению единицы, в зависимости от контекста: «*to explore*» (ср. «*исследовать местность*» – «*to explore the environment*»).

Расширение (генерализация) исходного значения имеет место в тех случаях, когда мера информационной упорядоченности исходной единицы выше меры упорядоченности соответствующей ей по смыслу единицы в переводящем языке. Например, русское слово «*лечение*» соответствует английскому «*treatment*», которое обладает гораздо более широким спектром значений и для информационного упорядочения требует специальных контекстов, не совпадающих с контекстами лечения.

Существенное осложнение при переводе может быть вызвано несовпадением эмфатического потенциала слов, которые во всех других отношениях совпадают. Например, «*a cow-eyed girl*», в зависимости от контекста, может требовать разных соответствий: «*девушка с коровьими глазами*» или «*волоокая красавица*»: первое создает отрицательную эмфазу, второе – положительную. Прием эмфатизации может оказаться весьма эффективным, но поскольку он очень сильно влияет на содержание коммуникации, с ним следует обращаться весьма осторожно и в некоторых, особо спорных, случаях можно прибегнуть к прямо противоположному приему нейтрализации эмоционально-оценочного компонента значения: например, то же самое словосочетание вполне может быть передано нейтральным вариантом девушка с большими глазами, если из контекста неясно, как именно трактуется это определение.

Наиболее сложной процедурой в процессе решения лексико-семантических проблем является *функциональная замена*. Необходимость в этом приеме, возникает, когда ни одно из соответствий, предлагаемых словарем, не подходит к данному контексту. Например, английское выражение «*the relaxation of the well-earned rest*» при переводе вызывает затруднение прежде всего потому, что ни одно из зафиксированных англо-русским словарем (The Oxford Russian Dictionary) значений слова «*relaxation*» («*уменьшение*», «*смягчение*», «*ослабление*», «*развлечение*», «*разрядка*») не подходит к данному контексту; вместо них переводчик может употребить русское функциональное соответствие «*наслаждаясь заслуженным отдыхом*».

Когда ни один из словесных приемов подбора соответствия не удовлетворяет ситуации, переводчики прибегают к *описанию*. Описательный перевод, как правило, употребляется параллельно с транскрипцией и применяется при переводе терминов, культуронимов, уникальных объектов и т. п. Так, при переводе с русского языка на английский текстов, посвященных русскому деревянному зодчеству и проблемам его реставрации, мы сталкиваемся с тем, что в англоязычной традиции отсутствует сам культурно-исторический феномен реставрации

памятников деревянного зодчества, а, следовательно, отсутствуют и многие понятия, связанные с ним. Например, термин «*кружало*», имеющий, к тому же, диалектное происхождение, на английский язык передается именно таким способом: «*kruzhalo*» (*ring-shaped base of the cupola of the wooden church*). Приведенное в скобках описание является обязательным компонентом текста и может употребляться в дальнейшем тексте даже отдельно в виде именованного «*ring-shaped base of the cupola*».

Итак, подытожив все вышесказанное, можно выделить основные правила применения лексико-семантических трансформаций:

1. Сужение значения применяется в тех случаях, когда исходная единица обладает высокой степенью информационной неопределенности и в значительной мере зависит от контекста. При этом практически переводится не столько само слово, сколько конкретный вариант его значения в определенном контексте.

2. Расширение исходного значения допускается в тех случаях, когда переводящее слово отличается большей степенью информационной неопределенности, которая в достаточной мере упорядочивается данным контекстом.

3. Эмфатизация или нейтрализация исходного значения определяются, главным образом, такими социолингвистическими факторами, как расхождение в традициях эмоционально-оценочной информации и требуемое переводящей культурой выделение или, наоборот, приглушение данного слова в данном контексте.

4. Описание значения исходной единицы применяется в условиях отсутствия регулярного словарного соответствия или при несовпадении смысловых функций соответствующих единиц в исходном и переводящем языках. Описание должно быть предельно кратким и в идеале приближать по своим качествам к отдельному слову или фразеологической единице таким образом, чтобы оно могло употребляться в тексте без искусственной единицы, создаваемой в таких случаях либо с помощью транскрипции, либо калькирования, когда это по каким-либо соображениям неуместно в пределах данного текста.

5. Переводческий комментарий следует рассматривать как дополнительный прием, сопровождающий слова, переведенные с помощью любого способа лексико-семантической трансформации, но при этом требующие расширенного пояснения, например, если толковые словари не дают вокабулы, достаточно глубокой для данного контекста, или само понятие вообще отсутствует или трактуется иначе в переводящей культуре.

Фразеологизмы, или связанные, устойчивые словосочетания, иногда даже целые предложения, как правило, обладают либо полностью, либо частично переносным значением. Основной особенностью фразеологизмов, по мнению многих современных исследователей, является несоответствие плана содержания плану выражения, что определяет специфику

фразеологической единицы, придает глубину и гибкость ее значению. Эти возможности коренятся, по-видимому, в самой природе фразеологизма – замкнутом микроконтексте, в котором реализуются не только формальные связи между планом выражения и планом содержания такого знака, но и ассоциативно-семантические, причем не обязательно логически выводимые из самого микроконтекста. Именно эта невыводимость и позволяет фразеологизму обозначать сложнейшие явления и отношения действительности в емкой и выразительной форме.

Наиболее убедительным доказательством богатых возможностей фразеологических единиц – и особой сложности их для перевода – является то, что их охотно не только употребляют, но творчески преобразуют многие писатели, журналисты и другие творческие языковые личности.

Практически в любом языке существует несколько уровней фразеологизмов: зафиксированные словарем и известные всем; выходящие из употребления, но отмеченные словарем; известные всем, но по каким-либо причинам не зафиксированные словарем; известные отдельным общественным группам. В принципе таких уровней может быть и больше, однако первое и самое главное условие в любом случае – уметь распознать в тексте фразеологизмы, в отличие от свободных языковых единиц. Наиболее продуктивный путь – это навык выделения в тексте противоречащих общему смыслу единиц.

В целом, имея дело с фразеологическими единицами при переводе, переводчик должен обладать не только знанием обоих языков, но и уметь анализировать стилистические и культурно-исторические аспекты исходного текста в сопоставлении с возможностями переводящего языка и культуры.

Грамматические приемы перевода

Различие грамматического строя английского и русского языков, с точки зрения перевода, выражается в двух категориях переводческих проблем: проблемы перевода в условиях сходства грамматических свойств языковых единиц и проблемы перевода в условиях различия грамматических свойств языковых единиц в исходном и переводящем языках. Кроме того, специфические осложнения связаны с преобразованием отдельных грамматических единиц (морфологические преобразования на основе словоформ) и составных грамматических единиц (синтаксические преобразования на основе словосочетаний, предложений и сверхфразовых единств).

Грамматические свойства языковых единиц состоят из целого ряда языковых явлений: форма слова, словосочетания, предложения, порядок элементов, грамматические значения форм, контекстуальные функции форм и значений. Всякий раз, рассматривая информационную мощь той или иной языковой единицы, подлежащей переводу, мы принимаем во внимание не только лексико-семантическое значение слов и их сочетаний, но и их грамматические свойства, которые могут весьма существенно влиять на меру упорядоченности переводимого сообщения.

Общность между грамматическими свойствами русского и английского языков задается их общей принадлежностью к индоевропейской семье и проявляется в наличии общих грамматических значений, категорий и функций, например: категории числа у существительных, категории степеней сравнения у прилагательных, категории времени у глагола, функциональной значимости порядка слов и т. п.

В то же время, различие принципов грамматического строя, выражающееся в принадлежности этих языков к разным грамматическим группам, отражается в существенных различиях между грамматическими свойствами, например, в существовании несходных грамматических категорий: артикли в английском языке, падежные формы в русском языке; герундий в английском языке, деепричастие в русском языке; полнозначное согласование в русском языке, фиксированный порядок слов в английском языке; и т. д.

Самый общий обзор проблем, связанных с переводом морфологически сходных грамматических форм, позволяет предусмотреть, помимо полного перевода, по крайней мере, следующие ситуации. Применение *нулевого перевода* достаточно эффективно в случаях традиционно-функционального несовпадения при условии сходства самих форм. Помимо уже приведенного примера, можно говорить о применимости нулевого перевода при несовпадении функций различных видов местоимений, например: «they say» – «говорят»; «you see» – «понимаешь».

Другой прием, широко употребляемый при переводе местоимений, заключается в использовании *частичного перевода*, то есть использовании не полной формы, а только частично совпадающей по функции.

Наиболее часто переводчики обращаются к такому приему, как *функциональное соответствие (функциональная замена)*. В частности, при переводе временных форм глагола, которые имеют прямое соответствие в обоих языках, следует принимать во внимание, что сами формы могут употребляться в различных функциях, которые, в свою очередь, не совпадают между собой в русском и английском языках.

Функциональные преобразования грамматических форм могут быть обусловлены не только чисто грамматическими различиями, но и лексико-семантическими особенностями исходного и переводящего языков, а также различием речевых традиций. Одна и та же форма может быть передана полным или частичным переводом в каких-либо контекстах, тогда как другие контексты потребуют функциональной замены, предусмотренной традиционным речепотреблением.

Довольно часто *функциональная замена* может заключаться в возможности морфологической трансформации исходной формы в зависимости от контекста или ситуации употребления.

Уподобление, то есть придание общих грамматических свойств разным грамматическим

формам, применяется, в частности при переводе английских оборотов с инфинитивом в тех функциях, которые инфинитив, как правило, не выполняет в русском языке, например для выражения последующего или постоянного действия.

Переводческая *конверсия*, или изменение морфологического статуса формы, обычно применяется в тех случаях, когда, как уже говорилось выше, имеет место традиционное несовпадение степени эксплицитности элементов сообщения или стилистическая неуместность экспликации.

Антонимический перевод позволяет переводчику создать более естественную грамматическую структуру на переводящем языке в тех случаях, когда грамматическая форма приходит в противоречие с правилами лексической сочетаемости и лишает переводной текст выразительности, утяжеляя его.

Итак, общие правила перевода грамматически сходных форм выделяем следующие:

1. Полный перевод применим при условии полного сходства как грамматических форм, так и их значений и функций в исходном и переводящем языках.

2. Нулевой перевод применяется в тех случаях, когда в исходном и переводящем языках совпадает грамматическая форма, но не совпадает традиция экспликации тех или иных элементов содержания в рамках данной формы.

3. Частичный перевод употребляется в условиях, когда одна и та же грамматическая форма может иметь несколько содержательных функций, при этом различающихся по составу и количеству в исходном и переводящем языках.

4. Функциональная замена применяется, когда функции или значения сходных грамматических форм не совпадают в исходном и переводящем языках: в таких случаях исходная форма может замещаться другой по типу формой в переводящем языке на основе сходства функций.

5. Уподобление используется при переводе грамматических форм в условиях составных конструкций, комбинаторика которых не совпадает в исходном и переводящем языках, а также в условиях несовпадения требований эксплицитности / имплицитности выражения.

6. Конверсия применяется в условиях различных требований, применяемых к эксплицитным выражениям в исходном и переводящем языках, а также при различии комбинаторных правил сочетаемости грамматических форм.

7. Антонимический перевод применяется в целях снятия возможного конфликта между лексической и грамматической сочетаемостью языковых единиц в исходном и переводящем языках.

Как уже отмечалось, английский и русский языки, в силу целого ряда структурно-семантических факторов, содержат типологически различные морфологические формы, которые

требуют особого подхода при переводе.

При переводе с английского языка на русский требуется учитывать различия в составе частей речи и различия в структуре морфологических категорий и способов их выражения. При всем многообразии переводческих осложнений, которые возникают в связи с такими различиями, можно выделить ряд общих приемов, употребляемых при всех проблемных ситуациях.

Первым и самым простым из них следует назвать *нулевой перевод*, то есть пропуск той или иной безэквивалентной формы при построении переводного текста, а также некоторые приемы, о которых говорилось выше. Не будем останавливаться на них подробно, выделив лишь общие рекомендуемые в данной переводческой ситуации правила:

1. Нулевой перевод заключается в пропуске той или иной грамматической формы и применяется для перевода безэквивалентных грамматических единиц в тех случаях, когда они носят чисто грамматический характер и не влияют на смысловую информацию.

2. Функциональная замена заключается в переводе не столько самой исходной формы, сколько ее грамматических или смысловых функций в тексте. Применяется в тех случаях, когда необходимо перевести языковую единицу, категориальные значения которой вообще отсутствуют в переводящем языке.

3. Конверсия, являясь наиболее широко распространенным переводческим приемом в условиях типологического различия морфологических форм и категорий, заключается в изменении морфологического статуса исходной грамматической единицы при полном или частичном сохранении ее категориальных значений и употребляется при расхождении грамматических и смысловых характеристик той или иной формы в исходном и переводящем языках. Возможно осложнение конверсии, вовлекающее в процесс перевода лексические и синтаксические преобразования.

4. Развертывание проявляется в расщеплении лексико-грамматической единицы на составляющие, каждая из которых несет часть исходной информации. Используется для преобразования синтетических форм в аналитические в тех случаях, когда этого требуют либо грамматические правила в отношении данной формы, либо характер контекста.

5. Стяжение выражается в сокращении морфологической формы исходной единицы при условии полного или частичного сохранения ее категориальных значений и применяется при переводе аналитической формы в контексте, который позволяет грамматически или лексически передать ту же самую информацию более лаконично.

Когда в качестве единицы перевода рассматривается не отдельное слово или грамматическая форма, а *сочетание языковых единиц*, возникают специфические осложнения, с которыми приходится иметь дело переводчику. Эти осложнения определяются, в основном, двумя факторами: несовпадением правил лексико-семантической сочетаемости и различием правил

синтаксической сочетаемости, причем и тот, и другой могут действовать как отдельно, так и одновременно. В результате переводчик оказывается перед выбором: сохранять исходный вид словосочетания, применять частичное преобразование или применять полное преобразование.

Первый прием, полный перевод, применяется в тех случаях, когда:

а) оба фактора правил сочетаемости полностью совпадают в исходном и переводящем языках;

б) общий способ перевода, выбранный для данного исходного текста требует подробной передачи особенностей исходного текста (например, в случае академического перевода какого-либо текста; или под воздействием побочных прагматических факторов, например, требование получателя перевода или стремление передать национально-культурные особенности, и т. д.).

Частичный перевод допускает несколько вариантов:

- сокращение (пропуск одного или нескольких элементов исходного словосочетания);
- расширение (добавление одного или нескольких элементов в словосочетание);
- функциональная замена (изменение лексико-семантического или морфологического статуса одного или нескольких исходных элементов словосочетания);
- перестановка (изменение порядка слов в рамках словосочетания).

Рекомендуемые правила преобразования словосочетаний в переводе:

1. Полный перевод словосочетаний выполняется в тех случаях, когда правила лексико-семантической и синтаксической сочетаемости совпадают в исходном и переводящем языках для данного контекста.

2. Частичный перевод применяется в тех случаях, когда правила синтаксической сочетаемости компонентов не совпадают с правилами лексико-семантической сочетаемости в исходном и переводящем языках; в этих случаях используются такие варианты частичного перевода, как сжатие (сокращение числа компонентов) исходного словосочетания вплоть до единственного компонента, распространение (увеличение числа компонентов в словосочетании) или перестановка (изменение позиций компонентов словосочетания относительно друг друга).

3. Функциональная замена является вариантом частичного перевода, но сопровождается лексико-семантическим преобразованием помимо чисто грамматического. Используется при переводе словосочетаний, лексико-семантическая структура которых не совпадает в исходном и переводящем языках, что требует иной формы компонентов: от замены морфологического статуса того или иного компонента до изменения лексико-семантического состава данного словосочетания.

4. Описательный перевод или комментарий применяются в случае национально-культурной специфики исходного словосочетания, когда в переводящей культуре отсутствует то или иное явление или понятие, обозначаемое исходным словосочетанием.

Предложение – наиболее сложная по формальному и семантическому составу единица языка, является одновременно и единицей речи и в качестве таковой испытывает наибольшее воздействие прагматического фактора в процессе знакообразования. Если отдельное слово, морфологическую форму или даже словосочетание можно рассматривать как устойчивую и сравнительно независимую информационную данность, соответствия которой в принципе исчислимы, то любое предложение обязательно связано и обусловлено авторской установкой, а потому может, с точки зрения перевода, иметь неопределенное множество интерпретаций.

Все эти свойства предложения, доставляющие много хлопот переводчику, проявляются в гибкости практически всех компонентов предложения, которые при переводе могут частично или полностью менять свой грамматический и/или лексико-семантический облик.

Рекомендуемые правила преобразования предложений при переводе:

1. Нулевой перевод применяется в условиях синтаксической или лексико-семантической неуместности воссоздания исходной формы в единицах переводящего языка.

2. Функциональная замена используется при частичном несовпадении структурно-семантических свойств той или иной синтаксической единицы в исходном и переводящем языках.

3. Перестановка компонентов предложения используется в случаях несовпадения традиций актуального членения предложения в исходном и переводящем языках.

4. Распространение применяется тогда, когда уровень сложности предложения в исходном языке ниже, чем требуется для данного контекста в переводящем языке.

5. Стяжение применяется в том случае, когда уровень сложности исходного предложения выше, чем позволяют возможности переводящего языка для данного контекста.

6. Антонимический перевод употребляется в случае несовпадения логических характеристик исходного сказуемого и условий манифестации смысла в переводящем языке.

7. Добавление применяется при наличии подтекста или имплицированных компонентов значения в исходном тексте, если переводящий язык или речевая традиция требуют их экспликации.

8. Опускание используется при наличии в исходном тексте избыточных элементов, которые должны быть имплицированы в соответствии с требованиями переводящего языка или речевой традиции.

Стилистические приемы перевода

Переводчик встречается с необходимостью передать различные выразительные средства, употребленные в исходном тексте, чаще, чем может показаться на первый взгляд. Практически любой текст включает те или иные тропы, фигуры речи или другие средства придания выразительности высказыванию, составляющие особую функцию языковых единиц – стилистическую. Перевод различного рода стилистических функций с языка на язык требует

преобразований особого рода, помогающих сохранить или модифицировать исходную эмоционально-эстетическую информацию.

Наиболее характерной стилистической единицей является *метафора*. С древнейших времен человек воссоздавал в словах картину мира в ее образном представлении, используя различные средства. Во многих языках сохраняются древние антропоморфные формы представлений об окружающей среде, например деление всех предметов по признаку мужского или женского пола.

Рекомендуемые правила преобразования метафоры:

1. Полный перевод применяется для метафорических единиц в том случае, если в исходном и переводящем языке совпадают как правила сочетаемости, так и традиции выражения эмоционально-оценочной информации, употребленные в данной метафоре.

2. Добавление \ опущение используется в тех случаях, когда мера подразумеваемости подобия в исходном и переводящем языках различна, и требуется либо экспликация подразумеваемого в исходном тексте смысла (прием добавления), либо, напротив, импликация словесно выраженного в исходном тексте (прием опущения).

3. Замена применяется в случаях лексического или ассоциативного несоответствия между элементами метафоры в исходном и переводящем языках.

4. Структурное преобразование применяется при различии традиций грамматического оформления метафоры в исходном и переводящем языках.

5. Традиционное соответствие употребляется в отношении метафор фольклорного, библейского, античного происхождения, когда в исходном и переводящем языках сложились разные способы выражения метафорического подобия.

6. Параллельное именование метафорической основы используется при переводе текстов, построенных на распространенной метафоре, когда по межъязыковым условиям требуется замена или структурное преобразование исходной метафоры, а по характеру передаваемой информации исходный образ необходимо сохранить.

Основной проблемой перевода *метонимического словоупотребления* является различие как в способах метонимизации, так и в степени ее распространенности в речи на исходном и переводящем языках. Это различие часто сопровождается и объясняется разными традициями метонимического выражения в исходной и переводящей культурах.

Синекдоха (греч. *synekdoche* – подразумевание, соотнесение) обычно проявляется в употреблении названия части вместо целого, частного вместо общего, и наоборот. Сложность ее для перевода состоит в том, что в разных языках способы и ограничения в выражении категории «часть – целое» могут довольно сильно отличаться друг от друга. В русском языке метонимический перенос такого рода сравнительно ограничен, поскольку имеется целый ряд

других средств, прежде всего метонимический эпитет, возникающих на флективной основе.

Рекомендуемые правила перевода метонимических единиц:

1. Полный перевод метонимической исходной единицы применяется в случае полного совпадения языковых и культурных традиций выражения индивидуального свойства в английском и русском языках.

2. Структурное преобразование исходной метонимии применяется в условиях несовпадения грамматических норм, когда исходный контекст, в котором употреблена метонимия, не может быть грамматически полностью воссоздан на языке перевода.

3. Семантическое преобразование исходной метонимии происходит в условиях отсутствия в переводящем языке способа выражения для исходного индивидуального признака.

4. Функциональное преобразование исходной метонимии применяется в условиях несовпадения стилистического статуса метонимической единицы в исходном и переводящем языках.

5. Полное преобразование исходной метонимии, то есть восстановление прямого именованного, применяется в условиях значительного расхождения культурных традиций, когда исходное метонимическое слово не существует в переводящем языке и неизвестно переводящей культуре.

Как известно, такой прием, как *ирония* заключается в подразумевании противоположного во внешне положительных характеристиках. Иногда подразумеваемое выражается в языковых единицах, которые сами по себе представляют трудность для перевода.

Рекомендуемые правила перевода иронии:

1. Полный перевод с незначительными лексическими или грамматическими преобразованиями применяется в тех случаях, когда это позволяют как словесный, так и грамматический состав иронического оборота в исходном тексте, при условии совпадения социально-культурных ассоциаций.

2. Расширение исходного иронического оборота применяется в тех случаях, когда смысл иронического словоупотребления неочевиден для иноязычной культурной среды. В таких случаях часть подразумеваемых компонентов иронии облекается в словесную форму в виде причастных или деепричастных оборотов, расширенных атрибутивных конструкций и т. п.

3. Антонимический перевод, то есть перевод с противоположным грамматическим или лексическим значением, применяется тогда, когда прямой перевод утяжеляет переводную структуру в силу различия грамматических или лексических норм и тем самым затемняет или вообще не передает смысл иронии.

4. Добавление смысловых компонентов применяется в тех случаях, когда требуется сохранить исходные лексико-грамматические формы (например, цитаты) в условиях

информационной недостаточности аналогичных форм в языке перевода.

5. Культурно-ситуативная замена применяется в тех случаях, когда прямое воспроизведение способа выражения иронии невозможно – он не будет воспринят переводящей культурой, сама ирония должна быть передана, ибо она составляет важную часть авторского способа выражения.

Сравнительная характеристика различных классификаций переводческих трансформаций

Итак, мы рассмотрели три различных классификации известных лингвистов, переводоведов, все они имеют нечто общее и отличное между собой. Попытаемся рассмотреть и упорядочить общее и частное данных классификаций переводческих трансформаций, предложенных ранее.

Так, В. Н. Комиссаров переводческие трансформации разделяет на следующие уровни:

- лексические;
- грамматические;
- лексико-грамматические.

При этом. Описывая данные три вида трансформаций, он опирается на характер единиц ИЯ и ПЯ.

Далее Комиссаров рассматривает лексические трансформации, именуя их «переводческими приемами» и называет следующие:

- переводческое транскрибирование и транслитерацию;
- калькирование;
- лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию).

К грамматическим трансформациям он относит:

- синтаксическое уподобление (дословный перевод);
- членение предложения,
- объединение предложений,
- грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения).

К комплексным лексико-грамматическим трансформациям по В. Н. Комиссарову принадлежат:

- антонимический перевод;
- экспликация (описательный перевод);
- компенсация.

Л. К. Латышев, в свою очередь, лексические трансформации рассматривает как подвид переводческих трансформаций, выделяя при этом следующие:

- категориально-морфологические;

- синтаксические;
- лексические;
- трансформации на уровне глубинной структуры речи.

Как видим, те трансформации, которые Комиссаров отнес к грамматическим (синтаксическое уподобление, членение предложения, объединение предложений, грамматические замены формы слова, части речи или члена предложения), Латышев назвал синтаксическими и категориально-морфологическими.

Глубинные трансформации Латышев выделяет в отдельную категорию, определяя отличие данных трансформаций от всех остальных, утверждая, что используя глубинную трансформацию, переводчик меняет схему мысли.

При этом Латышев рассматривает еще и т. н. «специфические» переводческие трансформации, выделяя при этом антонимический перевод, конверсию, адекватную замену, идиоматизацию, деидиоматизацию, экспликацию и импликацию.

Т. А. Казакова в своем описании переводческих трансформаций основывается на классификации, приведенной, В. Н. Комиссаровым, однако предлагает свою, отличную от вышеназванной. Прежде всего, Казакова выделяет лексические приемы перевода, среди них – переводческая транскрипция (транслитерация), калькирование, сужение (конкретизация) значения, расширение (генерализация), эмфатизация, функциональная замена, описательный перевод (переводческий комментарий).

Далее Казакова называет грамматические приемы перевода, определяя следующие их типы: полный перевод, частичный перевод, функциональная замена, описательный перевод, нулевой перевод, конверсия, стяжение, развертывание, перестановка компонентов предложения, добавление, опущение, антонимический перевод.

В первом случае (лексические приемы перевода), рассматриваются любые преобразования на уровне лексем, во втором (грамматические приемы перевода) – на уровне словосочетаний и предложений. Перевод фразеологизмов и клишированных выражений Казакова выделяет в отдельный раздел и описывает особые приемы их перевода. Также отдельно Казакова рассматривает стилистические приемы перевода, описывая особенности перевода метафор, метонимий, синекдохи и эпитетов.

Как видим, все названные классификации перекликаются между собой и, в любом случае, сводятся к тому, что следует, все же, беря за основу любую из классификаций, отталкиваться от того, что трансформации бывают фонетические (на уровне звуков и букв), лексические (на уровне лексем), грамматические (или синтаксические – на уровне словосочетаний и предложений).

Некоторые переводческие приемы можно выделить в отдельную группу, так, например, хотелось бы отметить, что особого внимания при переводе заслуживают трансформации,

применяемые при переводе клишированных и фразеологических единиц, среди них – идиоматизация, деидиоматизация, адекватная замена.

Также хотелось бы отдельно отметить выделенные Латышевым т. н. «глубинные» трансформации, которые меняют не столько форму и содержание переводного текста, а, прежде всего, саму схему мысли подачи определенной информации.

Вопросы для самопроверки

1. Дайте определение переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову. Сколько типов переводческих трансформаций выделяет В. Н. Комиссаров?

2. Опишите принцип каждой из названных переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову, приведите примеры.

3. Каковы причины и мера переводческих трансформаций по Л. К. Латышеву?

4. Назовите типы переводческих трансформаций по Л. К. Латышеву.

5. Что такое «глубинная» трансформация по Л. К. Латышеву, в чем ее основная сущность?

6. Что есть «специфические» переводческие трансформации по Л. К. Латышеву?

7. Расскажите о механизме поиска «ключевых слов» для осуществления переводческих трансформаций.

8. Перечислите основные виды переводческих трансформаций по Т. А. Казаковой.

9. Дайте сравнительную характеристику переводческих трансформаций по В. Н. Комиссарову, Л. К. Латышеву и Т. А. Казаковой.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. **Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.

2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.

3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.

4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.

5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.

6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.

7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – Спб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.
23. **Чужакин А. П.** Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.
24. **Швейцер А. Д.** Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.
25. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Мигولاتьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Мигولاتьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozental/index.html>

ТЕМА 7

МНЕМОТЕХНИКА. УПРАЖНЕНИЯ ПО МНЕМОТЕХНИКЕ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА РАЗВИТИЕ ОПЕРАТИВНОЙ ПАМЯТИ

ПЛАН

1. Нарращивание активного запаса соответствий частотной лексики.
2. Контрастивная топонимика.
3. Личные имена.
4. Лингвоэтнические соответствия.
5. Фразеологизмы и образные клише.
6. Термины общественной жизни и клишированная сочетаемость в этой сфере.
7. Упражнения по мнемотехнике.
8. Слова.
9. Рады чисел.
10. Топонимы.
11. Имена.
12. Реалии-деньги и реалии-меры.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Рассмотрите основные теоретические проблемы обучения переводчиков мнемотехнике, обратив особое внимание на технику выполнения упражнений.

Нарращивание активного запаса соответствий частотной лексики

Будущий переводчик начинает осваивать технику перевода тогда, когда его знания иностранного языка находятся на достаточно высоком уровне. Но это вовсе не означает, что он владеет навыком быстро находить соответствие каждому слову и выражению. Этому он и учится в процессе освоения техники перевода. На начальном этапе обучения быстро наращивается «банк» таких соответствий в сфере основного общеязыкового словарного запаса. Поэтому и рекомендуется первое упражнение по мнемотехнике и переключению строить на материале основного словарного фонда (животные, растения, предметы повседневного обихода, обозначение основных действий и т. п.). Однако с самого начала к ним должны постепенно, дозированно добавляться те группы лексики, которые, может быть, не так часто встречаются в повседневном общении, но частотны в любой сфере устного перевода при любой его тематике. Это контрастивная топонимика, личные имена, лингвоэтнические реалии, фразеологизмы и образные клише, термины общественной жизни. Представим каждую группу в отдельности.

Контрастивная топонимика

Основная масса географических названий воспринимается как транскрипционное

соответствие, легко опознается на слух и воспроизводится способом межъязыковой переводческой транскрипции. Эта привычка наталкивает на ошибки в переводе, когда переводчик встречается с другим способом передачи – традиционным. Именно слова с такими отклонениями образуют группу контрастивной топонимики: *Братислава – Pressburg, Черногория - Montenegro, Влтава – Moldau* и т. п. Часть этих соответствий, где внешнее оформление в ПЯ существенно отличается (другой корень, другие фонемы, как в только что приведенных примерах), усваиваются достаточно легко; сложнее усвоить топонимы, которые отличаются лишь частью фонем, – как правило, это окончания: *Париж - Paris*.

Для любой пары языков проблема контрастивной топонимики существует. Правда, набор топонимов в каждом случае разный. Ближайшая задача профессионального обеспечения переводчиков – создание специальных словарей-справочников, а пока их нет – списки наиболее частотных контрастивных топонимов должны быть составлены преподавателями и включены в обучение устному переводу на самом раннем этапе. Переводчику же, которому учиться некогда, придется эти списки составить и заучить самому, помня, что топонимы в лексическом составе языка – особая группа.

Сложности усвоения топонимов прежде всего, как и всех имен собственных, заключаются в их однозначной соотнесенности (связаны только с одним объектом действительности) и почти всегда – в непрозрачности» значения, полной затемненности внутренней формы. Но, однако, запомнить их надо точно и воспроизводить безошибочно. Здесь подойдет и аналитическое знакомство с ними по тематическим группам – отдельно гидронимы, отдельно города и т. п.

Иногда топонимы одной тематической группы оформлены по одной и той же, определенной словообразовательной модели, например названия стран: русские – *Италия, Испания, Бельгия* и, например, немецкие – *Italien, Spanien, Belgien* и т. п., но тем опаснее наткнуться на исключения, которые также многочисленны: *Франция, но Frankreich, Дания, но Dønemark*, так что соответствие модели и тематической группы оказывается мнимым.

Поэтому аналитические способы усвоения, привлекающие логику и когнитивные ассоциации, необходимо дополнить надежными приемами мнемотехники. Из уже описанных мнемотехнических приемов на долговременное запоминание, прежде всего, нацелены созвучия:

Безусловно, именно контрастивную топонимику стоит включать в упражнения по мнемотехнике на начальном этапе – с заданием повторить перечислительный ряд или перевести на другой язык. При этом основные правила организации таких упражнений остаются неизменными:

1. желателен эффект неожиданности, который в данном случае легко организуется с помощью чередования контрастивной топонимики и топонимики, имеющей «правильные» транскрипционные соответствия;

2. последовательно проводимый тематический принцип (например, только названия рек)

возможен, но не продуктивен, и нет оснований его придерживаться.

Личные имена

Фонд личных имен, которые переводчику необходимо иметь в активном запасе, отличается от фонда топонимов тем, что в нем есть большой запас слов, постоянно меняющихся. Это имена современных общественных деятелей; политиков, художников, писателей, религиозных деятелей. Сегодня они у всех на слуху, а завтра преданы забвению. Значит, этот фонд в своем активном запасе переводчику придется все время обновлять. Помимо этого, имеется достаточно устойчивый запас имен, навсегда вошедших в историю цивилизации. С них, пожалуй, и стоит начать тренинг. Ведь какую-то (иногда – значительную) долю их человек знает с детства.

Однако подчеркнем особо, что одной общей эрудицией, профессионально необходимой всякому переводчику, здесь не обойтись. Она лишь подсказывает нам, кто носители данных имен и почему они человечеству известны. Переводчику же необходимо уметь правильно идентифицировать их на слух и, главное, знать их соответствия на языке перевода (и родном, и иностранном).

И на этапе идентификации, и на этапе выбора соответствия перед переводчиком встают проблемы разной степени сложности. На этапе идентификаций он уверенно распознает любые русские личные имена в русском контексте и любые немецкие личные имена в немецком контексте.

С такими именами переводчику проще всего и на этапе перевода: он их либо транскрибирует, либо – в отдельных исключительных случаях – передает по традиции. Но далее возникают сложности уже на этапе идентификации. Их может вызвать отсутствие навыка восприятия, например, русских – казалось бы родных – имен, произносимых на иностранном языке, а также незнание исконного аналога иностранного имени.

Особенно сложна идентификация имен из каких-либо третьих языков. Риск потери информации при переводе личных имен можно уменьшить, если фонд частотных имен сделать для переводчика ожидаемым, прогнозируемым, то есть, заранее познакомить его с частотными личными именами и соответствиями к ним. Фонд частотных личных имен необходимо выявить и включить в тренинг переводчиков на самом раннем этапе.

Лингвоэтнические соответствия

При переводе любой сложности и на любую тему переводчику обязательно встретятся экзотизмы – слова, обозначающие специфические понятия данного этнического ареала. Практически всегда они передаются на язык перевода с помощью межъязыковой транскрипции, и лишь для некоторых существует возможность лексической замены по принципу генерализации понятия. Предусмотреть все случаи встречи с экзотизмами невозможно, да и не нужно. Для переводчика, пожалуй, важно быть готовым к трем ситуациям перевода:

Первая ситуация. Экзотизм частотен в сфере межъязыковой коммуникации для данной пары языков и относится к родному языку переводчика. Как своего рода лингвоэтнический эксперт, переводчик должен знать, что на языке перевода (иностранном) это слово воспринимается как экзотизм, и обязан активно владеть транскрипционным либо (если он есть) традиционным вариантом перевода. Теми же экспертными знаниями, и в равной мере, переводчик должен обладать по отношению к своему рабочему иностранному языку.

Именно этот, первый, случай имеется в виду, когда мы говорим о наращивании активного запаса лексики. Эти экзотизмы и их соответствия переводчик должен знать наизусть. Однако в данном случае наиболее продуктивным нам представляется знакомство с ними и усвоение их в контексте, ибо хотя они и обладают непрозрачной внутренней формой, однако имеют весь комплекс значений (денотативное, сигнификативное и т. п.), свойственный языковому знаку, и их реализация в контексте облегчает усвоение.

Так что для тренинга рекомендуется подбирать отдельные предложения и фрагменты текста, где встречаются частотные экзотизмы, и предлагать будущим переводчикам пофразовый перевод (продуктивен в этом случае в первую очередь пофразовый «эхо-перевод»). Состав экзотизмов в каждом языке подвижен, и материал упражнений преподавателю придется постоянно обновлять.

Вторая ситуация. Экзотизм случаен, нечастотен, сугубо регионален. Например, переводчику довелось переводить описание быта уральских крестьян, и оратор употребил местное название приспособления для ловли рыбы – «морда». Такого рода экзотизмы всегда транскрибируются, и по специфическому вводу нового понятия, который обычно предшествует в речи самому слову, переводчик в ходе работы определяет, что незнакомое слово следует транскрибировать: *«Местные жители сетями почти не пользуются, ставят поперек течения специальные ивовые корзинки – МОРДЫ».*

В ходе обучения устному переводу переводчика нужно познакомить с тем, как ему поступать в подобной ситуации, и предложить несколько фраз, пояснив причины транскрипционного перевода.

Третья ситуация. Экзотизм, судя по вербальному контексту перевода, употреблен для характеристики лингвоэтнической специфики, не связанной ни с языком оригинала, ни с языком перевода. И для языка оригинала, и для языка перевода он является неким транскрипционным подобием его оформления в языке оригинала – китайском, хинди, арабском и т. п. Переводить такие экзотизмы переводчику хоть и нечасто, но придется, а для их транскрибирования на слух нужен навык. Поэтому упражнения, задачей которых является восприятие и воспроизведение экзотических, не связанных прямо со значением сочетаний фонем, необходимы. Начинать лучше с упражнений по запоминанию фрагментов текста (1-2 фразы), содержащего экзотизмы. Предварительно можно предложить упражнение на запоминание и перевод перечислительного

ряда, составленного из этих экзотизмов. Для таких упражнений предпочтителен вариант неиндоевропейских экзотизмов.

Фразеологизмы и образные клише

Эти лексические единицы создают характерный уровень образного оформления официальной речи на любую тему и любого жанра. Переводчику насущно необходимо иметь в своем активном запасе соответствия к ним, поскольку встречаются они часто, а переводятся, как известно, не слово в слово. Перевод их основан на поиске функционального аналога, а ориентиром служит семантическое тождество:

Рус: *снимать сливки* (семантика: «выгодно пользоваться самым лучшим»).

Нем.: *Rosinen herauspieken* (буквально: «выклеивать изюм»; семантика: «выгодно пользоваться самым лучшим»).

Как правило, образ, если он есть (в нашем примере это «сливки»), сохранить не удастся, да и не требуется – важно подобрать оборот с такой же семантикой. Возникает вопрос: обязательно ли передавать в устном переводе фразеологизм именно фразеологизмом? Гораздо проще и быстрее сообразить, что он означает, и передать его смысл словами в прямом значении. Действительно, в устном переводе при дефиците времени это часто – наилучший выход. Но, к сожалению, фразеологизмы служат не только для передачи определенного предметного содержания, как уже было отмечено вначале, – они придают устной речи особую стилистическую окраску: одновременно и создают разговорную живость, и служат эстетическим украшением. Поэтому, хотя число фразеологизмов в устном тексте переводчика неизбежно сократится, часть их должна сохраниться, поскольку фразеологизмы явно относятся к инвариантно-вариабельным компонентам содержания. (То есть могут заменяться, но должны сохраняться.)

Значит, о создании минимального активного запаса соответствий в арсенале переводчика необходимо позаботиться.

В него, безусловно, должны войти те случаи, когда фразеологизм ритмичен или даже содержит рифму, а в языке перевода имеется также рифмованное, легко запоминающееся соответствие.

После обсуждения соответствий их нужно закрепить в контексте, где они реально встречаются. Пожалуй, для учебных целей процент фразеологизмов в готовом материале (интервью, телепередачах, речах) недостаточно высок, потому стоит намеренно пресыщать фразеологизмами упражнения, предназначенные для тренинга переводчиков.

Помимо фразеологизмов, в активном запасе переводчика должно быть достаточное количество клишированных образных оборотов речи, также частотных в устных текстах, в частности в журналистском репортаже, – не лексикализованных, но к фразеологизмам приближающихся. Клише, судя по опыту работы с ними, лучше вводить прямо в контекст,

поскольку значительная часть их представляет собой традиционные метафоры и может быть передана с ходу, с сохранением образа. Однако при анализе переведенного на занятия текста соответствие лучше уточнить, а затем, для закрепления, предложить и обратный перевод.

Термины общественной жизни и клишированная сочетаемость в этой сфере

Лексика сферы общественной жизни, куда входят обозначения ключевых (но не специальных!) понятий политики, экономики, культуры, науки, социального обеспечения, экологии, должна составлять основной фон упражнений и текстов для перевода на начальном этапе обучения. Вся она должна постепенно войти в активный запас. К этому можно добавить названия организаций и учреждений в полном и сокращенном варианте и общепринятые соответствия на языке перевода. В разных переводческих школах для систематизации лексического запаса этого рода практикуется: составление тезаурусов, выступление с «докладами», презентировавшими основную лексику на одну из названных выше тем; сопоставительное изучение устных и письменных текстов СМИ на родном и иностранном языке, чтобы познакомиться заранее с употреблением этой лексики в контексте.

Особую и очень важную проблему представляет освоение клишированной сочетаемости в сфере терминов общественной жизни. Незнание этой сочетаемости иногда непоправимо портит картину перевода начинающего переводчика. Речь идет об устойчивой реализации одного из значений слова в его сочетании с определенными словами. Причем по сочетанию слов в подлиннике нельзя догадаться о том, как будет выглядеть соответствие в переводе, поскольку соответствия не выводятся из значений каждого отдельного слова, входящего в сочетание. Такие обороты речи, как *«кризис доверия»*, *«непреодолимые препятствия»*, *«сезон в разгаре»*, *«мрачные прогнозы»* при переводе на иностранный язык требуют значения готового соответствия. Важность активного владения такого рода лексикой для переводчиков заставляет методистов перевода создавать специальные циклы упражнений, целью которых является внедрение в активный запас максимально большого числа таких клишированных терминологических оборотов и их соответствий, – с тем, чтобы преодолеть русификацию перевода на иностранный язык.

Упражнения по мнемотехнике

Цель их – развитие объема оперативной памяти, освоение вспомогательных приемов запоминания. Помните, что навык владения мнемотехникой может утратиться, и с методикой этих упражнений студентов необходимо познакомить.

Мнемотехника позволяет развить качественную и позиционную память, то есть запоминание большого объема информации и порядка следования единиц информации. Основой являются внеконтекстные упражнения. Вот их основные типы:

Слова

Студентам зачитывается ряд слов, первоначально 3-4 (например: *кабан, олень, лось, корова*),

а они должны их повторить. Каждый студент получает свои слова. Тематическое единство лексического ряда в данном случае предпочтительно, так как устный перевод, как правило, содержит семантически близкие компоненты, однако создавать тематическое единство в целом цикле упражнений не стоит.

Во-первых, возникнет сразу эффект ожидания слов на определенную тему. Переводчику же в реальной работе надо быть готовым к появлению совершенно неожиданной в данном контексте информации. Поэтому в наших упражнениях тематический ряд время от времени разбивался неожиданным словом. Например: *куница, хорек, волк, змея, жаба, телевизор(!), лягушка* и т. п.

При обучении языкам такая методика нацелена на запоминание неожиданно возникшего слова; здесь же вырабатывается навык совсем другой – привыкнуть к неожиданной информации, уметь запоминать ее в общем ряду, не выделяя, так как требование сохранения порядка следования информации остается с самого начала строгим.

Во-вторых, будущему переводчику с помощью этих упражнений придется преодолеть «взрослый» навык логически организованного запоминания и включить прежний, «детский» навык абсурдного, линейного запоминания, а также навык ассоциативного запоминания. Почему же от «взрослого» навыка лучше отказаться? Да потому, что логически организованное запоминание не обеспечивает полной передачи всех компонентов перечислительного ряда и малоэффективно, когда эти компоненты равноположены. В ряду слов «*кабан, олень, лось, корова*» этот навык может по логическому принципу связать при запоминании слова «*олень, лось, корова*» (животные с рогами), и первый по очередности компонент («*кабан*») при передаче утратится. Неэффективен логический навык и при запоминании ряда топонимов или личных имен.

Итак, после важных предварительных замечаний о роли эффекта неожиданности и непродуктивности логического запоминания вернемся к материалу и построению самих упражнений. Начать лучше всего с нескольких русских слов, которые предлагается повторить.

Количество компонентов в ряду постепенно, от занятия к занятию, надо наращивать. Затем предлагается перевести те же слова с русского языка на иностранный. Преподаватель зачитывает вслух опять 3-4 слова и просит перевести их, стараясь, чтобы студентам не попались именно те слова, которые они повторяли.

Следующий по сложности этап – повторение трех – четырех (а позже – более) слов на иностранном языке и перевод их на русский.

Как уже отмечалось, тематический принцип естествен внутри перечислительного ряда, но не обязателен и не должен превращаться в систему. Однако его очень удобно использовать в подготовительных упражнениях перед освоением конкретного текста при работе над переводческими жанрами. (Например, перед тренингом последовательного перевода интервью на тему автомобилестроения можно дать упражнение на запоминание с использованием

автомобильных терминов.) В общей системе обучения на переводческом отделении удобно координировать материал с аспектом разговорной практики и т. п.

Рады чисел

Среди тренировочных упражнений на безассоциативное запоминание далее по сложности следуют упражнения на запоминание рядов чисел. Сложнее они прежде всего тем, что переключают восприятие на другой тип кодирования информации – цифровой (как известно, это кодирование, специализирующееся на передаче количественной информации).

Опыт показал, что числовую информацию продуктивнее сначала давать в виде ряда чисел на русском языке для простого повторения на слух; затем – для перевода на иностранный язык. Упражнения на числа утомительны, так как совершенно безассоциативны, поэтому им стоит уделять немного времени (5-10 минут) в начале занятия и затем дополнять комплексными упражнениями на повтор чисел и согласованных с ними существительных; цифры, естественно, не должны повторяться. К ним можно добавить упражнения на пофразовый перевод, где могут тренироваться одновременно навыки запоминания чисел, личных имен, топонимов и навыки компрессии или развертывания структуры.

Не стоит подряд давать более четырех упражнений на повтор и перевод цифрового ряда. Оптимально, чтобы на одном занятии были представлены все четыре типа: повтор на русском языке, повтор на иностранном языке, перевод с русского, перевод с иностранного – таким образом, вы с первых занятий начинаете вырабатывать у студентов навык переключения с языка на язык.

Топонимы

Третий вид материала для безассоциативного запоминания – это топонимы. Здесь – проводить отчетливую границу между топонимами известными и неизвестными, а также – между лингвострановедчески ориентированными и экзотическими (происходящими из незнакомых переводчику языков). На базе известных топонимов (континенты, страны, крупные города, международные гидронимы) можно строить тренировочные упражнения на запоминание порядка следования (не забывать о необходимости создания эффекта неожиданности!), например:

- *Китай, Иран, Франция, ЛОНДОН, Швеция.*

- *Сомали, Дания, ПАРИЖ, Австралия, Чехия.*

Перечислительный ряд можно наращивать, так как знакомые топонимы (как и все имена собственные) запоминаются легко, поскольку обладают однозначной соотнесенностью с действительностью.

Особенно благоприятны для упражнений начального этапа именно знакомые, наиболее известные лингвострановедчески ориентированные топонимы. Не пренебрегайте такими упражнениями! Сам факт, что студент легко сможет повторить 10 названий русских городов (10

единиц информации, тогда как средняя норма для непрофессионала составляет 7 единиц!) – и сделает это уже в начале обучения – поможет ему поверить в свои силы. Пусть ему будет легко (временами)! Далее по сложности стоят незнакомые топонимы на родном языке, затем – на языке перевода. Здесь облегчающим моментом является знание принципов их построения, знакомство с частотными словообразовательными моделями. Возможен вариант использования упражнений на микротопонимику городов, каждому из студентов предлагается и читается для запоминания свой маршрут.

И наконец, сложнее всего для освоения – перечислительный ряд, построенный на экзотической топонимике (японской, индийской, африканской и т. п.). Навык копирования абсолютно незнакомых звуко сочетаний нужно, однако, вырабатывать неуклонно и начинать лучше всего с 1-2 единиц, постепенно приучая студентов к воспроизведению их в контексте с максимально знакомой лексикой, например: *«В городах Мадаба, Мтвара и Кимханду в понедельник прошли сильные дожди».*

Имена

Четвертая разновидность материала для безассоциативного запоминания – личные имена. По легкости усвоения здесь на первом месте также – имена с лингвострановедческой ориентированностью:

- *Собчак, Рострапович, Шукшин, Лебедев*

- *Шемякин, Шнитке, Брынцалов, Киселев.*

Принципы построения упражнений – те же, что и для топонимов. Задачу можно усложнить использованием двух- и трехчастных имен. Здесь также уместно использовать эффект неожиданности, вводя знакомые имена.

А самыми сложными для запоминания являются экзотические имена. Напомните студентам, что с проблемой передачи личных имен они обязательно столкнутся в официальном устном двустороннем переводе, скажем, при переводе речи, содержащей имена политических деятелей, причем порядок их следования ни в коем случае перепутать нельзя и звучать они в переводе должны корректно.

Реалии-деньги и реалии-меры

Этот материал очень удобен для тренировки памяти, а сами названия денежных единиц и мер, знание их соотношений рано или поздно переводчику пригодятся. Так что это одновременно и работа над активизацией запаса частотных лексем. Вот приблизительный материал для создания упражнений по мнемотехнике. Возьмем для примера единицы длины и единицы иностранных валют.

На основе материалов с использованием мер длины, а также значений и названий денежных единиц иностранных валют составляются различные виды упражнений на перечисление.

1) Упражнение на запоминание простого перечислительного ряда, скажем:

- *золотые, динары, франки, сентаво;*

- *кроны, гульден, тугрики, марки* и т. п.

2) Выработка ассоциаций со страной и дополнительных знаний – названий мелкой монеты:

- *Австралия: 1 австр. фунт = 20 шиллингам*

- *Ирак: 1 динар = 1000 филсам* и т. п.

3) Упражнения только на многозначные реалии-деньги. Вы называете многозначную денежную реалию (например, доллар), а студенты перечисляют страны, в которых она находится в обращении.

4) Упражнение на запоминание осложненного перечислительного ряда:

- *1 лек, 5 афгани, 12 пенсов*

- *30 пиастров, 7 риалов, 6 юаней*

- *40 вон, 40 сентаво, 34 эре*

5) Упражнение на запоминание осложненного перечислительного ряда с эффектом неожиданности, вместо одной из реалий-денег вставляем реалию меру, например, вместо 7 риалов - 7 сантиметров). Задача студентов – преодолеть эффект неожиданности, а не идти на поводу у привычных реакций. В данном случае – стараться, чтобы неожиданное слово «сантиметры» не повлияло на полноту запоминания.

2. Дайте определение мнемотехнике, выясните, какую роль она играет в обучении студентов-переводчиков.

3. Выполните следующие упражнения по мнемотехнике:

Упражнение 1. Все студенты разбиваются на пары, каждый студент придумывает несколько (три – четыре) рядов слов, при этом предпочтительно тематическое единство лексического ряда. В каждом ряду должно быть не менее 6 – 7 слов. *Например: самолет, грузовик, троллейбус, трамвай, автобус, поезд, пароход, мотоцикл.* Затем студенты из пары зачитывают друг другу придуманные ряды, задание – повторить ряды слов, при этом слова должны повторяться в исходной последовательности. Для начала возможны тренировки из рядов 3 – 4 слов.

Упражнение 2. Студенты придумывают ряды слов, как в предыдущем упражнении, однако в каждый из рядов слов необходимо включить одно – два «неожиданных» слова, совершенно не соответствующих тематике основного ряда. *Например: куница, хорек, волк, змея, жаба, телевизор(!), лягушка.* Цель обучаемых такая же, как и в предыдущем упражнении.

Упражнение 3. В данном упражнении студенты придумывают и повторяют не просто слова, а ряды чисел, причем сначала на русском языке, затем – те же числа на языке перевода. Ряды желательно формировать из двух-, трех-, четырехзначных чисел, сначала из 3 – 4 слов,

далее – из 5 – 6 слов. Упражнению уделяется не более 5 – 10 минут, поскольку ряды чисел являются совершенно безассоциативными, а потому трудны для запоминания.

Упражнение 4. Третий вид материала для безассоциативного запоминания – это топонимы. Студенты придумывают и повторяют ряды топонимов.

На базе известных топонимов (континенты, страны, крупные города, международные гидронимы) можно строить тренировочные упражнения на запоминание порядка следования (не забывать о необходимости создания эффекта неожиданности!), например:

- *Китай, Иран, Франция, ЛОНДОН, Швеция.*

- *Сомали, Дания, ПАРИЖ, Австралия, Чехия.*

Перечислительный ряд можно наращивать, начиная с 5 – 6 и до 10 топонимов, так как знакомые топонимы (как и все имена собственные) запоминаются легко, поскольку обладают однозначной соотнесенностью с действительностью.

Упражнение 5. Следующая разновидность материала для безассоциативного запоминания – личные имена. По легкости усвоения здесь на первом месте также – имена с лингвострановедческой ориентированностью:

- *Собчак, Рострапович, Шукиин, Лебедев*

- *Шемякин, Шнитке, Брынцалов, Киселев.*

Принципы построения упражнений – те же, что и для топонимов. Задачу можно усложнить использованием двух- и трехчастных имен. Здесь также уместно использовать эффект неожиданности, вводя знакомые имена.

Упражнение 6. Используя приведенную ниже таблицу, составьте следующие упражнения:

1) Упражнение на запоминание простого перечислительного ряда, скажем:

- *злотые, динары, франки, сентаво;*

- *кроны, гульден, тугрики, марки* и т. п.

2) Выработка ассоциаций со страной и дополнительных знаний – названий мелкой монеты:

- *Австралия: 1 австр. фунт = 20 шиллингам*

- *Ирак: 1 динар = 1000 филсам* и т. п.

3) Упражнения только на многозначные реалии-деньги. Называется многозначная денежная реалья (например, доллар), а студенты перечисляют страны, в которых она находится в обращении.

4) Упражнение на запоминание осложненного перечислительного ряда:

- *1 лек, 5 афгани, 12 пенсов*

- *30 пиастров, 7 риалов, 6 юаней*

- *40 вон, 40 сентаво, 34 эре*

5) Упражнение на запоминание осложненного перечислительного ряда с эффектом неожиданности, вместо одной из реалий-денег вставляем реалию меру, например, вместо 7 риалов - 7 сантиметров). Задача студентов – преодолеть эффект неожиданности, а не идти на поводу у привычных реакций. В данном случае – стараться, чтобы неожиданное слово «сантиметры» не повлияло на полноту запоминания.

Ряды, содержащие реалии-меры и реалии-деньги, так же, как и ряды чисел, должны содержать не более 4 – 5 единиц, поскольку также являются совершенно безассоциативными.

Единицы длины, или меры длины:

1. миля англ. (сухопутная) = 1760 ярдам = 5280 футам = 1 British mile (Statute) 1,609 км
2. 1 миля англ. (морская) = 6080 футам = British mile (Nautical) 1853,2 м
3. 1 ярд = 3 футам = 36 дюймам 91,44 см
4. 1 фут = 12 дюймам => 304,8 мм
5. 1 дюйм = 0,0833 фута = 25,4 мм

Единицы иностранных валют:

1. Австралия: 1 австр. фунт = 20 шиллингам. (1 австр. доллар = 100 центам.)
2. Австрия: 1 шиллинг = 100 грошам
3. Албания: 1 лек = 100 киндаркам
4. Аргентина: 1 песо = 100 сентаво
5. Афганистан: 1 афгани = 100 пулам
6. Бельгия: 1 франк = 100 сантимам
7. Бирма: 1 кьят = 100 пья
8. Болгария: 1 лев = 100 стотинкам
9. Великобритания: 1 фунт стерлингов = 20 шиллингам, 1 шиллинг = 12 пенсам, 1 гиней = 21 шиллингу. (По новой системе: 1 фунт = 100 пенсам.)
10. Венгрия: 1 форинт = 100 филлерам
11. Вьетнам: 1 донг = 10 хао = 100 су
12. Германия: 1 марка = 100 пфеннигам
13. Гвинея: 1 франк = 100 сантимам
14. Греция: 1 драхма = 100 лептам
15. Дания: 1 крона = 100 эре
16. Египет: 1 егип. фунт = 100 пиастрам = 1000 милльем
17. Израиль: 1 израильский фунт = 1000 прутам
18. Индия: 1 рупия = 16 аннам = 192 пайрам
19. Индонезия: 1 рупия = 100 сенам
20. Ирак: 1 динар = 1000 филсам

21. Иран: 1 риал = 100 динарам
22. Исландия: 1 крона = 100 эйре
23. Италия: 1 лира = 100 чентезимо
24. Канада: 1 канадский доллар = 100 центам
25. Китай: 1 юань = 10 цзяо = 100 фыням
26. Корея: 1 вона = 100 чонам
27. Ливан: 1 ливанский фунт = 100 пиастрам
28. Люксембург: 1 франк = 100 сантимам
29. Мексика: 1 песо = 100 сентаво
30. Монголия: 1 тугрик = 100 мунгу
31. Нидерланды: 1 гульден (флорин) = 100 центам
32. Новая Зеландия: 1 фунт = 20 шиллингам
33. Норвегия: 1 крона = 100 эре
34. Пакистан: 1 рупия = 16 аннам = 192 пайрам
35. Польша: 1 злотый = 100 грошам
36. Румыния: 1 лея = 100 бонам
37. Сирия: 1 сирийский фунт = 100 пиастрам
38. США: 1 доллар = 100 центам
39. Турция: 1 лира (фунт) = 100 пиастрам (курушам)
40. Уругвай: 1 песо = 100 сентесимо
41. Финляндия: 1 марка = 100 пенни
42. Франция: 1 франк = 100 сантимам
43. Чехия: 1 крона = 100 геллерам
44. Швейцария: 1 франк = 100 сантимам
45. Швеция: 1 крона = 100 эре
46. Шри-Ланка: 1 рупия = 100 центам
47. Югославия: 1 динар = 100 пара
48. Южно-Африканский Союз: 1 фунт = 20 шиллингам, 1 шиллинг = 12 пенсам
49. Япония: 1 иена = 100 сенам.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.

2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.
4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука,

2006. – 144с.

22. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.

23. Чужакин А. П. Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.

24. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.

25. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Миголатьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Миголатьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozental/index.html>

ТЕМА 8

МНЕМООБРАЗЫ. ЗАПОМИНАНИЕ С ОПОРОЙ НА МНЕМООБРАЗ СОЧЕТАНИЯ ЦИФРОВОЙ И ВЕРБАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

ПЛАН

1. Мнемобразы в обучении синхронных переводчиков.
- 2 Мнемобраз и его значение для безассоциативного запоминания.
3. Красочное запоминание линейных и объемных мнемобразов.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Рассмотрите основные теоретические проблемы обучения переводчиков мнемотехнике, обратив особое внимание на технику выполнения упражнений с мнемобразами.

Мнемобразы

Опорным средством безассоциативного запоминания могут служить мнемобразы. Они, как показывает практика, гораздо более надежны в ситуации перевода, чем логический принцип запоминания. Хотя многие переводчики обходятся и без них.

Используются линейные и объемные мнемобразы. Линейные мнемобразы удобны для запоминания последовательности единиц информации и одновременно – запоминания однотипной характеристики единиц. Это может быть образ поезда с вагонами разного цвета, вереница машин на стоянке, полка с книгами и т. п. Поясним их использование на примере мнемобраза поезда. Мнемобраз должен быть стабильным. Нужно запомнить его в этом стабильном оформлении и вызывать в памяти, когда понадобится. В наглядном мнемобразе поезда четыре или пять вагонов: первый – всегда красный, второй – синий, третий – желтый, четвертый – зеленый, пятый – коричневый. Красочное изображение такого поезда надо показать студентам в самом начале тренинга с использованием мнемобразов. Они должны как следует его запомнить и научиться быстро вызывать в памяти. Проверьте их навык. Предложите им сразу после демонстрации картинки нарисовать фломастерами свой «поезд». Дайте им то же задание в начале следующего занятия. Иначе говоря – прежде всего надо убедиться, что мнемобраз закрепился в сознании и воображении. Затем можно наполнять его информацией. Начать эффективнее всего с перечислительного ряда слов на родном языке. Для образца возьмем материал нашего самого первого упражнения:

Куница – хорек – волк – змея – жаба.

От конкретных имен нарицательных можно перейти к абстрактным:

Образование – культура – искусство – наука – техника.

Вскоре большинство студентов обнаружат, что с помощью мнемобраза они могут запомнить больше единиц информации, и хотя поначалу будут пропускать некоторые

«вагончики», но в последовательности не собьются.

Далее «посадите» в вагончики ряды чисел, топонимы, личные имена. Упражнения такого типа с мнемобразами нужно обязательно продолжать дома, вне занятий.

Следующий уровень сложности – запоминание с опорой на мнемобраз сочетания цифровой и вербальной информации:

5 волков – 20 зайцев – 3 лисы – 68 хорьков – 7 лягушек .

Может быть, кому-то для запоминания информации такого смешанного типа больше подойдет мнемобраз ряда автомобилей с номерными знаками.

Объемные мнемобразы: образ витрины, образ комнаты, наполненной вещами, – используются для запоминания информации, закодированной более сложно и представляющей собой фрагмент текста или текст. Мы предлагаем начать с ними упражнения тогда, когда линейные мнемобразы уже хорошо закрепятся и навык запоминания информации в виде текста станет основной задачей.

2 Выясните, что есть мнемобраз, их значение для безассоциативного запоминания.

3. Приведите примеры красочного запоминания, линейных и объемных мнемобразов.

4. Выполните упражнения из предыдущего практического занятия с использованием мнемобразов.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.

2. Бархударов Л. С. Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.

3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.

4. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.

5. Виноградов В. С. Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.

6. Иванов А. О. Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.

7. Казакова Т. А. Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.

8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.
23. **Чужакин А. П.** Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.
24. **Швейцер А. Д.** Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.
25. **Швейцер А. Д.** Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. **Владимирова В. Г.** К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с

использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Мигولاتьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Мигولاتьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozentel/index.html>

ТЕМА 9
МНЕМОСТИХИ. ПОВТОРЕНИЕ УПРАЖНЕНИЙ НА
БЕЗАССОЦИАТИВНОЕ ЗАПОМИНАНИЕ

ПЛАН

1. Мнемостиhi.
2. Упражнение «Снежный ком».

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Рассмотрите основные теоретические проблемы обучения переводчиков мнемотехнике, обратив особое внимание на технику выполнения упражнений по запоминанию мнемостихов.

Мнемостиhi

Интенсивное обучение переводу создает высокие психические, умственные и физические перегрузки!

Поэтому специальные приемы или упражнения, нацеленные на снятие напряжения, снятие стресса обучения, представляются нам очень важными. Какими они будут – зависит от стиля работы конкретного преподавателя. Это могут быть просто «байки» из жизни переводчиков, хотя я лично предпочитаю, чтобы и они были не случайны, а «работали» на создание нужной установки, были, что называется, поучительны. Уже упоминались специальные приемы снятия стресса – аутогенные упражнения, обычно наибольшей популярностью пользуются развлекательные упражнения. Среди них на первом месте, безусловно, мнемостиhi.

Это могут быть любые стихи на любую забавную тему, где есть повторение единиц информации одного типа – их несложно найти в огромном фонде классической и современной поэзии. Конечно, лучше всего, если преподаватель напишет стихи сам, чтобы они точно соответствовали тем целям, которые он ставит в данный момент: запоминание личных имен, топонимов, чисел, качественных характеристик предмета или что-то еще.

Студенты обнаружат, что в стихах они запоминают значительно больше единиц информации, чем безассоциативно, с помощью мнемобразов или в обыкновенном прозаическом тексте.

Поэтому есть смысл щедро предлагать мнемостиhi на начальном этапе обучения, чтобы каждый смог почувствовать себя на высоте. Секрет прост: стихи устроены так, что в них есть масса средств поддержки ассоциативных связей (конечная и внутренняя рифмы, размер, лексические, синтаксические, морфемные повторы, архитектура строфы). Все это создает дополнительные связи между словами. Этими особенностями сейчас широко пользуются создатели рекламных текстов.

Если вы внимательно проанализируете любое стихотворение, предназначенное для

выполнения упражнений по мнемотехнике, то обнаружите несколько дидактических хитростей. Во-первых, в качестве основы предлагается несколько единиц однотипной информации, это число даже бывает названо вначале. А студенты уже, безусловно, знают о том, сколько именно единиц информации доступны для запоминания при среднем объеме нетренированной памяти. И когда они выполняют задания, неизбежно выяснится, что они-то запомнили больше!

Но для этого вы намеренно заложили в структуру стихотворения вспомогательные средства: смежную рифму определенных строк, перекрестную рифму нужных фраз; особо выделили с помощью позиций и определений нужную информационную единицу.

Вообще, мнемостиhi разумнее всего «конструировать» по ходу обучения, учитывая пристрастия, интересы и настрой группы, а также те основные умения, которые в данный момент важнее всего закрепить.

«СНЕЖНЫЙ КОМ»

Своеобразное развлечение представляет собой также и упражнение типа «Снежный ком». Его принцип позаимствован из известной забавы. Кто-то (в нашем случае – преподаватель) читает первую строчку – студент ее повторяет; преподаватель читает вторую – студент повторяет первую и вторую; читается третья – повторяются все три и т. д. В конце нужно повторить весь текст.

С каждой строчкой растет количество слов и усложняется синтаксическая структура. Вспомогательным средством для запоминания является, как правило, как и в стихах, ассоциативная связь слов по звучанию – например, в каждой строчке все слова начинаются на одну букву/звук (аллитерируют). Элемент абсурда помогает закрепить навык безассоциативного (нелогического) запоминания. Навык ступенчатого удлинения структуры смыкается с навыком синтаксического развертывания, только в данном случае предлагается развертывание линейное. Кстати, для этого удобнее всего варианты «снежного кома», сконструированного на основе одной структуры.

Короче говоря, возможности «снежного кома» весьма широки, и вы можете с помощью него решать разные тренировочные задачи, строя упражнение, например, на материале нужной вам лексики. Труднее дается воспроизведение «снежного кома» на иностранном языке; тогда можно предложить облегченный вариант задачи: каждый должен повторить лишь две соседние строчки.

2. Расскажите о том, что есть мнемостиhi и их значения для тренинга переводчика-синхрониста.

3. Выполните следующие упражнения:

Упражнение 1. Выполните упражнение на запоминание и повторение следующих мнемостихов:

Пример 1. Акулы

Тихо.

Океан уснул.

Жили-были семь акул.

Первая – Катя,

Вторая – Ксюша,

Третья – Настя,

Четвертая – Люба,

Пятая – Света,

Шестая – ИРИНА,

Седьмая – МАРИНА.

Акулы были девочки

И прямо вдоль спины

Имели по семь дырочек

С каждой стороны.

Все они были самые-самые.

Катя – самая длинная,

Ксюша – самая сильная,

Настя – самая добрая,

Люба – самая умная,

Света – самая ПРИЯТНАЯ,

Ирина – самая незаметная,

Марина – самая АККУРАТНАЯ.

Однажды акул поймали в аквариум

И стали дрессировать.

И смелая дрессировщица Сью

Стала к ним заплывать.

Их показывали публике,

Публика бросала в них бублики,

А дрессировщица Сью

Плавала между всеми семью.

Иногда они с ней играли,

Но очень редко – съедали.

Среди публики тогда поднималось движение,

И, чтобы спасти положение,

*Этот аквариум шторкой закрывали,
А на другом аквариуме шторку открывали.
Там резвилась акула Даша.
Она была розовая и вдоль спины
Имела восемь дырочек с каждой стороны.
Даша была самая красивая,
И публика уходила счастливая.*

Стихотворение читается группе вслух. Затем даются задания. Основные:

1. Перечислить все женские имена в том порядке, в каком они встречались.

2. Перечислить все, что известно о каждой акуле (не нарушая порядок следования имен) – можно с переключением на другой язык.

3. Попробовать воспроизвести стихотворение целиком.

Пример 2. День рождения

*Был день рожденья у сыча,
И сыч был полон сил.
Он дятла, сойку и грача
На праздник пригласил,
А сорока ему помогала!
Калачи на печи испекала!
Но на запах калача
Весь лес собрался в дом сыча.
Прилетела кукушка – принесла пива кружку,
Прилетела цапля – принесла вина две капли,
Прилетел удод – принес бутерброд,
Прилетела ворона – принесла макароны,
Прилетел снегирь – принес водки пузырь,
Прилетел скворец – принес огурец,
Пришел барсук – принес денег сундук,
Прилетел чижик – принес 10 книжек.
И как начали тут все читать!
Да в карты на деньги играть!
И сыча-трубача прославлять!*

Здесь задача запоминания рассчитана на более тренированную память. Однотипных единиц информации больше – их 12; кроме того, единство ряда разрушает эффект неожиданности, который вы легко обнаружите сами. Однако и стиховых средств ассоциативной связи,

облегчающих запоминание, тоже больше.

Выполните следующие задания:

1. Кто был у сына в гостях – перечислить по порядку .
2. Кто что принес? Перечислить по порядку, что было принесено.
3. Попытаться рассказать стихотворение наизусть!

Упражнение 2. Выполните упражнение следующим образом: преподаватель читает первую строчку – студент ее повторяет; преподаватель читает вторую – студент повторяет первую и вторую; **читается** третья – повторяются все три и т. д. В конце нужно повторить весь текст:

Один оригинальный официоз,

Два диких дикобраза,

Три трепетных тарантула,

Четыре чумазных чародея чесали череп чудака,

Пять пухленьких пигалиц приятно пели, плотно пообедав,

Шесть шустрых шакалов швырялись шелковыми широкополыми шляпами,

Семь смуглых сирот смотрели серые снимки,

Восемь волооких воробьев варили вишневое варенье,

Девять дюжих дурней дразнили деревянного дракона, домогаясь: дядя, дай дыньки!

Упражнение 3. Повторите следующий «снежный ком», сконструированный на основе одной структуры:

Мой друг.

Мой друг пошел в кино.

Мой друг пошел в кино один.

Мой друг пошел в кино один, а девочек не взял.

Упражнение 4. Сконструлируйте подобный «снежный ком» на основе образца из упражнения 3. «Снежный ком» должен содержать 7-9 строк. Попытайтесь воспроизвести все строки.

3. Повторите упражнения из практических занятий 1,2.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

1. **Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
2. **Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
3. **Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.

4. **Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
5. **Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
6. **Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
7. **Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. – 211 с.
8. **Комиссаров В. Н.** Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.
9. **Комиссаров В. Н.** Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.
10. **Комиссаров В. Н.** Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.
11. **Крупнов В. Н.** В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.
12. **Латышев Л. К.** Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.
13. **Латышев Л. К.** Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.
14. **Латышев Л. К.** Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.
15. **Ломакина Е. Н.** Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.
16. **Рецкер Я. И.** Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.
17. **Робинсон Д.** Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.
18. **Романова С. П.** Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.
19. **Сдобников В. В.** Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.
20. **Солодуб Ю. П.** Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.
21. **Утробина А. А.** Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.
22. **Федоров А. В.** Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) /

А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.

23. Чужакин А. П. Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.

24. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.

25. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Мигولاتьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Мигولاتьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozentel/index.html>

ТЕМА 10

СМЕШАННЫЙ ТРЕНИНГ ПО МНЕМОТЕХНИКЕ

ПЛАН

1. Смешанный тренинг по мнемотехнике. Запоминание текста.
2. Внимание переводчика.
3. Мнемотехника + логические операции.
4. Запоминание предложения и смоделированной ситуации.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Рассмотрите основные теоретические проблемы обучения переводчиков смешанному тренингу по мнемотехнике, обратив особое внимание на технику выполнения упражнений.

Смешанный тренинг по мнемотехнике

Запоминание текста

Объем текста, который переводчик может запомнить, – контрольный показатель мобилизованности его памяти на данный момент. Поэтому контрольные проверки объема запоминания текста и упражнения такого рода желательно проводить регулярно на всех этапах обучения.

В таких заданиях для любого человека нет ничего принципиально нового. Еще в школе мы пересказывали тексты и писали изложения. Но для переводчиков необходимы несколько иные требования при воспроизведении текста. Рассмотрим возможные варианты:

1. Максимально точное воспроизведение фрагмента текста на родном языке. Начните с фразы, затем увеличьте объем до нескольких фраз, абзаца, страницы. Предпочтительно начинать с жанра официальной речи, текстов с максимальной частотной лексикой или с художественной прозы, приближенной к разговорному стилю. Позже можно перейти к текстам с более сложными функционально-стилистическими характеристиками. Не исключены дополнительные задания, касающиеся содержания текста или суждений по поводу его содержания. Текст вы зачитываете вслух или включаете магнитофонную запись.

Проводя контрольные проверки длительное время, вы обнаружите парадоксальное явление: сначала будет замечен все увеличивающийся объем оперативной памяти, а затем – все большее количество слов при воспроизведении текста студенты будут заменять синонимами. Это – нормальное явление, свидетельствующее о том, что начал расширяться диапазон вариантов в активном словарно-грамматическом запасе родного языка. Значит, пришла пора возобновить более интенсивный тренинг механического запоминания, поскольку переводчику в его работе иногда требуется запомнить и повторить именно слово в слово, а не вариативно.

В дополнение можно по цепочке восстановить содержание текста.

2. Те же задачи преследуют упражнения по запоминанию текста на иностранном языке (языке перевода).

3. Выборка информации по определенной теме из прослушанного текста. Нужно выбрать и точно воспроизвести только информацию по теме, которую назвал преподаватель. Такого рода запоминание можно совместить с тренировкой навыка переключения: прослушав текст на иностранном языке, тематически объединенную информацию воспроизвести на родном языке, и наоборот.

4. Воспроизведение фрагментов текста на незнакомом иностранном языке. Вряд ли переводчику доведется повторять в его работе значительные фрагменты текста на совершенно незнакомом или малознакомом языке. Но отдельные цитаты (скажем, на латыни, французском языке и т. п.), а также перечисление имен общественных деятелей (например, китайских, африканских), довольно объемные названия организаций – встретятся непременно. Поэтому навык воспроизведения фрагментов с довольно высоким качеством фонетического подражания хорошо бы иметь. Для этого преподавателю стоит запастись магнитофонными записями образцов речи на разных языках. Такого рода упражнения можно вводить на самом раннем этапе обучения. Более широкий круг задач можно обозначить, если в качестве материала для запоминания подобрать текст на близкородственном языке. На занятиях с переводчиками с немецкого таким языком оказался голландский. После выполнения упражнения по запоминанию фрагментов голландского текста (это был юмористический рассказ, состоящий в основном из реплик персонажей) интересно было обсудить содержание, сюжет, дать характеристику персонажам. А будущие переводчики в результате такого упражнения приобретают навык извлекать, в случае крайней необходимости, информацию из текста на малознакомом языке.

Внимание переводчика

При обучении устному переводу студенты с самого начала должны быть ориентированы на активное усвоение и воспроизведение звучащей речи в любой ситуации. Это специфическое «всасывающее» внимание переводчика полезно распространить и на письменный текст. Предложите студентам в качестве отдыха от устной работы в режиме «слух-голос» написать диктант, состоящий из слов, которые они часто видят в письменном оформлении.

Вы можете использовать для диктантов, кроме названий товаров, марок, фирм, также имена известных общественных деятелей, географические названия – все то, что мы часто встречаем и в написании. Конечно, звуковой облик частотной лексики для устного переводчика наиболее значим, но связь его с графическим оформлением должна всегда поддерживаться, особенно это касается частотной лексики с нестандартным графическим и звуковым оформлением (в приведенных выше двух образцах диктантов вы видите в основном слова с графикой не немецкого происхождения). Иначе переводчик невольно сделает ошибку, опираясь при устном переводе на

письменный текст – скажем, в случае устного перевода документа с листа или синхронного перевода с опорой на письменные

Мнемотехника + логические операции

Дополнительные логические задания, часто включаются в упражнения по мнемотехнике. Некоторые методисты-практики предлагают будущим переводчикам упражнения, в которых совмещаются логические операции и тренировка памяти уже на этапе постановки задачи. Например, студентам в быстром темпе зачитываются числа. Они должны отнять от каждого числа 10 или прибавить 1, а затем перевести ответ на иностранный или родной язык. Такие упражнения ориентированы не на расширение объема памяти, скорее на поддержание памяти в мобилизованном состоянии, и предлагаются студентам в качестве «зарядки» в начале занятия по последовательному и синхронному переводу. Вариантом такой «зарядки» может быть перевод глагола с изменением лица и числа.

Особая сложность этого упражнения, для которого также задается высокий темп (ответ должен следовать за репликой преподавателя незамедлительно), в том, что перед студентом – выбор из нескольких возможных форм; ему предлагается усложняющая работу переводчика ситуация: так называемая равноправная вариативность. Несмотря на это, выбор нужно научиться и «между двух огней» делать быстро.

Запоминание предложения и смоделированной ситуации

В предшествующих типах упражнений предлагался тренинг в основном на уровне слова. Как показывает опыт, его постоянно надо подкреплять упражнениями, состоящими из отдельных предложений или организованными как единый текст.

Тип 1. Смоделированная ситуация

Запоминание безассоциативного ряда чисел или/и слов – достаточно трудоемкая задача, поэтому на начальном этапе ее можно облегчать с помощью «вводного» описания игровой ситуации, удобной для подобранного материала.

Тип 2. Запоминание целого предложения, что впоследствии будет способствовать запоминанию переводчиком целого микротекста.

2. Выполните предложенные ниже упражнения:

Упражнение 1. Упражнение на запоминание текста переводчиком. Максимально точное воспроизведение фрагмента текста на родном языке, начиная с фразы, затем объем увеличивается до нескольких фраз, абзаца, страницы.

Упражнение 2. Выборка информации по определенной теме из прослушанного текста. Нужно выбрать и точно воспроизвести только информацию по теме, которую назвал преподаватель.

Упражнение 3. Написать диктант, состоящий из слов, которые студенты чаще всего видят

только в письменном оформлении, это могут быть названия товаров, марок, фирм, также имена известных общественных деятелей, географические названия – все то, что мы часто встречаем и в написании.

Упражнение 4. Преподаватель зачитывает каждому студенту в быстром темпе числа, студент, долго не задумываясь, должен отнять от числа 10 и повторить на иностранном языке. Точно так же зачитывается ряд чисел, студент должен прибавить к услышанному числу 1 и повторить на языке перевода.

Упражнение 5. Повторите следующие ряды слов и чисел. В качестве примера предлагаем упражнение на запоминание перечислительного ряда сочетаний цифр и слов на тему «Продукты питания».

Как долго мы продержимся ?

Нас выбросило на необитаемый остров. На берегу мы обнаружили:

- 1. 240 кг муки, 117 буханок хлеба, 3 ц пряников*
 - 2. 138 кг масла, 54 кг маргарина, 21 кг жира*
 - 3. 147 кг сыра, 19 кг колбасы, 81 кг паштета, 4.2 т яблок, 155 кг бананов, 64 кг апельсинов*
 - 5. 4 т риса, 716 кг макарон, 230 мешков картошки*
 - 6. 517 бутылок лимонада, 82 бутылки сока, 905 бутылок кваса*
 - 7. 676 бутылок вина, 840 банок пива, 974 бутылки коньяка*
- 3. Повторите упражнения из практических занятий 1, 2, 3.*

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Базовая:

- 1. Алексеева И. С.** Профессиональный тренинг переводчика / И. С. Алексеева. – М.: Наука, 2000. – 271 с.
- 2. Бархударов Л. С.** Язык и перевод / Л. С. Бархударов. – М.: Русский язык, 1975. – 311 с.
- 3. Влахов С., Флорин С.** Непереводимое в переводе / С. Влахов. – М.: Прогресс, 1980. – 260с.
- 4. Виноградов В. В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Русский язык, 1963. – 275 с.
- 5. Виноградов В. С.** Введение в переводоведение / В. С. Виноградов. – М.: Просвещение, 2001. – 327 с.
- 6. Иванов А. О.** Безэквивалентная лексика: учебное пособие / А. О. Иванов. – СПб.: Союз, 2006. – 192 с.
- 7. Казакова Т. А.** Практические основы перевода / Т. А. Казакова. – СПб.: Союз, 2001. –

211 с.

8. Комиссаров В. Н. Лингвистика перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1974. – 278 с.

9. Комиссаров В. Н. Слово о переводе / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1973. – 256 с.

10. Комиссаров В. Н. Теория перевода / В. Н. Комиссаров. – М.: Прогресс, 1990. – 250 с.

11. Крупнов В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М.: ВШ., 1976. – 157 с.

12. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы её достижения / Л. К. Латышев. – М.: Прогресс, 1991. – 248 с.

13. Латышев Л. К. Практический курс перевода / Л. К. Латышев. – М.: Просвещение, 2000. – 232с.

14. Латышев Л. К. Технология перевода / Л. К. Латышев. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 452 с.

15. Ломакина Е. Н. Редактирование. Основные «хитрости» профессии переводчика / Е. Н. Ломакина. – М.: Просвещение, 1994. – 280 с.

16. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика / Я. И. Рецкер. – М.: ВШ., 1974. – 157 с.

17. Робинсон Д. Как стать переводчиком: введение в теорию и практику перевода / Д. Робинсон. – М.: Просвещение, 2005. – 304с.

18. Романова С. П. Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова. – М.: Просвещение, 2006. – 172с.

19. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников. – М.: Наука, 2007. – 448с.

20. Солодуб Ю. П. Теория и практика художественного перевода / Ю. П. Солодуб. – М.: Высшая школа, 2005. – 304с.

21. Утробина А. А. Основы теории перевода: конспект лекций / А. А. Утробина. – М.: Наука, 2006. – 144с.

22. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М.: Высшая школа, 1983. – 197 с.

23. Чужакин А. П. Мир перевода / А. П. Чужакин, П. Н. Палажченко. – М.: Прогресс, 2000. – 138 с.

24. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1988. – 194 с.

25. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика / А. Д. Швейцер. М.: ВШ., 1973. – 227 с.

Информационные ресурсы:

1. Владимирова В. Г. К проблеме об обучении межкультурной коммуникации с использованием аутентичных пособий / В. Г. Владимирова. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

2. Компаниченко В. В. Некоторые семантические проблемы перевода / В. В. Компаниченко. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

3. Лазарева О. П. Обучение переводу для делового и профессионального общения / О. П. Лазарева. – Режим доступа: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-3429.html?page=11>

4. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/132.Levitskaya-Fiterman/html/topic.html>

5. Миголатьева И. В. Теория перевода (курс лекций) / И. В. Миголатьева. – Режим доступа: <http://web-local.rudn.ru/web-local/prep/rj/index.php>

6. Нелюбин Л. Л. Переводческая лингводидактика: учебно-методическое пособие / Л. Л. Нелюбин, Е. Г. Князева. – Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/perevodovedcheskaya_lingvodidaktika_uche/read_online.html?page=1

7. Рецкер Я. И. Учебное пособие по переводу с английского языка на русский / Я. И. Рецкер. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/grammar/137.Retsker/>

8. Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – Режим доступа: <http://www.tepka.ru/rozentel/index.html>

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

